

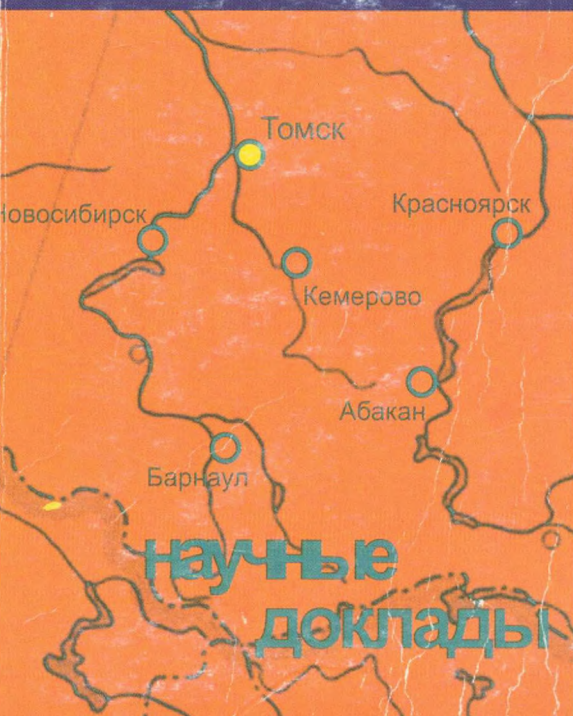
МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
<http://dsir.lib.tsu.ru>

T

Регионы России и мировые интеграционные процессы

научные
доклады

Томский
Межрегиональный Институт
Общественных наук

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

**Министерство
образования
Российской
Федерации**

**«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»**

**Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)**

**Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)**

**Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)**

Данное издание осуществлено в рамках программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»,
реализуемой совместно Министерством образования РФ,
«ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)»
и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона,
при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США),
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).
Точка зрения, отраженная в данном издании,
может не совпадать с точкой зрения доноров
и организаторов Программы.

Регионы России и мировые интеграционные процессы

Томск
ТГУ
2003

УДК 327:378
ББК 66.4+66.5
Р 31

Данный проект был осуществлен при поддержке АНО «ИНО-Центр (Информация, Наука, Образование) и Министерства образования РФ. Программа “Межрегиональные исследования в общественных науках”, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Институтом “Открытое общество” (фонд Сороса). Точка зрения авторов материалов, отраженная в данном сборнике может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

Р 31 Регионы России и мировые интеграционные процессы: Сборник статей / Под ред. А.Г. Тимошенко и В.П. Зиновьева. – Томск: Томский государственный университет, 2003. – № 3. – 190 с.

ISBN 5-94621-076-9

Сборник составлен из статей, подготовленных по итогам семинара «Регионы России и мировые интеграционные процессы», состоявшегося в Томске 27–28 ноября 2002 г. На семинаре обсуждались актуальные проблемы, возникающие в процессе включения российских регионов в самостоятельные международные связи и развития ими внешнеэкономической деятельности.

УДК 327:378
ББК 66.4+66.5

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В.А. Моисеев
доктор исторических наук, профессор Ю.В. Галактионов

Редакторы:

Доцент А.Г. Тимошенко
Профессор В.П. Зиновьев

Книга распространяется бесплатно

ISBN 5-94621-076-9

© Томский государственный университет, 2003.
© Авторы статей, 2003.

Содержание

Раздел 1. Глобализация, интеграция, регионализация в современном мире

<i>Лицарева Е.Ю.</i> Сравнительный анализ подходов к региональной интеграции Европейского Союза и (АТЭС)	9
<i>Селиверстов С.В.</i> Место Казахстана и сопредельных стран в Евразии (к вопросу о региональной принадлежности)	23
<i>Моу Сяньмин.</i> Анализ развития российско-китайских торговых отношений в период с 1990 по 2001 гг.	31
<i>Шабает Ю.П., Ковалёв В.А.</i> В поисках новой идентичности. Финно-угорские народы и регионы Российской Федерации как международные акторы	47
<i>Кобызов Р.А.</i> Этноконфессиональный фактор в приграничных регионах (Дальний Восток)	67
<i>Калюжнова Н.Я., Лю Хайлань.</i> Проблемы развития региональных российско-китайских экономических связей	75

Раздел 2. Международное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность сибирских регионов в современных условиях

<i>Третьяков В.С.</i> Российско-китайские экономические связи Байкальского и Дальневосточного регионов: сравнительный аспект	89
<i>Быков А.Ю., Боронин О.В.</i> Новое пограничье России: угрозы или преференции? (на примере Алтайского края)	97
<i>Говоров Ю.Л., Мишенин С.Е.</i> Изменение структуры внешней торговли Кемеровской области в условиях перехода от государственной экономики к рыночной	115
<i>Гущина А.М.</i> Подготовка иностранных специалистов в Новосибирском электротехническом институте для народного хозяйства стран СЭВ и развивающихся стран	121

**Раздел 3. Подготовка специалистов в области
международного сотрудничества и внешнеэкономической
деятельности для сибирских регионов**

<i>Троицкий Е.Ф.</i> «Центрально-азиатский регион в мировой политике» (Программа специального курса лекций)	137
<i>Зиновьев В.П.</i> Проблемы внутренней и внешней политики стран Центральной Азии (1991–2002 гг.) (План специального семинара)	155
<i>Зиновьев В.П.</i> Внешнеполитические проблемы стран Центральной Азии (Программа специального курса лекций)	165
<i>Дериглазова Л.В.</i> Международное гуманитарное право и его применение (Программа специального семинара)	172
<i>Дериглазова Л.В.</i> Социальная политика Европейского Союза (Специальный курс лекций)	178

Раздел 1

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.Ю. Лицарева

Томский государственный университет

Сравнительный анализ подходов к региональной интеграции Европейского Союза и (АТЭС)

Как свидетельствует мировая практика, интеграция достижима лишь на весьма высокой степени технико-экономического и политического развития национальных обществ, и потому в конце XX и начале XXI вв. она стала возможной только в высокоразвитых регионах мира. В таких регионах формируются первые очаги интеграции, имеющие тенденцию к постепенному росту¹. Данную ступень интернационализации называют региональной интеграцией, подчеркивая ограниченность ее пространственных масштабов и противопоставляя ее глобализации².

Интегрирование национальных экономик представляет собой закономерный этап регионального развития в Европе. При этом регионализм носит циклический характер. Первый пик регионализма наблюдался в 60-е гг., второй – в 90-е гг. Первая волна регионализма связана с созданием с 1957 г. европейского общего рынка. Вторая волна – с углублением европейской интеграции и созданием единого внутреннего рынка в 1992 г., а также «новым регионализмом» в Северной Америке, давшим о себе знать через создание НАФТА³.

В 90-е гг. многие исследователи отмечали «интеграционный бум» в форме резкой интенсификации регионализма в мировых экономических отношениях. При этом интеграционный бум имел две формы проявления: количественную, включающую большое количество региональных соглашений, перезаключение ранее существовавших договоров на новых условиях, и качественную, свидетельствующую об углублении регионального хозяйственного взаимодействия и более эффективном

эффективном использовании комплексных, более развитых форм интеграции. Одним из явлений 90-х гг. XX в. стало вызревание «макро-регионов» – североатлантического, евроазиатского и тихоокеанского.

Опыт Европы свидетельствует о том, что региональная интеграция имеет вполне конкретные цели: использовать возможности расширения рынка и снижения издержек производства за счет увеличения его масштабов; укрепить всестороннее сотрудничество между странами; усилить позиции стран на мировом рынке за счет создания региональных конкурентных преимуществ. Это не означает, что региональная интеграция представляет собой антипод глобализации. При этом все большее количество исследователей рассматривают региональные экономические комплексы в качестве важнейших элементов глобализации развития, а не его сегментации. Глобализация стала возможной на определенной стадии интернационализации, которая в целом является доинтеграционной стадией, как считает доктор экономических наук, профессор Ю.В. Шишков⁴. Лишь отдельные небольшие участки глобального поля интернационализации дозрели до уровня интеграции.

В то же время доктор экономических наук, координатор по России центров исследования АТЭС В.В. Михеев считает, что глобализации мировой экономики предшествует и противостоит регионализм. Регионализм также означает взаимозависимость стран и выход интересов хозяйственных субъектов за национальные границы – однако ограничивает сферу действия этих тенденций региональными рамками.

Регионализация усиливает обособленность отдельных торгово-экономических групп, укрепляет коллективный протекционизм и может тормозить процесс глобализации. При этом «открытый регионализм», рассматривающий экономическое развитие и интеграционное взаимодействие стран данного региона в контексте развития мировой экономики, находится в русле экономической глобализации, служит своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации мировой экономики⁵. ЕС и НАФТА представляют собой примеры такого «открытого регионализма». Во многом «открытый регионализм» проявляет себя, когда создание региональных хозяйственных организаций снимает возможное негативное воздействие на глобальную либерализацию. Это происходит, если преференциальные внутрирегиональные связи между членами группировки не ухудшают условия для внешнеэкономических связей с третьими странами. В частности, «открытый регионализм» применяется в азиатско-тихоокеанской модели, например в рамках Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Регионализм закрытый, напротив, противодействует глобализации.

Существует и иное определение процесса глобализации, которое дают специалисты МВФ, меняющее акценты при соотношении понятий «глобализация» и «интеграция». В соответствии с позицией МВФ, глобализация – быстрое интегрирование национальных экономик во всемирном масштабе посредством торговли, финансовых потоков, перелива технологий, информационных сетей и межкультурных обменов.

Таким образом, интеграция – сложный, многоаспектный саморазвивающийся исторический феномен, который зарождается в наиболее развитых, с технико-экономической и социально-политической точки зрения, регионах мира и шаг за шагом втягивает в этот процесс все новые страны по мере созревания их до необходимых экономических, политических и правовых норм. Наибольшими возможностями интегрирования располагают именно высокоразвитые страны, которые способны интенсивно обмениваться друг с другом товарами и услугами в самом широком диапазоне. При этом они благополучно взаимодополняют друг друга, а неизбежная конкуренция между их производителями товаров и услуг носит не разрушительный, а стимулирующий и созидательный характер и по большому счету способствует росту технико-экономического потенциала таких стран-партнеров и повышению благосостояния их населения. Наименьшие возможности экономического интегрирования с внешними партнерами существуют у аграрных стран и тех, которые делают лишь первые шаги по пути индустриализации. Их экономики либо вовсе не являются взаимодополняющими, либо дополняют друг друга в очень узком диапазоне и потому не столько тяготеют друг к другу, сколько взаимоотталкиваются, как соперники на мировом рынке. Их торговый обмен также не может вести к интеграции, но уже по другой причине: из-за глубокого разрыва в уровнях технико-экономического и социально-культурного развития, в моделях хозяйствования и правовых системах и в качестве человеческого капитала.

В то же время практика показывает, что «новый регионализм» вовлек в процесс регионализации страны, находящиеся на различных уровнях индустриализации. Кроме того, со времени первой волны «регионализма», в конце 80-х – начале 90-х гг. происходило радикальное изменение в тактиках менее развитых экономик. Многие усилия по сотрудничеству, предпринятые этими экономиками в предшествующие периоды, изменяли свое направление и теперь нацелены на то, чтобы противодействовать зависимости, укреплять систему совместных рычагов против индустриализации мира, пытаясь создать противовес бо-

лее сильным государствам. Философия новых региональных схем стала близка к идее необходимости «примкнуть к более имеющей шансы на успех стороне», то есть установить связь с более сильным. Союзы развивающихся государств с одним или несколькими более развитыми в плане индустриализации государствами руководствовались, отчасти, страхом фрагментации глобальной экономики, отчасти – боязнью усиления протекционизма со стороны основных индустриальных торговых партнеров, отчасти – желанием сделаться самим более привлекательными в плане иностранных инвестиций. Региональные экономические организации становились формой «подстраховочной» политики, которую осуществляли малые и развивающиеся государства в своих попытках обеспечить относительно беспрепятственный доступ к рынкам лидеров региональных экономик⁶.

Особое место в отечественной и, особенно, в зарубежной исследовательской литературе до сих пор занимает дискуссия, в ходе которой анализируются и сравниваются типы региональной интеграции Форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Европейского Союза.

Как показывает опыт мирового развития, к концу XX в. заметно усложнились и стали более разнообразными интеграционные процессы. При этом наблюдались и распады ранее тесно интегрированных экономических пространств. Переплетение благоприятных и негативных факторов на рубеже 80–90-х гг. определило специфику тихоокеанской интеграции. В середине 90-х гг. исследователи стали признавать не только принципиальную возможность развития интеграционных процессов, но и их специфику и немалый масштаб. Появился феномен «фактической интеграции» или микроэкономической интеграции на региональном и субрегиональном уровнях, что было не совсем характерно для других регионов мира. «Фактическая интеграция» в АТР развивалась на субрегиональном уровне вплоть до конца 80-х гг., когда началось формирование Форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества с постепенным вызреванием в 90-е гг. тенденции превращения его в сообщество государств⁷.

При этом необходимо было учитывать и специфику данной организации. Во-первых, членами АТЭС являются страны, представляющие все возможное многообразие культур, религий, отличающиеся по размерам населения, политической идеологии. Именно это разнообразие делает АТЭС радикально отличной от интеграционного образования на Европейском континенте. Если в рамках ЕС самый большой разрыв

в показателях уровней дохода на душу населения составляет 5:1 (Германия и Греция), то в рамках АТЭС – 40:1⁸. Во-вторых, ситуация усугубляется и тем, что в рамках АТЭС по сути функционировали несколько субрегиональных группировок – АСЕАН, НАФТА и АНЗСЕРТА (Австралия и Новая Зеландия), зоны свободной торговли между Чили и Мексикой, между Канадой и Чили. С одной стороны, эти группировки нацеливались на взаимную либерализацию, что положительно влияло на ситуацию в АТЭС. С другой стороны, многое зависело от готовности стран-участниц этих субрегиональных группировок распространить беспешинные режимы на прочие страны АТЭС. Пока только НАФТА объявила о намерении предоставить согласованные внутри нее уступки на третьи страны, входящие в Форум, после 2010 г.⁹

Тем не менее в официальных кругах АТЭС и в некоторых научных исследованиях с этой организацией связывают не только такое понятие как «открытый регионализм», но и планы интеграции на общерегиональном азиатско-тихоокеанском уровне. Сторонники данной точки зрения подчеркивали, что АПЕС или АТЭС является «открытой региональной организацией, способствующей экономическому обмену на основе либерализации торговых и инвестиционных барьеров до максимально возможного уровня с целью достижения всеобъемлющей свободной торговли. Этот процесс предполагает взаимность и сокращение торговых барьеров также применительно к третьим странам. АТЭС делает все возможное, чтобы создать крупные конкурентоспособные рынки, которые необходимы для массового производства и масштабных экономик и стимулировать более эффективное распределение труда, материалов и капитала. Растущая экономическая взаимозависимость АТЭС означает сотрудничество в сфере торговли и макроэкономическую координацию, которая становится все более и более значимой в силу того, что экономики, имеющие значительный частный сектор, объединяются в региональном экономическом диалоге под эгидой ВТО с тем, чтобы отойти от двусторонней торговли и регионального блокового формата. Свободная торговля является краеугольным камнем новой философии Азиатско-тихоокеанского глобализма»¹⁰.

Таким образом, АТЭС приняла уникальную модель согласованной односторонней либерализации. Это означало, что отдельные члены организации в одностороннем порядке провозглашали собственную либерализацию и программы содействия и осуществляли их в соответствии со своими внутренними правилами. Однако страны АТЭС пристально наблюдали друг за другом при разработке и осуществлении

программ либерализации. АТЭС действовала через рычаги «равного давления» среди членов с тем, чтобы обязать всех членов присоединиться к либерализации. Эта модель нередко оценивалась как весьма неустойчивая по сравнению с западным подходом к переговорному процессу – заключение соглашений, в том числе и о либерализации, с официально подкрепленными обязательствами, с ответственностью подписавшихся, с санкциями для нарушителей обязательств и т.д.¹¹

Таким образом, изначально в основе деятельности АТЭС лежала односторонняя либерализация торговли определенным количеством стран. При этом подход АТЭС нередко оценивался как менее эффективный, зависящий от определенной критической массы стран, готовых к либерализации или предпочитающих распространить подход АТЭС на многосторонние торговые переговоры в рамках ВТО. В отношении третьих стран главным в торговой политике государств организации стал принцип нежелательности дискриминации в любой ее форме. Ключевой принцип АТЭС – невмешательство во внутренние дела и внутреннюю политику – нередко приводил к непониманию и несогласованности, например при решении вопросов о правах человека, приграничных проблем. Коллективные действия в области экономического сотрудничества во многом стали бы более успешными, если бы существовало широкое общее понимание и видение принципов политического сотрудничества в рамках АТЭС. Так как этого не было, то сила АТЭС зависела в первую очередь от тех выгод, которые получал каждый член организации от своего членства в АТЭС или от критической массы совокупности преимуществ отдельных членов в рамках объединения. Финансовый кризис 1997–1998 гг. значительно сократил именно эту критическую массу.

Европейский подход, основанный на поступательном формировании зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка и экономического союза, обычно трактовали как проявление «плюралистической не дискриминационной либерализации специфическим количеством членов клуба»¹². Торговую политику Европейский Союз понимал в более широком смысле, чем страны АТЭС, включая ее в общий контекст внешних связей и напрямую увязывая ее с общей внешней политикой и политикой безопасности Сообщества, а затем Союза.

Отдавая должное «открытому регионализму» АТЭС, европейский путь к региональной либерализации, в силу значительного снижения объема преференций с 1957 г., ни в коем случае нельзя трактовать как проявление «закрытости», за исключением, может быть, только сельскохозяйственного сектора. Как показала практика ЕС, внутренний де-

монтаж торговых барьеров сопровождался обязательствами по отношению к либерализации торговли с третьими странами. Параллельно с демонтажем оставшихся торговых барьеров в рамках Сообщества торговые барьеры с другими странами мира в промышленном секторе демонтировались даже более строго. Во многом это объяснялось позицией Секретариата ВТО, который связывал успех послевоенной широкой либерализации с процессом региональной интеграции в Европе, побуждая к параллельности внутреннего и внешнего демонтажа торговых барьеров. Результатом чего стало увеличение разницы в темпах роста ВВП между европейским интеграционным объединением в начале 90-х гг. и остальным миром, так как Европейский Союз, признав необходимым осуществить либерализацию внешней торговли, ослабил усилия, связанные с экономическим ростом. Последнее подтвердилось нулевым ростом темпов ВВП ЕС в первой половине 90-х гг., по сравнению с США и развивающимися странами Азии с их ежегодным ростом от 4 до 8%.

При этом специалисты отмечали две стороны развития ЕС. Первая из них заключалась в том, что между европейской внутренней и внешней либерализацией невозможно проследить какой-либо видимой связи, которая бы демонстрировала со стороны Союза автоматическое снижение внешних торговых барьеров при снижении внутренних барьеров. Вторая – в том, что внешняя либерализация при «клубной основе» выравнивается, замедляясь у одних стран и ускоряясь у других. Результативность этих двух противоположных позиций в ЕС очень трудно определить в силу специфичности ситуации, например в сельскохозяйственном секторе. По крайней мере для производственного сектора можно сказать, что группа сторонников либеральной торговли в ЕС имела значительный вес и финансовые средства, чтобы заставить менее либерально настроенных членов стать более либеральными, чем по национальному сценарию. Так трудно представить себе, чтобы Германия достигла бы такого уровня либерализации сама по себе при сравнении с той ситуацией, в которой она оказалась в рамках Европейского Союза.

При этом обоюдность интересов сторон в ходе либерализации, как в европейском подходе, так и в подходе АТЭС, оставалась ключевым элементом. Хотя ЕС и АТЭС по разному подходили к самому процессу либерализации, тем не менее общим, как для ЕС, так и для АТЭС, оставалась асимметричность внешней либерализации между промышленностью и сельским хозяйством¹³. Подобно Европейскому Союзу, где сельскохозяйственному сектору давалось больше времени перед тем, как он

был открыт международной конкуренции, страны АТЭС считали сельскохозяйственный сектор также наименее конкурентоспособным в условиях мирового рынка и не торопились с либерализацией этого сектора. Члены ЕС с более конкурентным сельским хозяйством долго терпели неудачу, убеждая партнеров, что продолжающаяся защита сельскохозяйственного сектора мешает структурным изменениям и росту Сообщества.

Пристальное внимание специалистов к АТЭС и Европейскому союзу не случайно, так как обе группировки в начале 90-х гг. в значительной мере стимулировали развитие торговых связей. Они внесли определенный вклад в завершение процесса Уругвайского раунда переговоров ГАТТ и деятельность ВТО. Будучи сторонниками соблюдения всеми торговыми партнерами правил ВТО, они заявляли о необходимости стабильности и совершенствования деятельности многосторонней торговой системы. При этом Европейский Союз выступал как единое целое, а страны АТЭС действовали в одностороннем порядке.

На государства обеих группировок приходилось около 82% мирового импорта и 85% мирового экспорта (с середины 90-х гг. эти показатели демонстрировали тенденцию к постоянному росту). Но при этом наблюдалась следующая закономерность. Если разделить АТЭС на три субрегиональные группы – развивающиеся страны Азии (включая Китай), Японию, США, Австралию, Новую Зеландию, Канаду и латиноамериканских членов организации, то становится очевидным, что растущая доля АТЭС в мировой торговле (с 37% в мировом импорте в 1990 г. до 44% в 1995 г.) была достигнута за счет роста внутрирегиональной торговли. В результате чего доля внутрирегионального экспорта трех основных субрегиональных групп* в общем экспорте, возросла с 64% в 1990 г. до 69% в 1995 г. с увеличением в пропорции темпов роста Японии и уменьшением темпов роста США. При этом 3/4 экспорта развивающихся стран Азии и Японии в 1995 г. приходилось на торговых партнеров АТЭС. В случае с Европейским Союзом за тот же период времени можно было наблюдать уменьшение доли внутрирегиональной торговли почти на 4% (с 66% в 1990 г. до 62% в 1995 г.) в силу двух причин. Присоединение новых членов снизило долю внутрирегиональной торговли ЕС, а экономики с растущим импортным спросом находились за пределами ЕС. Именно последняя причина, как оказалось, стала наиболее значимой¹⁴.

Европейский Союз, как известно, имея общую торговую политику в отношении третьих стран, в первую очередь способствует торговле среди государств-членов, которые следуют общепринятым правилам.

Это проявлялось, например, в соблюдении правил квотирования торговли специфическими товарами потребления – табаком, алкоголем, на которые были разные акцизы в странах ЕС и за ними требовался контроль на внутренних границах¹⁵. Что касается стран АТЭС, то для них не было никакой разницы между внутренней или внешней торговой политикой, так как и содействие торговле, и либерализация не разграничивались в понимании стран организации. Единственно, что несколько сместило акценты, так это обязательства сфокусировать либерализацию на отдельных секторах и сферах деятельности (секторальная либерализация) с тем, чтобы выполнить решения, принятые в Богоре к 2010 и 2020 гг. (аналогичные задачи решались странами ЕС в программе создания единого рынка). При этом необходимо отметить, что за исключением сельскохозяйственной продукции и некоторых видов промышленных товаров (автомобили, текстиль) Европейский Союз выстраивал свою внутреннюю либерализацию на основе принципа «поперек границ», то есть либерализации подвергались все сектора по общей схеме. Этот принцип, как оказалось, стал отправным пунктом дальнейших предложений ЕС в раунде многосторонних торговых переговоров. Члены же АТЭС согласились только на секторальную либерализацию, отобрав определенное количество приоритетных секторов (Субик Бей, ноябрь 1996 г.). Некоторые инициативы, как показал филиппинский саммит 1996 г., концентрировались на секторах с низким или умеренным уровнем защиты, секторы с высокой степенью защиты часто оставались за пределами такой либерализации. Самым осторожным подходом у стран АТЭС оставался подход в решении проблем мобильности рабочей силы в рамках региона. Беря во внимание значительные отличия в количественных показателях неквалифицированного труда в рамках АТЭС, можно было с уверенностью сказать, что мобильность рабочей силы, скорее всего, станет одной из последних сфер, которую когда-нибудь затронет либерализация.

В 90-е гг. XX в. государствам Европейского Союза приходилось решать одновременно как проблемы углубления интеграционного процесса, так и его расширения. Страны же АТЭС попытались поддерживать существующее положение через осознание государствами-членами своих целей (саммит 1994 г. в Богоре) и необходимых действий (саммит 1996 г. в Маниле). Нередко положение осложнялось фактором «разнородности» и возможности компромисса при этом и в случае с ЕС, и в случае с АТЭС. В Европейском Союзе при постоянном членстве и приверженности формальным методам, в том числе и формаль-

ным санкциям, возможное растущее действие фактора «разнородности» находилось под контролем. Однако разные скорости исполнения, например в случае с обязательствами по созданию Единого рынка, нередко приводили к росту действия фактора «разнородности» даже среди «старых» членов ЕС. В АТЭС экономическая и политическая «разнородность» всегда являлись наиболее значимыми для организации и были признаны в качестве таковых с самого начала, проявляя себя в принципе согласованной односторонности. Так, АТЭС позволила государствам-членам заявить программы либерализации в одностороннем порядке и осуществлять их в соответствии со своими правилами. Но остался открытым вопрос о том, достаточно ли принципа «равного давления» или морального убеждения, чтобы заставить партнеров принять программы либерализации, совместимые с программами соседей.

Необходимо остановиться и на том, что при либерализации внутренней торговли Европейский Союз никогда не дифференцировал своих членов по принципу уровня экономического развития. Эти различия чувствовались лишь при определении выплат через структурные фонды развития. В этом случае цели распределения средств отделялись от целей размещения. В рамках АТЭС развивающимся странам давалось больше времени на демонтаж торговых барьеров, чем развитым странам. Это разделение создавало определенную заинтересованность и зависимость, так как статус «развитого» определялся согласно весьма спорным критериям, что приводило к либерализационной инерции.

Помимо остающейся «разносторонности» при постоянном членстве, в то же время существовала и «разносторонность» в случае расширения. Если ЕС решил расширяться в восточном направлении, то АТЭС решил идти как на Север (Россия), так и на юго-восток (Латинская Америка). В обоих случаях более бедные страны с высоким уровнем защиты внутреннего рынка от внешнего воздействия должны присоединяться к более развитым странам. Для АТЭС, которая придерживается неформальных методов, нет большой разницы, является или нет Россия или Перу членами организации, при условии, что и дальше будет работать принцип «равного давления». Однако эффективность принципа «равного давления» можно сразу же оспорить в случае с присоединившимися странами, которые в течение какого-то периода времени не могут действовать в рамках уже сложившейся конкурентной среды. В то время как страны Восточной и Юго-восточной Азии развивают такую среду внутренне, а также в отношении США – внешне, в случае же с Россией и Латинской Америкой пока нет определенности. По мере

ослабления принципа «равного давления», как руководящего принципа развития, расширяющийся АТЭС будет вынужден вводить более жесткие правила контроля и баланса среди основной группы стран, позволяя периферийным странам идти своим путем. В конце концов правила «интеграции на разных скоростях» могут заменить принцип «равного давления» и сделать АТЭС более влиятельной, чем теперь.

С проблемой расширения связана другая проблема – мораторий на принятие новых членов. Экономисты и политики длительное время высказывали точку зрения, которая в данный момент оспаривается, что «перспективы сотрудничества уменьшаются с увеличением количества игроков». В частности, большое количество членов организации затрудняет контроль за их деятельностью или же процедуру применения санкций в случае нарушения обязательств. В АТЭС, с ее преобладающими неформальными методами регулирования, имеющиеся члены организации при всех возможных случаях заявляли о «моратории на допущение новых членов в их клуб», объясняя это тем, что «расширение может усложнить задачу обширной и углубляющейся кооперации» в рамках организации. Поддержка Малайзией увеличения количества членов АТЭС (в случае с Чили) показалась, по мнению некоторых партнеров, продуманной стратегией, нацеленной на ослабление группировки. С другой стороны, уж пусть лучше будет большое количество членов той или иной организации, объединенной общей целью, чем прогрессирующая дифференциация интересов¹⁶.

Конец XX в. свидетельствовал и о том, что по разным причинам асимметричные шоки затронули как АТЭС, так и ЕС. Самый крупный асимметричный шок в Европейском Союзе, вызванный объединением Германии в конце концов привел к кризису механизма обменных курсов в 1992 г. и на какое-то время подорвал доверие к проекту создания Валютного Союза. С наступлением третьей стадии проекта создания Валютного Союза, который довольно успешно стартовал в 1999 г., риск асимметричных шоков не уменьшился, так как скорость конвергенции за пределами основной группы оставалась все еще медленной. Как оказалось, в такой ситуации в качестве буфера не достаточно было изменений в номинальных обменных ставках, при том, что бремя асимметричных шоков в основной группе стран ЕС по прежнему давило на рынки рабочей силы, которые не были настолько гибки относительно миграции или состояния цен.

В Восточной Азии валютный кризис 1997–1998 гг. буквально обрушился на страны АТЭС, и особенно на страны АСЕАН. При этом

нельзя было исключать опасности того, что валютная стабилизация в рамках АТЭС напрямую приведет к сокращению импорта затронутых кризисом стран. К такому сокращению привела не только погруженность в собственные внутренние проблемы, но и некоторые политические действия правительств, например отсрочка либерализации торговли в целом или требование об изменении сроков либерализации в сторону увеличения ряда наиболее чувствительных к изменениям секторов.

Все это необходимо учитывать при выстраивании основных концептуальных подходов российской внешнеэкономической политики. Интеграция Российской Федерации в мировое экономическое сообщество неизбежна и в последние годы идет полным ходом. Интеграционные процессы на Европейском континенте, и особенно в АТР, учитываются при выстраивании как краткосрочных, так и долгосрочных целей России. В этой связи необходимо учитывать, что главной стратегической целью России в том же АТР становится превращение ее в связующее экономическое, финансовое, культурное, цивилизационное звено европейской и азиатской экономик. Целесообразно сотрудничество на межрегиональном уровне и наиболее перспективным в этом плане является членство в АСЕМ (Asia-Europe Meeting) – форуме, объединяющем ЕС и 10 стран АТР¹⁷. Как считает большинство политиков, в среднесрочной перспективе России следует принимать активное участие в экономической и финансовой интеграции в рамках АТЭС и на субрегиональных уровнях (Восточно-азиатский форум). В этом плане краткосрочные цели РФ в Азиатско-тихоокеанском регионе связаны не только с развитием двусторонних отношений* с соседями по региону, но и текущей работой России в АТЭС.

При этом большинство современных отечественных специалистов считает, что европейская часть российской экономики объективно больше тяготеет к Европе, к сотрудничеству с ЕС. Сибирь, с ее топливно-энергетическим, сырьевым и металлургическим комплексами, также больше обращена на Запад – на европейскую часть РФ и ЕС (экономические грузопотоки из Сибири главным образом до недавнего времени шли в европейскую часть российской экономики и далее в Европу). Дальний Восток геоэкономически, и с точки зрения вектора хозяйственных связей, ближе к Северо-восточной Азии и АТР. Европейская Россия и, в значительной степени, Сибирь представлены в АТР как составные части российской экономики. Пока глобальный характер экономики РФ ограничен рынками нефти, газа, редкоземельных металлов и

весьма небольшим набором высоких технологий (оборудование для АЭС, самолеты, военные технологии). Дальневосточная экономика России в отличие от европейской части РФ и отчасти Сибири, напротив, предстает в АТР как экономика региональная. При этом Дальний Восток имеет свободный доступ к морским путям сообщения с зарубежными торговыми партнерами. В условиях ограниченного федерального бюджета главным источником развития российских дальневосточных территорий становится внешний фактор. Таким образом, стратегия России в АТР в XXI в. должна строиться исходя из двойственного положения России в этом регионе: как глобальной экономики и как экономики региональной, представленной в этом своем качестве экономикой российского Дальнего Востока и в определенной степени Сибири¹⁸. Учитывая особенности России и отдельных субъектов РФ, расположенных в азиатской части, отечественные специалисты возлагают особые надежды на Форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. Так как, будучи членом этого форума, Россия имеет реальную возможность интегрирования не только в региональную экономику, но и глобальную систему экономических связей, тем более что, несмотря на все имеющиеся отклонения от первоначально намеченных целей, интенсивный рост экономической взаимозависимости стран-участниц АТЭС позволяет надеяться на их своевременное достижение.

Примечания

¹ Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI в. Почему не интегрируются страны СНГ? М.: НП «III тысячелетие», 2001. С. 17.

² При этом интернационализация хозяйственного, политического, культурного и других аспектов жизни общественных организмов, функционирующих как национально-государственные макроструктуры, стала наиболее общим проявлением нарастающего взаимодействия между странами.

³ Ravenhill J. APEC and the construction of PACIFIC RIM regionalism. Cambridge Univ. Press, 2000. P. 15.

⁴ Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. С. 18.

⁵ Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М.: Институт Дальнего Востока, 2001. С. 64.

⁶ Ravenhill J. APEC and the construction of PACIFIC RIM regionalism. Cambridge Univ. Press, 2000. P. 35–36.

⁷ См. об этом: Lawrence R. Z. Regionalism, Multilateralism, and Deeper Integration. Wash., 1996. P. 79–93; Международные экономические отношения. М.: РОССПЭН, 2001. С. 355–356.

⁸ Kim Youn-Suk, Koo Hyeng Keun. Asia-Pacific region in changing global economy // Human Systems Management. Amsterdam, 1997. Vol. 16, № 4. P. 256–287.

⁹ См. об этом: Yamazawa I. Asia Pacific Economic Cooperation (APEC). Challenges and tasks for the twenty-first century. London and New York, 2000. P. 14, 126, 128–129, 130–135.

¹⁰ См. об этом: Kim Youn-Suk, Koo Hyeng Keun. Asia-Pacific region in changing global economy. P. 285–286.

¹¹ Yamazawa I. Asia Pacific Economic Cooperation (APEC)... P. 59.

¹² См. об этом: Langhammer R.J. Regional integration APEC style: Lessons from integration EU style // ASEAN Economic Bulletin. Singapore. 1999. Vol. 16, № 1 (Apr.). P. 1–17.

¹³ Langhammer R.J. Regional integration APEC style: Lessons from integration EU style... P. 1–2.

¹⁴ Ibid. P. 3.

¹⁵ Лицарева Е.Ю. Маркетинг – основа стратегии бизнеса. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. С. 46.

¹⁶ Ravenhill J. APEC and the construction of PACIFIC RIM regionalism. Cambridge Univ. Press, 2000. P. 31.

¹⁷ Членство в этой структуре носит индивидуальный характер. На третьем саммите в Сеуле (октябрь 2000 г.) наблюдательная группа АСЕМ состояла из 26 членов (лидеры 25 стран Азии и Европы и Еврокомиссии). Из государств АТР в данную организацию помимо семи стран АСЕАН вошли Китай, Япония и Республика Корея.

¹⁸ См. об этом: Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм. С. 178–179, 186–187, 190–191, 198–199, 203–204.

С.В. Селиверстов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана

МЕСТО КАЗАХСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН В ЕВРАЗИИ (к вопросу о региональной принадлежности)

Как корабль назовешь, так он и поплывет.
Старая мудрость

Становление исторического и политического самосознания, идентичности Казахстана и сопредельных стран происходит в дискуссиях. Это связано с обсуждением актуальных вопросов как «внутренней», так и «внешней» истории и общен исторических проблем, совокупность которых можно определить как историческое регионоведение.

Страны существуют не в пустоте, а в конкретном историческом и географическом пространстве, в конкретном историческом регионе. Региональная принадлежность – это не абстрактный и второстепенный вопрос, оторванный от реальной истории и политики. На наш взгляд, именно понимание региональной принадлежности той или иной страны в значительной мере определяет ее подходы по всему спектру внешней политики и международных отношений.

Из современных дискуссий с зарубежными историками выясняется, что многие из них (если не большинство) смотрят на Казахстан, как на центрально-азиатскую страну, то есть исходят из того, что Казахстан – это часть Центральной Азии. Данная точка зрения распространена как среди российских историков, так и среди специалистов зарубежных научных фондов, активно действующих на территории Казахстана и сопредельных стран¹.

Кажется, что точка зрения о центрально-азиатской региональной принадлежности Казахстана очевидна. Обращение к карте мира это только

подтверждает – Казахстан находится в центре континента. Но все же зададимся школьным вопросом: а что такое вообще Центральная Азия?

До недавнего времени Центральной Азией считались горные, степные и пустынные районы в глубине Азии, на севере ограниченные Алтаем и Саянами, на западе – Памиром и Тянь-Шанем, на юге – Гималаями, а на востоке – Большим Хинганом. То есть Центральная Азия включала историческую Джунгарию, Кашгарию, Монголию, в том числе Внутреннюю, и Тибет. Равнинная территория к западу от Тянь-Шаня и Памира именовалась в российской научной традиции, как известно, «Средней Азией»².

При этом в отечественном регионоведении и географии XX в. существовала устойчивая традиция не смешивать Казахстан со Средней Азией. Ведь когда использовалось понятие «Средняя Азия», то, как известно, подразумевались следующие республики СССР: Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан. Казахстан никогда в контекст Средней Азии не включался. В случаях же, когда требовалось назвать среднеазиатские республики и Казахстан вместе, то стандартно использовалась формулировка – «Казахстан и Средняя Азия». Также отметим, что географический центр Азии находится, как известно, не на территории Казахстана или «Средней Азии», а к востоку от Алтая – в Туве, то есть в том регионе, который в российской научной традиции и именовался Центральной Азией.

Однако в 90-е гг. появилась тенденция все внутреннее пространство континента – Среднюю Азию, Центральную Азию и Казахстан – трактовать как Центральную Азию.

Особенно настойчиво точку зрения, что Казахстан и его южные соседи – это Центральная Азия, пропагандируют западные научные фонды. В качестве примера можно привести журнал «Центральная Азия и Кавказ», издаваемый в Швеции на русском языке и достаточно широко известный в странах СНГ. Примечательно, что в этом журнале, где Казахстан и страны Средней Азии обозначаются как страны Центральной Азии, вообще отсутствуют материалы о странах и регионах прежней – исторической – Центральной Азии (Западные провинции Китая, Монголия, Тибет). Или, например, укажем на Гарвардский университет в США, в котором изучение Казахстана сосредоточено в Центре по изучению Центральной Азии. Такой же «центрально-азиатский» подход по отношению к Казахстану проводят французские востоковедческие научные структуры.

Возможно, эти тенденции способствовали замене регионалистской терминологии: и на официальном уровне в 90-е гг. Средняя Азия стала

Центральной Азией. Конечно, для Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана отказ от термина «Средняя Азия» понятен – это было связано с необходимостью освободиться от терминологии, связанной с советским периодом. На что можно было заменить «Среднюю Азию»? Только на «Центральную». Тем более, что понятия «Центр», «Центральный» всегда были весьма многозначительны.

Для Казахстана, который в прежние времена не включался в состав «среднеазиатского» региона, в этой ситуации, думается, значительную роль сыграло стремление к региональной солидарности со своими южными соседями, основанное на исторических, этнических и культурных взаимосвязях. Так, в итоге не только Туркменистан или Таджикистан, но и Казахстан, граничащий, как известно, на 7 тысячах километров с Россией, стал Центральной Азией.

При всей очевидности такой «центрально-азиатской» региональной идентификации Казахстана все же следует, на наш взгляд, проанализировать этот вопрос глубже. Данные заметки не претендуют, разумеется, на окончательную оценку, их цель – подчеркнуть важность дальнейшего изучения вопроса о региональной принадлежности, идентификации Казахстана и сопредельных стран. Анализируя данный вопрос, следует иметь в виду два аспекта: 1) географический и 2) исторический (цивилизационный).

Рассмотрим первый аспект – формально-географический. Если подходить строго географически, то Центральная Азия – это тот регион географической Азии (без Европы), который находится в ее «центральной» части. Но насколько обоснованно, в таком случае, отнесение Казахстана к Центральной Азии? Ведь, строго говоря, Казахстан – это страна на западе Азии. Точнее – это северо-западная часть Азии.

При этом хорошо известно, что часть Казахстана (к западу от реки Урал) вообще находится в географической Европе. И что эта Европейская часть составляет 14% казахстанской территории. Здесь можно провести прямые аналогии: Европейская Турция и Азиатская Турция; Европейская Россия и Азиатская Россия. И, следовательно (в формально-географическом смысле), Европейский Казахстан и Азиатский Казахстан. Примечательно, что у Турции, которая активно присутствует в европейских структурах, только 3% территории находится в Европе, и 97% – в Азии. А у России к Европе относится около 1/3 территории и более 2/3 – к Азии.

Именно наличие у Казахстана территории в Европе стало основанием для постановки вопроса о вступлении Казахстана в Союз европейских футбольных ассоциаций (УЕФА). Следует отметить, что в 90-е гг. УЕФА

руководствовало докладом Института спортивных исследований, в котором утверждалось, что Казахстан не имеет территории в Европе³. И вот в 2001 г. немецкий ученый-географ О. Бауме из Мюнхенского географического института, как указывается в прессе, «доказал», что у Казахстана есть территория в Европе⁴. Во всей этой интриге вокруг вступления Казахстана в УЕФА интересно не то, что европейцы якобы не знали элементарной географии (прекрасно знали!), а то, что изначально они исходили из того, что Казахстан – государство азиатское. Но география – вещь упрямая, плюс серьезные усилия и аргументы Футбольного Союза Казахстана, и вот результат – в апреле 2002 г. на конгрессе УЕФА Казахстан принят в состав Союза европейских футбольных ассоциаций.

Очевидно, что значение принятия Казахстана в УЕФА выходит далеко за пределы спорта. За спортом, тем более таким, как футбол, идет политика. Вступление в УЕФА открыло Казахстану прямой путь для вступления в Европейские структуры. И, в принципе, ничто не может остановить Казахстан на этом пути. В любом случае формальные географические основания для движения Казахстана в Европу есть, и они признаны в самой Европе.

Таким образом, ситуация с УЕФА позволяет рассматривать Казахстан как государство, в известном смысле, европейское (во всяком случае, не менее европейское, чем Турция и Россия). Как же тогда быть с концепцией Республики Казахстан как центрально-азиатского государства? Ведь очевидно, что центрально-азиатское государство не может быть одновременно европейским государством. Такова географическая сторона проблемы региональной идентификации Казахстана.

Теперь обратимся к историческому, цивилизационному аспекту (это обращение будет кратким, но на самом деле оно заслуживает обширного исследования). В обыденном сознании среднего европейского ученого Казахстан рассматривается как азиатская страна в первую очередь в силу преобладания среди населения тюрков-мусульман. Однако это только «верхний» слой истории Казахстана. Исторически Казахстан – часть степной, кочевой цивилизации, которая развивалась на внутренней территории континента со II тысячелетия до новой эры, то есть задолго до распространения ислама.

Какое же место занимала степная, кочевая цивилизация в Азии? По отношению к древним центрам восточной цивилизации – Китаю, Индии, Ираку, Ирану, Ближнему Востоку – степная цивилизация занимала периферийное, окраинное, северное положение. Такое же окраин-

ное положение Казахстан занимает и по отношению к центрам традиционного мусульманского мира.

Но следует признать и другое – конструкция «Казахстан в Азии» условна, чисто умозрительна. Хорошо известно, что степная, кочевая цивилизация никогда не ограничивалась рамками географической Азии. Степной мир – сначала ираноязычный, а потом тюрко-монгольский – был важнейшим фактором не только азиатской, но и европейской (в первую очередь, восточноевропейской) истории. Многовековую степную цивилизацию, наследником которой является современный Казахстан, нельзя по своему историческому значению свести только к Азии.

По отношению к цивилизациям Азии и Европы степная, кочевая цивилизация занимала срединное положение. Такое понимание исторического места актуализирует евразийский аспект истории Казахстана и тюркского мира вообще. При желании, конечно, можно найти определенные аргументы в пользу чисто азиатской сущности казахстанской истории. Но все же, думается, такой подход будет гораздо более односторонней интерпретацией и удалит нас от понимания истинной роли степной цивилизации, тюркского мира и Казахстана в мировой истории.

На наш взгляд, принципиально то, что Казахстан является евразийской страной не потому, что здесь в течение 2–3 последних веков живут славяне. Думается, что Казахстан являлся бы евразийской страной и в том случае, если бы здесь даже никогда не было бы ни одного славянина (или, например, угро-финна). Казахстан есть евразийское государство не в силу противоречивых тенденций казахстанско-российской истории XVIII–XX вв., а в силу своей собственной тысячелетней истории, в силу самого характера степной, кочевой цивилизации, которая в своем развитии никогда не спрашивала разрешения у западноевропейских географов и политиков: где ей быть – в Азии, или в Европе, и с кем больше контактировать.

Степная цивилизация не вписывается в двухполюсную, двухцветную картину мира: Европа и Азия, Запад и Восток, Север и Юг. Конечно, учитывая тенденции последних двух веков, у исследователя может создаться впечатление, что евразийский аспект развития Казахстана взаимосвязан только с влиянием России. Но это впечатление обманчиво, оно не учитывает собственной евразийской роли, собственного евразийского потенциала Степного мира. Казахстан – евразийская страна не только потому, что рядом есть Россия. Наоборот, это Россия – евразийская страна в значительной степени потому, что рядом с ней (и внутри ее) исторически всегда был Степной мир.

Все это тем более актуально, что сейчас для Казахстана объективно открывается совершенно новый аспект и евразийства, и европеизма – без России. Я имею в виду возможность вхождения Казахстана в европейские структуры напрямую. При этом, разумеется, никто не ведет речь о том, что Казахстан должен стать чисто европейской страной. Казахстан никогда не станет стандартным средним европейским государством типа Бельгии, Чехии, Швеции, но он никогда не станет и средним азиатским государством, таким, например, как Малайзия, Вьетнам, Корея, Ирак или Пакистан.

Таким образом, концептуально (как с географической, так и с исторической точек зрения) есть все основания рассматривать Казахстан как Евразийскую страну, а место на континенте, где он находится – как Евразийский регион или, точнее, – как Центрально-Евразийский регион. Концепция Центрально-Евразийского региона, концепция Центральной Евразии, позволяет, во-первых, не разрывая искусственно, сохранить историческое единство внутреннего пространства континента и при этом, во-вторых, адекватно истолковать центрально-континентальное положение Казахстана, центральное не по отношению только лишь к Азии, а центральное – по отношению ко всему Евразийскому континенту. Данный «центрально-евразийский» региональный подход вполне применим, на наш взгляд, и к сопредельным регионам России.

Существуют ли такие «евразийские» подходы к историческому регионоведению, к регионалистике в современной научной и учебной литературе? Да, существуют, – но в меньшинстве. Российским историкам и политикам по-прежнему проще рассматривать Казахстан как азиатский регион, как азиатскую страну, а саму Россию, наоборот, как страну европейскую. Однако сдвиги все же происходят. Следует выделить исследование российского историка Н.Б. Нарбаева «Россия и Евразия: Проблемы государственности. Вторая половина XIX – начало XX века»⁵. В своей содержательной монографии автор приходит к выводу о необходимости выделения региональной территории в центре Евразии и определяет эту территорию как «Центральноевразийский регион»⁶. Пространство этого региона, по Н.Б. Нарбаеву, охватывает обширную территорию вокруг широтной степной зоны, которая и является ее подлинным «становым хребтом»⁷. Очевидно, что ядро данного региона сегодня составляет Казахстан и сопредельные области России.

С другой стороны, имеются серьезные сдвиги и в общей географической регионалистике Евразии. Так, авторы новейшего фундаментального университетского учебника «Экономическая, социальная и поли-

тическая география мира. Регионы и страны» под общей редакцией президента Русского географического общества С.Б. Лаврова, наряду с Европейским и Азиатским регионами континента Евразия, выделяют «Евразийский регион», включающий страны СНГ³.

На наш взгляд, оба рассмотренные выше подхода, как с выделением Евразийского региона, так и с выделением Центрально-Евразийского региона, не противоречат друг другу. По отношению к Большому Евразийскому региону Центрально-Евразийский регион может рассматриваться в качестве субрегиона. Концепция «Центрально-Евразийского региона», по сути, дополняет концепцию «Евразийского региона». При этом следует иметь в виду, что в основе выделения Центрально-Евразийского региона лежат изначально не политические, а исторические и естественно-географические основания, поэтому пространство этого региона (субрегиона) не совпадает с государственными границами тех или иных современных государств.

Если же поставить вопрос о конкретно-географическом и конкретно-историческом «содержании» Центрально-Евразийского региона, то ответ может быть следующим. Пространство Центрально-Евразийского региона включает, с востока на запад, территорию от Алтая до Поволжья, а с севера на юг – от таежной зоны Западной Сибири до Верхний Аму-Дарьи и Памира.

Таким образом, возвращаясь к вопросу об историческом месте Казахстана на континенте, на наш взгляд, необходимо признать, что географически и исторически правильнее будет формулировать данный аспект именно как «Казахстан в Евразии», а не только как «Казахстан в Азии». При этом регионом, в контексте которого развивается Казахстан, становится не Центральная Азия, а Центральная Евразия, исторически включающая в себя также страны «Средней Азии» и сопредельные с Казахстаном территории Российской Федерации.

Исторически Казахстан всегда взаимодействовал со странами как на северном направлении, так и на южном. Региональная идентичность Казахстана в последние годы также имела два основных контекста: центральноазиатский и евразийский. Такая региональная ориентация Казахстана (на, так сказать, «центразийство» и «евразийство») в 90-е гг. XX в. была, по существу, единственно правильной региональной политикой. Любая односторонняя региональная ориентация имела бы больше недостатков, чем позитивных сторон.

Казахстан находится совершенно в уникальной ситуации: он может вести, действительно, многовекторную региональную политику: и как

азиатское государство, и как центрально-азиатское, и как евразийское и, наконец, как европейское. Из всех стран мира объективными географическими и историческими предпосылками для ведения такой разнонаправленной региональной политики обладает, кроме Республики Казахстан, только Российская Федерация.

В ближайшем будущем такая разнонаправленная региональная политика, видимо, будет сохранять для Казахстана свою актуальность. Но все же все названные векторы не могут быть механически равны между собой. В широкой перспективе – с укреплением своего веса в мире, с наращиванием экономического потенциала – Казахстан, думается, должен будет конкретизировать свою региональную идентичность. Вопрос о региональных приоритетах, в сущности, неизбежен. И в этом плане чисто азиатская или чисто европейская идентичность вряд ли будет оптимальной для Казахстана. Стране, находящейся в центре Евразийского континента, логичнее и целесообразнее обращать большее внимание на сопредельные страны, на своих непосредственных исторических и политических соседей. И здесь выбор опять остается либо за «центразийской» ориентацией, либо за «евразийской».

На наш взгляд, стратегические национально-государственные интересы Казахстана находятся преимущественно в контексте Евразийского регионального пространства, которое, конечно, должно пониматься при этом достаточно широко и гибко. Думается, что историческая миссия Казахстана и России, как стран, находящихся в самом центре Евразии, как раз в том и заключается, чтобы усиливать, расширять Евразийское сообщество, делая его экономически взаимовыгодным и политически приоритетным и для себя, и для сопредельных стран.

Примечания

¹ См.: Россия – Центральная Азия. Материалы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии» / Ред. колл.: А.Д. Богатуров, В.А. Монсеев. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2002. 232 с.

² См.: Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. С. 55.

³ Казахстанская правда. 2001. 13 окт. С. 8.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Нарбаев Н.Б. Россия и Евразия: Проблемы государственности. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 1997. 288 с.

⁶ Там же. С. 9, 10.

⁷ Там же. С. 285.

⁸ Экономическая, социальная и политическая география мира. Регионы и страны. СПб.: Гардарика, 2002.

Моу Сяньмин

Новосибирский государственный технический университет

Анализ развития российско-китайских торговых отношений в период с 1990 по 2001 г.

Китай и Россия, крупнейшие соседние государства, имеют одну из самых длинных сухопутных границ в мире, протяженность которой около четырех тысяч километров. Это уникальное географическое преимущество и послужило исторической причиной развития российско-китайской торговли.

Развитие российско-китайского сотрудничества стоит в ряду приоритетных внешнеэкономических задач как России, так и КНР. В ходе взаимных визитов руководителей двух стран неоднократно отмечалось, что Россия и Китай имеют огромный потенциал сотрудничества, реализовать который необходимо уже в ближайшем будущем.

В 1989 г. произошло восстановление нормальных отношений между Китаем и Россией. В 90-е гг. произошло урегулирование международной обстановки в соответствии с принципами государственных интересов: с 1996 г. Китай и Россия, исходя из интересов экономики и безопасности своих стран, стали строить отношения стратегического партнерства. После визита президента РФ Б.Н. Ельцина в Китай в 1997 г. и подписания рамочного соглашения двусторонние отношения стали быстро развиваться.

В настоящее время основным содержанием российско-китайских отношений является политическое сотрудничество. Ежегодно встречаются главы государств и главы правительств, причем с каждым разом эти встречи обретают все более доверительный характер. На регулярной основе поддерживают контакты министры иностранных дел и

обороны двух стран. Установлена оперативная связь между политическим руководством Москвы и Пекина с использованием так называемой «горячей» телефонной связи. Проводятся заседания различных межгосударственных комиссий и т.д.

На фоне этого мы видим определенный дисбаланс между политическим и экономическим сотрудничеством: политические отношения очень теплые и крепкие, но экономические отношения довольно слабые и недостаточно развитые. Конечно, этот фактор влияет на уровень всего комплекса российско-китайских отношений. Основной причиной медленного развития двусторонних торгово-экономических отношений является недостаточное сближение рынков Китая и России.

Во-первых, сближение рынков Китая и России является одним из основных направлений развития современной мировой экономики. Это усиливает потребность в установлении стратегических партнерских отношений между нашими странами.

В настоящее время мировая экономика продолжает развиваться в сторону интеграции и создания экономических союзов. Центр этого движения постепенно перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Эти процессы представляют собой как две основные особенности, так и две основные тенденции развития мировой экономики. Это ведет к тому, что все страны мира должны вступить в мировое сообщество и в различных формах войти в мировой рынок. Основа для развития партнерских отношений Китая и России – это наличие общей границы, богатые запасы полезных ископаемых, относительное развитие экономики обеих стран, а также одинаковое расположение в наиболее динамично развивающемся регионе мира – Азиатско-Тихоокеанском.

Китай и Россия, используя благоприятную ситуацию и развивая ориентированную на внешний мир экономику, вступают в мировой рынок в качестве торгово-экономических партнеров. Благодаря этому конкурентоспособность стран заметно усилится.

В современном мире постоянно растущая выгодность экономических контактов между странами представляет собой явление, которое нельзя не учитывать. Поэтому развитие двусторонних экономических отношений приобретает решающее значение, они в значительной степени определяют направление политического развития. Как уже упоминалось выше, в 1996 г. Китай и Россия начали строить отношения стратегического партнерства, но в настоящее время уровень экономического сотрудничества значительно отстает от уровня политического взаимодействия. Это видно при сравнении с другими странами: например, в 2002 г. товарооборот КНР с США при колеблющихся, нестабиль-

ных политических отношениях в 7 раз превысил товарооборот КНР и РФ при прекрасных дипломатических отношениях.

Если торгово-экономические отношения между Китаем и Россией будут продолжать отставать в течение длительного периода времени, то это неизбежно приведет к нарушению недавно установленных отношений стратегического партнерства, к недолговечности этих отношений, и тем самым повлияет на здоровое и стабильное развитие двусторонних отношений.

Во-вторых, развитие торгово-экономических отношений Китая и России противостоит процессу монополизации мирового рынка развитыми странами. В современном мире существуют три крупных экономических объединения: Европейское сообщество (ЕС), Северо-Американская зона свободной торговли (НАФТА) и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС). ЕС и НАФТА представляют собой непосредственное взаимодействие монополизированных развитыми странами мировых рынков. Только для стран данного региона предоставляются (относительно) благоприятные условия для ведения экономической деятельности, а по отношению к третьим странам проводится жесткая торговая политика.

Поэтому Китай и Россия для вступления в мировую экономику должны разрушить монопольное положение западных стран и США, для чего необходимо объединить силы, увеличив сближение рынков наших стран (сближение рынков наших стран, объединение сил).

В-третьих, сближение рынков Китая и России представляет собой взаимную ориентацию развития этих рынков, потребность в дальнейшем развитии торгово-экономического сотрудничества.

В течение довольно длительного периода времени Китай продолжает сохранять крайне быстрые темпы развития экономики, что требует расширения внутреннего и внешнего рынков страны. Доля Китая в мировом внешнеторговом обороте выросла с 1% в начале периода реформ до почти 11%. В 2000 г. внешнеторговый оборот Китая составил 400 млрд дол. 4% внутреннего производства реализуется на внешнем рынке.

Сейчас, в силу того что часть китайской продукции по своему качеству и техническому уровню не может конкурировать на рынках развитых стран, она может быть направлена на рынок России. Население России по современным данным составляет около 150 млн человек, численность населения России совместно со странами СНГ и Восточной Европы составляет около 400 млн человек, что является огромным числом потенциальных покупателей.

Экономическое положение в России постепенно стабилизируется. После падения в течение семи лет с 1992 по 1999 г. ВВП на 40%, когда сумма промышленного падения составила 45%, началось постепенное улучшение экономики. В 1999 г. рост экономики составил 3,2%, в 2000 г. уже – 8,3%. И хотя в 2001 г. рост экономики был ниже, чем в 2000 г. (5,1%), Россия заняла 41-е место из 170 стран мира по развитию экономики.

Покупательская способность российского населения увеличивается, и с ростом экономики появляется много потенциальных возможностей для продажи китайских товаров в России (особенно товаров народного потребления).

Необходимо отметить, что сближение рынков Китая и России также имеет большое значение для развития экономики России.

В экономике бывшего СССР особый упор делался на тяжелую промышленность. Благодаря этому в России более развита металлургия, аэрокосмическая и оборонная промышленность. Например, соотношение долей легкой, пищевой и тяжелой промышленности составляло соответственно 2 : 2 : 6.

Совершенно недостаточно развита легкая и пищевая промышленность. Например, согласно статистическим данным, в 2000 г. в импорте России продукты питания и товары народного потребления составили 40%. Особенно слабо развита легкая, пищевая промышленность и сельское хозяйство в районах Сибири и Дальнего Востока, что является неблагоприятным фактором в экономике этих регионов.

В то же время в экономике КНР именно сектор легкой промышленности и сельского хозяйства получил наибольшее развитие, тогда как тяжелая промышленность и область научно-технических разработок недостаточно развиты. Поэтому при усилении сближения рынков Китая сможет разрешить потребности этих районов в предметах народного потребления, продовольствии, так как географические преимущества Китая не могут сравниться ни с одной другой страной. В то же время Россия имеет часть продукции, не способной конкурировать на мировом рынке, но которая может найти значительный спрос в Китае. Необходимо также учитывать тот факт, что активно развивающаяся экономика КНР испытывает постоянную нужду в черных и цветных металлах, стали, лесе, нефти, газе. Таким образом, можно говорить о взаимодополняемости экономических систем России и Китая.

Рассмотрим развитие китайско-российских торгово-экономических отношений в последние десять лет. Динамика изменения товарооборота между Россией и Китаем показана на рис. 1.

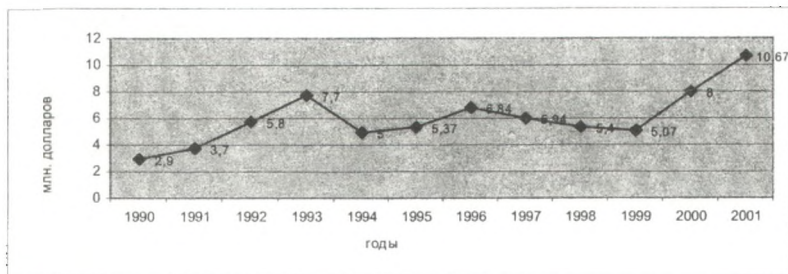

Рис. 1. Товарооборот между Россией и Китаем в период с 1990 по 2000 г.
(млн дол. США)

Как видно из рис. 1, 1990–1993 гг. являются периодом быстрого развития двусторонней торговли. В 1992 г. товарооборот составил 5,8 млрд дол. США, что на 50,1% больше по сравнению с 1990 г. В 1993 г. оборот достиг 7,7 млрд дол., рост по сравнению с 1992 г. на 31%. В 1993 г. товарооборот между Китаем и Россией достиг уровня, который был максимальным до 2000 г.

С 1994 г. начался период падения торговых отношений и товарооборот составил всего 5 млрд дол., падение по сравнению с 1993 г. на 34%. В 1995 г. наблюдался небольшой рост (7,4%) по сравнению с предыдущим годом, однако падение по сравнению с 1993 г. составило 29%.

В 1996 г., благодаря тому, что Россия и Китай предприняли ряд действенных мер, определили несколько крупных целей сотрудничества, объем двусторонней торговли ощутимо вырос более чем на 26,4% с 1995 г. и составил 6,84 млрд дол. (4,7% от товарооборота России).

В 1998 г. объем российско-китайской торговли уменьшился на 10% и составил 5,4 млрд дол., включая экспорт из России в сумме 3,6 млрд дол. и импорт из КНР 1,8 млрд дол. Доля российско-китайской торговли в общем внешнеторговом обороте КНР снизилась с 3,5% в 1992 г. до 1,9% в 1998 г. Основу российского экспорта в КНР в 1998 г. составили машины и оборудование (24% экспорта), цветные металлы, древесина и целлюлоза, химические удобрения и другие химические товары. 70% российского импорта приходится на закупки изделий из кожи, одежду, обувь, мясо, а также машины и оборудование.

В 2000 г. торговля между двумя странами вышла из состояния стагнации, в которой она пребывала в последние годы. Товарооборот составил 8003,2 млн дол. США, рост на 39,9% по сравнению с 1999 г., в

том числе экспорт в КНР составил 5769,9 млн дол. (рост на 36,6%) и импорт из КНР – 2233,3 млн дол. (рост на 49,2%). В российском экспорте, по итогам 2000 г., ведущими статьями были цветные, черные металлы и нефтепродукты, доля которых составила около 45% всего российского экспорта. Стоимостный объем экспорта цветных металлов составил 923,8 млн дол., что в два с лишним раза больше, чем за 1999 г. Черных металлов Россия экспортировала в Китай на сумму 882,2 млн дол., рост составил 13%.

Поставки минерального топлива и нефтепродуктов выросли на 137% и составили 778 млн дол. Также весьма значительны показатели экспорта в КНР рыбы (346 млн дол.), целлюлозы (351 млн дол.) и древесины (391 млн дол.). Вместе с тем в КНР сохраняется неблагоприятная рыночная конъюнктура для ввоза из России азотных удобрений. Вследствие этого поставки удобрений в 2000 г. сократились на 13% до 562 млн дол. По итогам 2000 г. поставки машин и оборудования составили 258 млн дол., что занимает 4,5% российского экспорта в Китай. Основной экспорта продолжали оставаться поставки для объектов, сооружаемых в Китае в соответствии с межправительственными соглашениями по линии ГУП ВО «Технопромэкспорт», ЗАО «Атомстройэкспорт», ГУП «Рособоронэкспорт».

Российский импорт из Китая в 2000 г. увеличился на 49% и составил 2,23 млрд дол. Ввоз товаров народного потребления увеличился более чем на 56% (до 1,6 млрд дол.), а импорт продовольственных товаров сократился примерно на 4% (до 179 млн дол.). Эти две группы товаров составляют соответственно 73 и 8% общего импорта из Китая. Наибольший стоимостный объем и удельный вес в импорте из КНР продолжали составлять изделия из кожи (в 2000 г. ввоз составил на 48% больше, чем в 1999 г.).

Выросли объемы импорта обуви (345 млн дол., + 93%), текстильной одежды (358 млн дол., + 84%), машин и оборудования (184 млн дол., рост в 8 раз), химических товаров (106 млн дол., +41%), керамических изделий (25 млн дол., + 52%), трикотажной одежды (246 млн дол., + 9%), зерна (58 млн дол., + 3%).

В 2001 г., согласно статистическим данным китайской таможни, объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг 10,67 млрд дол. США (см. рис. 1). Этот показатель был рекордным для всей истории российско-китайской торговли. На долю техноёмкой продукции пришелся 21% от общего объема двусторонней торговли.

Несмотря на наличие многих факторов, объективно способствующих развитию российско-китайских торгово-экономических отношений, существует множество причин, тормозящих дальнейшее развитие этих отношений, а именно:

- транспортных мощностей явно не достаточно, участились простои грузов на границе, низка проходимость грузов через порты.

- товарная структура товарооборота развита не пропорционально: в структуре экспорта и импорта преобладают несколько видов товара. На объеме товарооборота сказываются различные рыночные и политические ограничения.

- конкуренция иностранных товаров на рынке России постоянно обостряется, и это сокращает рынок китайских товаров.

- качество китайской продукции, являющееся долгое время постоянной проблемой, начало постепенно улучшаться. С этой целью необходимо постоянно усиливать меры по организации проверки и контроля, не допускать поступления брака и подделок на рынок.

- с 1994 г. выросли сборы при выдаче виз по служебным и паспортам общегражданского назначения, что ограничивает выезд в Россию с торговыми целями, так как процедура выдачи виз сложная и продолжительная.

- налоговая система и двойной курс обмена валют сокращают ранее имеющиеся льготы у предприятий, ведущих двустороннюю торговлю.

Одной из особенностей китайско-российских торговых отношений является то, что межправительственные торговые связи не занимают ведущего положения в двусторонней торговле. Большую часть объема товарооборота дает местная и неправительственная торговля, что фактически ограничивает китайско-российское сотрудничество исключительно торговыми отношениями.

Степень взаимодополнения рынков, особенно в области производства и технических связей, недостаточна.

Что касается частных инвестиций, то так как внутреннее положение России довольно нестабильно, китайские бизнесмены сталкиваются с определенным риском, российские бизнесмены, в свою очередь, не стремятся к китайскому рынку, поэтому уровень взаимных инвестиций невысок.

С начала развития китайско-российских торгово-экономических отношений длительное время не был построен правовой механизм, отвечающий мировым нормам.

В 1997 г. РФ и КНР утвердили стратегию экономического сотрудничества в своих отношениях. В подписанном во время визита

Б.Н. Ельцина в ноябре 1997 г. совместном заявлении отмечалось, что создание юридической основы для развития китайско-российского сотрудничества в области торговли уже завершено. С течением времени появились и многие другие документы.

На сегодняшний день сформирована договорно-правовая база российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, куда входят меморандум о взаимопонимании между РФ и КНР об основных направлениях торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, торговое соглашение между РФ и КНР на 2001–2004 гг., а также значительное число межправительственных и межведомственных документов по конкретным направлениям такого сотрудничества.

Существуют принципиальные межправительственные соглашения о торгово-экономических отношениях, о поощрении и взаимной защите капиталовложений, о научно-техническом сотрудничестве, об избежании двойного налогообложения и предотвращения уклонения от налогообложения, о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах и т.д. Среди межправительственных соглашений имеет место протокол о торгово-экономическом сотрудничестве на 2002 г. (ежегодный документ, в котором фиксируются согласованные объемы взаимных поставок по межправительственным соглашениям).

Межрегиональные соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве заключены между правительствами и администрациями Республики Башкортостан и провинции Ляонин, Алтайского края и Синьцзян-Уйгурского автономного района, Приморского края и провинции Цзилинь, Амурской области и города Шанхая. Регионы при установлении прямого экономического взаимодействия исходят из взаимной заинтересованности, местных условий и имеющегося потенциала. При этом предполагается создание совместных рабочих органов с целью координации и углубления сотрудничества.

Юридической базой для межрегиональных связей является подписанное 10.11.1997 г. соглашение между правительствами РФ и КНР о принципах сотрудничества между субъектами России и провинциями, автономными районами и городами центрального подчинения КНР (вступило в силу 10.12.1997 г.).

В договорно-правовую базу китайско-российских торгово-экономических отношений также входят контракты, заключенные между китайскими и российскими организациями.

Таким образом, сегодня наличие большого пакета китайско-российских межгосударственных, межправительственных, межведомственных соглашений обеспечивает обширную правовую базу для торгово-эко-

номического взаимодействия. Но, несмотря на это, упомянутые выше решения и соглашения не всегда выполняются на местах.

Перед всеми китайско-российскими комитетами, предприятиями и организациями стоит проблема принятия эффективных мер для наполнения конкретным содержанием достигнутых соглашений. Между Китаем и Россией долгое время отсутствовал нормальный, эффективный механизм решения в арбитраже спорных вопросов. Конечно, сегодня ситуация несколько изменилась, но довольно часто возникают случаи невыполнения взаимных обязательств. Обе стороны подписывают большое число договоров о намерениях, которые не выполняются или нелегитимны.

Неоднократно и на различных уровнях говорилось о необходимости решения такой проблемы, как неудовлетворительное обеспечение законных интересов участников внешнеэкономической деятельностью при возникновении торговых споров. Арбитражные разбирательства сопровождаются бюрократической волокитой, влекут за собой дополнительные финансовые издержки для истцов, но даже в тех случаях, когда претензии истцов арбитражными комиссиями удовлетворяются, решения арбитражных и судебных органов практически не выполняются.

По общему мнению российских и китайских представителей, необходимо упростить и удешевить арбитражные процедуры и обеспечить безусловное исполнение решений арбитражных и судебных органов. Несовершенство системы арбитража в России отрицательно влияет на развитие китайско-российских торгово-экономических отношений.

Также большой проблемой в этой сфере является система страхования. Механизм страхования экспортно-импортных операций не отлажен, поэтому китайским компаниям при экспорте в Россию часто ставят условие произвести оплату только после поставки товаров или после их реализации, а при импорте из России товаров от китайских компаний часто требуют 100% предоплаты. Такая ситуация, естественно, увеличивает риск.

Долгое время существовала только единственная российская страховая компания, имеющая налаженные связи с китайской стороной, подписавшая с Народной страховой компанией Китая ряд соглашений о сотрудничестве и имеющая свое представительство в Пекине, – ОСАО Ингосстрах. И в настоящее время страхование в китайско-российской торговле развито недостаточно, даже в крупных проектах сотрудничества вопросы страхования часто не прорабатываются. Система медицинского и иного страхования туристов практически отсутствует.

Причиной низкого объема двусторонней торговли является недостаточное использование банковского сектора в сотрудничестве Китая и России. На 1 марта 2001 г. только 23 российских банка имели корреспондентские счета в Китае и 14 китайских банков в России. Все еще существует взаимное недоверие, а это заставляет участников внешнеэкономической деятельности осуществлять расчеты через третьи страны. Проблема несовершенства системы взаимных расчетов, включая неразвитость сети взаимных корреспондентских связей между банками России и Китая, значительный удельный вес расчетов наличными (особенно в приграничной торговле), недоверие китайских банков к российским коммерческим банкам и т.п. – все это затрудняет развитие китайско-российской торговли.

Межбанковское кредитование в настоящее время развито слабо. Установление лимитов и открытие кредитных линий российским партнерам со стороны китайских банков также не достигло должного уровня, что сдерживает развитие кредитования и сотрудничества в целом. Конечно, не до конца преодолены негативные последствия финансового кризиса, но в России, как и в Китае, есть немало финансово устойчивых и плодотворно работающих банков, которые могли бы активно сотрудничать.

Кроме того, большой проблемой является отсутствие у российских и китайских банков информации друг о друге, в целом недостаточная развитость контактов на всех уровнях банковских систем обеих стран. По этой причине зачастую банки вынуждены отказываться от совместных проектов там, где сотрудничество это вполне реально. В этой связи важно также иметь возможность получения банками информации о компаниях другой страны, финансовых показателях этих компаний.

Разработкой вопросов банковского взаимодействия Китая и России занимается специально созданная подкомиссия по сотрудничеству в банковской сфере. Заседания проходят ежегодно и предшествуют переговорам руководителей двух стран. Также проводятся форумы, посвященные банковскому и финансовому сотрудничеству Китая и России.

Как положительный факт в развитии банковского сотрудничества Китая и России следует отметить достижение договоренности о совершенствовании кредитных отношений, страхования внешнеторговых операций, информационного обеспечения торговли.

Если всерьез подходить к расширению экономического сотрудничества, следует понять, что первоочередной, стратегической задачей становится создание банковской базы, общих «правил игры» в финансовой сфере. Очень много различий в подходе банковских систем Китая и России к вопросам кредитования, гарантий, валютного регули-

рования и т.д. Чтобы «стыковать» системы, надо понять различия и выработать общие позиции. Российско-китайский Форум по банковскому и финансовому сотрудничеству, состоявшийся в Москве 17–18 апреля 2001 г., помог значительно продвинуться в этом отношении и выработал механизмы постоянного взаимодействия между финансовыми структурами обеих стран. Так, и Ассоциация российских банков (АРБ), и Всекитайская финансовая ассоциация пришли к выводу, что следует по мере необходимости активизировать формы двусторонних консультаций.

Делегаты Форума рекомендовали Финансовому обществу Китая и АРБ при необходимости создавать свои исследовательские группы по различным направлениям финансового сотрудничества. Важным практическим шагом в области финансового и торгово-экономического сотрудничества стало подписание Соглашения по приграничной торговле (в дополнение к ряду уже подписанных ранее между банками России и Китая) между российским Внешторгбанком и одним из крупнейших частных коммерческих банков КНР «China Ever bright».

Необходимо активизировать сотрудничество между китайскими и российскими банками. В этом направлении одним из основных шагов является создание в обеих странах благоприятных условий для участников финансовых рынков и потенциальных китайских и российских инвесторов, прежде всего на государственном уровне – адекватное законодательство, позволяющее добросовестным предпринимателям осуществлять экспортно-импортные операции, не ущемляя их интересы. Также назрела объективная потребность в развитии системы корреспондентских отношений между китайскими и российскими банками.

Для решения этой проблемы необходимо решить вопрос получения достоверной информации о состоянии банковской системы и финансовых показателей деятельности банков в Китае и России. Здесь свою роль должны сыграть представительства китайских банков в России и российских – в Китае, а также дочерние банки. Важным является и совершенствование системы расчетно-платежных отношений, прежде всего, в обслуживании приграничной торговли, все более активно развивающейся в последнее время.

С 1996 г. по настоящее время происходит формирование тенденции стабильного роста российско-китайского товарооборота, но с каждым годом возрастает пассивное сальдо Китая. Так, по сведениям начальника таможенной службы ст. Маньчжурия Лю Гогуана, в январе–октябре 2001 г. китайско-российский товарооборот составил 1,596 млрд дол. США, в частности импорт из России в Китай составил 1,425 млрд

дол., а экспорт из Китая в Россию – 171 млн дол. США. Пассивное сальдо Китая достигло 1,254 млрд дол. США.

Такое обстоятельство наблюдается и в масштабе всей страны. В январе–ноябре 2001 г. общий объем двусторонней торговли КНР и РФ составил 9,29 млрд дол. США, увеличившись на 27,9% по сравнению с аналогичным периодом 2000 г. В частности, экспорт из Китая в Россию составил 2,39 млрд дол., импорт из России в Китай – 6,9 млрд дол., что возросло, соответственно, на 17,5 и 32%. При этом активное сальдо в пользу России достигло 4,51 млрд дол., что приводит к дисбалансу торговли.

В начале 90-х гг. XX в. между Китаем и Россией главным образом осуществлялась бартерная торговля. С 1996 г. главной формой двусторонней торговли стали небольшие приграничные сделки, на долю которых, например, в 2000 г. приходилось 89,4% двустороннего товарооборота через маньчжурский КПП. Надо признать, что такие приграничные сделки сыграли свою положительную роль в содействии развитию экономики в близлежащих районах, но только приграничная торговля не может удовлетворить потребности освоения огромного рынка в России. В настоящее время вывозимые через маньчжурский КПП товары в основном поступают в дальневосточные районы РФ, а потребительский центр России находится в ее европейской части.

Кроме того, 60% китайско-российского товарооборота производится в форме обычной торговли. Согласно статистическим данным газеты «Жэньминь жибао» в 2001 г. в России было зарегистрировано более 1300 предприятий с участием китайского капитала, общие инвестиции в которые составляют лишь 130 млн дол. США.

В Китае насчитывалось 1160 предприятий с участием российских инвестиций, капиталовложения в которые составляют только 200 млн дол. США. Объем взаимных инвестиций, которые оказываются важной составной частью двусторонних торгово-экономических связей, оказывается недостаточным, чтобы поднять торгово-экономическое сотрудничество наших стран на новый уровень.

Необходимо устанавливать прямые торговые отношения между крупными и средними предприятиями Китая и России. Китайское правительство создало в Москве два торговых центра китайских товаров, чтобы ближе ознакомить российские предприятия и потребителей с лучшими товарами китайского производства.

Одна из важнейших причин, повлиявших на рост пассивного сальдо Китая в двусторонних торгово-экономических отношениях с Россией, – это непредусмотрительность правительства КНР. В начале развития торгово-экономических отношений Китая и России китайским ру-

ководством не были просчитаны дальнейшие шаги в макроэкономике. Вспомним 50–60-е гг. XX в. Китай после революции: экономический кризис, разруха в промышленности и сельском хозяйстве. Но руководящие органы ради дружбы с СССР устанавливают жесточайший контроль качества над всеми товарами, экспортируемыми в Россию. Конечно, это невозможно назвать нормальной, выгодной торговлей, это было политической задачей. Но эта задача была успешно выполнена, несмотря на тяжелое экономическое положение Китая.

До сих пор в России помнят китайские полотенца, постельное белье, одежду и т.д. отличного качества, многие и сейчас пользуются этими вещами.

После установления в 1989 г. нормальных отношений между Китаем и Россией и начала развития двусторонней торговли можно было добиться больших результатов, опираясь на давно сложившееся впечатление о качестве китайских товаров. Правительству необходимо было позаботиться о престиже товаров КНР, тем более что это было возможно в трудные для Китая 50–60-е гг.

В 1991 г., пережив реформы, КНР становится страной с очень быстрыми темпами развития экономики, ищущей новые рынки сбыта для своих товаров. Контроль качества импортируемой в Россию продукции можно было бы назвать экономической задачей, направленной в будущее. Но вместо этого мы видим множество китайских бизнесменов, торгующих в России, которые, к сожалению, не заботятся о хорошем имидже китайских товаров, о развитии торговли в будущем, а думают только о конкретном ближайшем получении прибыли.

Среди российских потребителей сложилось мнение о китайских товарах, как о товарах очень низкого качества. Если покупаются китайские товары, то только благодаря низкой цене. Сегодня качество китайских товаров изменилось к лучшему, но негативное отношение к ним осталось. Китайские бизнесмены пытаются продавать свои товары, печатая другие марки, чтобы обойти негативное отношение к китайской продукции. У бизнесменов нет четких рыночных стратегий, направленных в будущее развитие китайско-российской торговли.

Вследствие неустойчивого экономического положения в России китайские бизнесмены не хотят вкладывать средства в рекламу своих товаров, не рассчитывая на долгосрочную прибыль. В России в каждом городе рекламируются торговые марки разных стран, но мы очень редко видим рекламу китайской продукции, кроме рекламы китайской кухни.

Существует множество видов качественных китайских товаров, продвижению которых мешает именно отсутствие планомерного, система-

тического ведения бизнеса и рекламы. Например, лапша быстрого приготовления китайского производства «Каншифу». Ее качество, удобство в употреблении и вкус несколько не уступают всем известной корейской лапше «Доширак», а цена «Каншифу» ниже. Марка «Каншифу» появилась на рынке России гораздо раньше, чем «Доширак». Ее поставками занимались многие китайские и российские фирмы, но в их деятельности не было расчета на будущее, важнее всего было получение сиюминутной прибыли. Не было обеспечения стабильности поставок.

При появлении на рынке России конкурирующей марки «Доширак» ее торговые представители начали вкладывать огромные средства в рекламу и продвижение товара в расчете на будущее, терпя убытки в начальный период. Но китайские бизнесмены не были готовы к такой борьбе. В результате планомерного подхода к ведению торговли на территории России корейская марка лапши «Доширак» практически полностью вытеснила китайскую марку «Каншифу» (кроме приграничных районов).

Практически то же самое можно сказать об известных китайских марках телевизоров, холодильников, кондиционеров и т.д.

Также среди причин недостаточного развития китайско-российской торговли можно назвать профессиональную неподготовленность китайских кадров, занимающихся этой торговлей. Если обратимся к 50–60-м гг. XX в., то мы увидим, что в это время был необычайно высок престиж российского образования – лучшие студенты отправлялись на обучение в СССР. Благодаря этому появилась целая плеяда китайских специалистов, хорошо знающих русский язык, обычаи, традиции. Также эти люди за время своего обучения успевали обзавестись русскими друзьями, связи с которыми могли пригодиться для совместной работы в дальнейшем. Но сейчас практически все специалисты того времени находятся на пенсии, а воспитанию новых достойных кадров руководство КНР, к сожалению, не уделило достаточного внимания.

Конечно, и в настоящее время часть китайских специалистов, получивших образование в России, – это настоящие профессионалы, достойные уважения. Как правило, они из тех студентов, которые были отправлены на обучение государством и попали в Россию по межвузовским обменам. Но это лишь малая часть китайских студентов, обучающихся в России. Основная, большая часть – это люди, сами решившие приехать в Россию.

Сейчас для многих современных молодых людей в Китае престиж получения российского образования чрезвычайно низок. Честно говоря, в Россию на обучение отправляются те из студентов, которые не

могут получить образование в КНР или в какой-нибудь европейской стране или США. Часто это молодые люди, которые вообще не хотят учиться, просто из-за сравнительно низких цен на обучение, проживание и питание Россия становится страной, в которой можно хорошо провести время без особых материальных затрат. Естественно, в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге – сложилась несколько иная, чем в провинциях, ситуация.

В связи с этим средний уровень образования, получаемого в России китайскими студентами, очень низок.

Еще один аспект этой проблемы заключается в том, что современные китайские студенты из-за плохого знания русского языка не могут заводить русских друзей, налаживать деловые связи, которые необходимы в будущем для нормального развития китайско-российской торговли. Современные китайские студенты по большей части не знают России, ее традиций и обычаев, не говоря уже об особенностях деловой культуры.

Кроме этого Россия стала своеобразной точкой притяжения для людей, неспособных получить образование в КНР, в том числе из-за сложных отношений с правоохранительными органами. Благодаря тому что для поездки на обучение в Россию необходимо только желание и сравнительно небольшое количество денег, не проводится никакого специального отбора китайских студентов, способных держать марку и повышать уважение к Китаю за рубежом.

Конечно, все эти факты отпугивают бизнесменов, потенциально готовых на экономическое сотрудничество с Россией. Также китайским бизнесменам, желающим вести дела в России, очень трудно найти толкового, квалифицированного переводчика, имеющего связи, которые могли бы помочь для налаживания торговых отношений.

В современной России промышленное оборудование по большей части является устаревшим, а новое, соответствующее мировым стандартам, составляет только 2,5%. Согласно прогнозам российских аналитиков в ближайшее будущее, до 2003–2004 гг., для нормальной работы промышленного комплекса необходимо будет сменить около 60–80% оборудования. Китаю, оборудование которого не уступает по качеству конкурентам, а по цене дешевле, необходимо использовать этот шанс для расширения своего участия в российском рынке.

Взаимодополняемость национальных хозяйств и географическая близость определяют будущие наиболее перспективные направления экономического диалога наших двух стран.

В настоящее время Россия является девятым торговым партнером Китая, а Китай – шестым торговым партнером России. Наряду с ростом масштабов двусторонней торговли непрерывно совершенствуется торговая структура между двумя странами, повышается удельный вес электротехнических изделий, высокотехнологичной продукции и товаров с высокой добавочной стоимостью. Двусторонняя торговля входит в нормативные рамки, снижается удельный вес бартерной торговли.

В XXI в. экономика Китая вступила в новый этап своего развития. В КНР разработан десятый пятилетний план развития народного хозяйства и общества и утвержден курс на дальнейшее расширение внешней открытости и развитие экономики нового типа. Россия и Китай должны всесторонне укреплять двусторонние торгово-экономические и региональные связи и активно участвовать в системе многосторонней торговли.

Наши страны могут путем многообразного экономического и технического сотрудничества реализовывать свои преимущества и взаимодополняемость. В XXI столетии открываются огромные возможности, необходимо развивать экономическое сотрудничество России и Китая, углублять и расширять партнерские отношения стратегического типа.

В программе развития экономики КНР в десятой пятилетке освоение западных территорий страны является одним из новых актуальных направлений. Это предусматривает форсирование строительства железных дорог, аэродромов, газопроводов, сети электропередачи, линий связи. В планах совершенствование экологических условий, коррекция производственных структур, подготовка кадров, развитие высоких технологий и современной техники для работы в местных условиях. А это является именно той областью экономики, которая получила наибольшее развитие в России. России необходимо использовать направленность экономических планов Китая в своих целях, увеличивая экспорт. Китаем будут создаваться благоприятные условия для привлечения инвестиций, в том числе и с российской стороны.

Во время китайско-российских встреч на высшем уровне каждый раз в центре переговоров обсуждение вопросов ускорения развития экономического сотрудничества. Также необходимо усилить сотрудничество в банковской деятельности, страховании и арбитраже, в производстве оборудования для метеорологии, нефтедобычи, ядерной энергии, энергетики, развивать двустороннюю, многоуровневую информационную систему. Реализация этих решений создаст отличные условия для ускорения сближения рынков двух стран.

Ю.П. Шабает

Институт истории, языка и литературы Коми НЦ УрО РАН

В.А. Ковалёв

Сыктывкарский госуниверситет

**В ПОИСКАХ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.
ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ И РЕГИОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТОРЫ**

Образ «расходящихся платформ» возникает, когда пытаешься оценить значение групп регионов на перекрестке внутренней и международной политики. Сравнительный метод – эффективное орудие познания в политической науке. Несмотря на общую нехватку ресурсов и необходимой теоретической подготовки, отечественные политологи уже демонстрируют высокий уровень кросснациональных¹ и кроссрегиональных² исследований. Но в определенных случаях, как нам представляется, нельзя ограничиваться только сравнением политики в различных государствах или регионах одной страны. На практике факторы международной и внутренней политики, особенно для такой многонациональной и многоконфессиональной страны как Россия, тесно переплетены. Поэтому мы позволим себе утверждать, что для построения более адекватных моделей при изучении российской региональной политики необходимо учитывать как внутривнутриполитические, так и международные факторы, комбинировать кроссрегиональные и кросснациональные сравнения при анализе как групп регионов РФ, так и отдельных регионов.

Сейчас, например, серьезным вызовом для безопасности, целостности РФ, а также сохранения общероссийской идентичности является исламский фактор; крайне неоднозначна ситуация на Дальнем Востоке, связанная с проникновением на территорию РФ китайцев и корейцев. Демографическое давление и несопоставимость демографических потенциалов, по мнению некоторых исследователей,

возможно в отдаленной перспективе поставит страну перед опасностью отпадения не только регионов тихоокеанского побережья, но и части Сибири.

После крушения СССР многие граждане и политики в странах СНГ и, в том числе, России начали отождествлять себя с другими – более обширными сообществами, чем те, что располагаются в национально-государственных границах. Исламский мир – это только один пример огромного религиозно-политического «пласта», сдвиги в сторону которого, как можно предположить, могут нарушить государственное единство России. Но наряду с исламом на наших глазах применительно к регионам России начинает оказывать влияние другая, выходящая за рамки государственных границ «платформа» – стремительное оформление получает так называемый «финно-угорский мир». Конструирование этой финно-угорской идентичности, как полагают некоторые эксперты, может иметь для России неоднозначные последствия.

Международные связи российских регионов носят сейчас многообразный характер: экономический, политический, культурно-гуманитарный. Очевидно, что в одних случаях экономический интерес будет выступать в качестве независимой переменной, а «родственные» культурные связи в качестве зависимой, в других – наоборот. Но с точки зрения региональной политики логично предположить, что целью элит в регионах является сохранение власти, а для сохранения власти господствующие группы будут прибегать как к экономическим, так и к культурным средствам. У властей национальных регионов появляются дополнительные козыри в виде культурной идентификации с исламским или финно-угорским миром.

Подобная идентификация распространяется и за пределы границ РФ. Для ряда групп национальных регионов, «проглотивших» больше суверенитета, чем другие, поиски дополнительной (новой) культурной идентичности позволяют осуществлять реконфигурацию политического пространства, выходить за пределы границ национального государства – России.

Эта реконфигурация способствует укреплению политических режимов в национальных регионах РФ. Наряду с принадлежностью к Российской Федерации, предполагающей подчинение законам федеративного государства, а также обязанностями перед населением регионов, вне зависимости от их национальности, конструирование финно-угорского мира, например, создает для властей этих регионов более комфортные условия деятельности. Содержание заключаемых с родственными странами со-

глашений зависит от них в большей степени, чем содержание федерального законодательства; ответственность перед всем населением менее приятна, чем обращение к выражению интереса титульного этноса, а на практике – его привилегированных представителей.

«Финно-угорский мир: миф или реальность?» – таким вопросом задавались исследователи в 1990-е гг.³ На рубеже десятилетий, перед и сразу после распада Советского Союза всплеск национальных движений и попытки этнической мобилизации были характерны и для финно-угорских (по определению принадлежности титульной нации) регионов РФ. На этой волне в Конституциях субъектов РФ появилось положение о региональном суверенитете, которое после прихода к власти Путина и его шагов по укреплению российской государственности изымается из официальных документов: процессы эти развернулись в 2000–2001 гг.

Минувшее десятилетие ознаменовалось усиленным конструированием финно-угорского сообщества, захватившего не только регионы РФ, но и Финляндию, Венгрию, Эстонию. «Финно-угорский мир», строящийся на базе лингвистической общности, в современный период вряд ли имеет общую экономическую основу⁴, но через культурные взаимодействия делается попытка построить общность политическую. Наряду с культурными контактами – совещаниями финно-угорских писателей, фольклорными фестивалями, обменом студентами и преподавателями и т.п. – заметно активизировались и официальные контакты. Правительственные делегации из Коми и других финно-угорских республик – частые гости в Будапеште или Хельсинки. Помимо Съездов титульных народов регулярно проводятся Конгрессы и встречи в рамках, например, Ассоциации финно-угорских народов, Консультативного комитета финно-угорских народов и т.д. Для региональных элит – это возможность выхода на уровень международной политики, заметное повышение и укрепление своего престижа и статуса. «Финно-угорский мир» – это важнейший ресурс укрепления власти для руководителей финно-угорских регионов вне зависимости от национальной принадлежности и владения языком. Объективно «верхи» региональной бюрократии заинтересованы в реконфигурации политического пространства, в выходе своей деятельности за пределы государственных границ, что повышает степень их автономии от Москвы.

До сих пор наиболее интенсивно и успешно развивались культурные связи между зарубежной и российской финно-угорией. Можно констатировать, что культурное сотрудничество между финно-угорс-

кими народами развивается и становится не только более интенсивным, но и более организованным, поскольку в ряде стран приняты или готовятся к принятию программы развития подобного сотрудничества. Это сотрудничество имеет свою идеологическую основу, суть которой состоит в декларировании языкового, исторического и культурного родства финно-угорских народов и конструировании на этой основе новой идентичности – «Финно-угорского мира», что, по сути своей, есть попытка «расширения группы солидарности»⁵ и поиск стимулов к более широкому единению народов, которое должно помочь в решении проблем внутреннего развития каждого из них. Проблема, однако, заключается в том, что реальные процессы конструирования группы солидарности и более широкой финно-угорской идентичности не имеют длительной истории и еще не охватили те социальные слои, которые смогут поддержать и развить этот процесс.

Пока можно констатировать, что в финно-угорских регионах, изученных нами, не наблюдается сепаратизма, и антироссийские настроения представлены слабо. Вместе с тем политические элиты этих регионов (особенно в Коми и отчасти в Мари Эл) стремились к повышению своей автономии от Москвы, чтобы увеличить возможности распоряжаться ресурсами подведомственных территорий. После прихода к власти Путина этим стремлениям начал ставиться предел; действуют федеральные инспекторы в регионах и полномочные представители в федеральных округах. Их деятельность способствовала преодолению расхождений в федеральном региональном законодательстве. Наиболее заметные аномалии ельцинского периода удалось преодолеть. Вместе с тем деятельность региональных элит по-прежнему во многом находится вне правового поля – особенно много нарушений наблюдается в ходе проведения выборов: административное давление, фальсификации и т.д. Хотя Центр, в случаях наших регионов, располагает большими возможностями влиять на положение дел там, но Москва не контролирует полностью региональную политику. У Москвы пока нет ресурсов (или желания!) для прекращения подобной практики.

Связи между финно-угорскими регионами внутри РФ и с зарубежными странами (Финляндия, Венгрия, Эстония) носят преимущественно культурный характер, имеют некую предысторию и потенциал дальнейшего расширения. Особенно интенсивно развиваются они в области культуры.

Интерес к изучению языка и истории финно-угорских народов возник прежде всего в научной среде и особую активность с конца XIX в.

здесь проявляли финские ученые. С начала XX в. они стали кооперироваться в своих научных поисках с российскими исследователями, в том числе и непосредственно с выходцами из среды самих финно-угров. С начала 30-х гг. прошлого столетия эти контакты прервались и стали восстанавливаться только в конце 50-х гг., когда советскими и финскими учеными было принято решение о проведении конгрессов финно-угроведов. В 1958 г. в Хельсинки состоялась конференция исследователей финно-угорских языков, посвященная 75-летию Финно-угорского общества, на которой было принято решение о проведении регулярных (один раз в пять лет) международных научных конференций по финно-угорскому языкознанию. В 1961 г. в Будапеште состоялся первый международный конгресс финно-угроведов, где также основное внимание было уделено изучению языков финно-угорских народов. Затем такие конгрессы стали проводиться регулярно, а их тематика неуклонно расширялась. Научные контакты строились изначально, как мы уже отметили, на интересе к изучению финно-угорских языков и постепенно приобретали характер широкого междисциплинарного сотрудничества, в основе которого было понимание не только языкового родства, но и поиск общих культурных корней. Этот поиск продолжался более сотни лет. Тем не менее, процесс укрепления и углубления культурных связей между финно-угорскими народами, регионами и странами получил реальное развитие только в последнее десятилетие.

Поскольку языковая основа есть базовый принцип, лежащий в основе культурных связей между финно-угорскими регионами, странами и народами, постольку вполне естественно, что вслед за научным интересом к финно-угорским языкам и литературам стал проявляться и интерес к расширению контактов между самими творцами национальных литератур и литературных языков. В мае 1989 г. в Йошкар-Оле состоялась встреча финно-угорских писателей, во время которой был образован Международный союз финно-угорских писателей. Председателем союза был избран председатель марийского союза писателей М. Рыбаков, а заместителями – Л. Лаулайнен и П. Домокош. Через год – в мае 1990 г. в Москве была создана Ассоциация писателей финно-угорских литератур, возглавил которую преподаватель Литературного института им. М. Горького, переводчик карельской литературы Р. Винонен. Его заместителями стали председатель удмуртского союза писателей С. Самсонов и мансийский поэт Ю. Шесталов. Устав Ассоциации писателей финно-угорских литератур (АПФУЛ) был принят на

Учредительной конференции в июне 1991 г., в этом же году в Финляндии (Эспоо) состоялась вторая встреча финно-угорских писателей «Язык – моя родина». Затем такие встречи происходили в 1993 г. в Венгрии, в 1996 г. – в Финляндии, в 1998 г. – в Сыктывкаре, в 2000 г. – в Саранске. На III встрече финно-угорских писателей в венгерском городе Эгере было образовано Финно-угорское литературное общество (FUIT), которое было зарегистрировано в областном суде комитета Хевеш. Еще в 1997 г. в Сыктывкаре была проведена встреча молодых финно-угорских писателей. На этих встречах обсуждалась общая история финно-угорских народов, проблемы перевода на финно-угорские языки и с финно-угорских языков, проблемы литературы для детей и юношества и проблемы развития самой литературы в целом.

В 1993 г. Депутатская Ассамблея малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока впервые присудила премию в области науки, литературы и искусства «Звезда утренней зари» хантыйскому писателю Е.Д. Айпину за роман «Ханты, или звезда утренней зари», а в 1997 г. в посольстве Финляндской республики в Москве были вручены премии Общества М.А. Кастрена, впервые присужденные за написанные на родном языке произведения российским финно-угорским писателям: коми-пермяцкой поэтессе А. Истоминой, коми поэту В. Тимину, хантыйской поэтессе и сказительнице М. Володиной и мордовскому поэту А. Шаронову за эпос «Масторава»⁶.

Другой важной стороной культурного сотрудничества является знакомство общественности с традициями финно-угорских народов. При этом очевидно, что язык и традиционная культура являются неотъемлемыми составляющими культурного облика народов и именно в этих сферах прежде всего обнаруживается близость или своеобразие культур. И естественно, что литературные связи и фольклорные фестивали стали весьма заметными культурными событиями в сотрудничестве между финно-угорскими регионами и странами, особенно на начальном этапе его развития.

Первый финно-угорский фольклорный фестиваль состоялся в июне 1990 г. в Йошкар-Оле. В том же году в эстонском городе Нарва прошел фестиваль сказок финно-угорских народов. В 1991 г. в Ижевске был проведен Праздник танца финно-угорских народов, а в Сыктывкаре был организован II фольклорный фестиваль. Затем фольклорные фестивали были проведены в Саранске (1992 г.), Ханты-Мансийском округе (1993 г.), Кудымкаре (1995 г.), Эстонии (1997 г.), Ижевске (1999 г.) и Секешфехерваре (2000 г.). На фольклорных фестивалях как правило

представляется песенная и танцевальная культура финно-угорских народов и в них принимают участие как профессиональные коллективы, так и самодеятельные ансамбли и артисты.

Профессиональное сценическое искусство также вовлечено в сферу культурных обменов между финно-угорскими народами. В 1992 г. финно-угорский театральный фестиваль был проведен в Ижевске, а затем, начиная с 1993 г., в течение ряда лет он проводился в финском городе Нурмес. В 1997 г. наиболее представительный фестиваль был проведен в Йошкар-Оле: в нем приняли участие со своими спектаклями театральные коллективы из Удмуртии, Карелии, Мордовии, Коми, Коми-Пермяцкого округа, Финляндии, Эстонии и собственно Марий Эл. В июне 2000 г. в Сыктывкаре прошел I финно-угорский фестиваль для детей и юношества с участием театральных коллективов из Республики Коми, Марий Эл, Коми-Пермяцкого автономного округа и из Венгрии⁷. Здесь же, в Сыктывкаре, регулярно проводятся и балетные конкурсы, в которых принимают участие артисты и художественные коллективы из финно-угорских республик России, а также из Финляндии, Венгрии и Эстонии.

Имеют место и многие другие события, которые свидетельствуют о нарастающей интенсивности культурных обменов между финно-угорскими народами. Так, с 6 мая 2000 г. по 1 января 2001 г. по инициативе музея финского художника Акселя Галлен-Каллела в городе Эспоо проходила выставка современного искусства финно-угорских художников «Ugriculture-2000». Эта экспозиция представляла культурную часть проходившего в декабре 2000 г. в Хельсинки III Всемирного конгресса финно-угорских народов и являлась составной частью программы «Уральская культура». Основной темой выставки явилась идея о древних мифологических корнях финно-угорских народов⁸.

Помимо культурных форумов, фестивалей и выставок, имеющих характер широких культурных обменов, проводятся многочисленные локальные культурные мероприятия в форме двусторонних обменов. Это могут быть гастрольные поездки артистов, выставки художников или экспонатов из региональных музеев, презентации книг и т.д. Но помимо «тематических» двусторонних мероприятий имеют место и более масштабные проекты, к числу которых можно отнести проведение Дней той или иной финно-угорской республики в родственных странах. Так, в ноябре 1995 г. были организованы Дни марийской культуры в Венгрии, а затем они прошли и в Эстонии, весной 1999 г. в Финляндии были проведены Дни Республики Коми, в рамках которых осуще-

ствлялась обширная культурная программа, а в июне 2000 г. в Сыктывкаре прошли Дни Финляндии, сопровождавшиеся также целым комплексом культурных мероприятий.

В чем видится суть культурного сотрудничества между финно-угорскими регионами и странами его сторонникам? На наш взгляд, широкое культурное сотрудничество является инструментом конструирования «финно-угорского мира» как некоего интегрированного культурного пространства и процессом поиска новых идентичностей и новых ориентиров с целью не только сохранения национальных культур финно-угров, но и придания им новых стимулов для развития. В этой связи целесообразно сослаться на высказывание заместителя министра культуры и по делам национальностей Республики Марий Эл В. Яналова: «Единый финно-угорский мир зарождается на наших глазах, тяготение это ощущается особенно в финноязычной среде. Международное финно-угорское движение стало общественным явлением в Европе и, безусловно, будет направлено на сохранение и развитие народов, входящих в эту языковую семью»⁹.

Очевидно, что для консолидации финно-угорского движения, для реального конструирования финно-угорского культурного пространства необходимы интенсивные и регулярные информационные связи между финно-угорскими народами. До начала 90-х гг. информационные связи между финно-угорскими регионами и странами не носили регулярного характера, а отдельные материалы в СМИ о родственных народах были лишь эпизодами и не являлись принципиальным направлением в информационной политике властей каждого конкретного региона.

Сотрудничество в информационной сфере между финно-угорскими регионами началось в апреле 1991 г., когда в Йошкар-Оле была организована встреча журналистов из финно-угорских регионов России. В октябре того же года здесь же прошел I Международный фестиваль телевизионных фильмов «Финно-угорский мир» и состоялось совещание на тему «Культура, нравственность, духовность и национальное возрождение». В декабре 1992 г. в Сыктывкаре был проведен II фестиваль «Финно-угорский мир», во время которого было принято решение о создании межрегиональной телевизионной программы «Финно-угорский мир». Первый выпуск этой программы (или тележурнала) был создан в январе 1993 г. С тех пор тележурнал создается, как правило, с периодичностью раз в 2 месяца и в его создании участвуют телерадиокомпании из 8 регионов. В настоящее время подготовлено 66 выпусков журнала. С 1998 г. Общество им. М. Кастрена выделяет специальный грант для финансирования подготовки тележурналов.

В тележурнале «Финно-угорский мир» рассказывается о культурных особенностях различных финно-угорских народов, о важнейших событиях в регионах проживания финно-угров. Как правило, эти программы поочередно показываются во всех финно-угорских регионах и отчасти в Эстонии, Финляндии, Венгрии.

Что касается собственно телевизионных фестивалей, то после Йошкар-Олы и Сыктывкара они были проведены в Ижевске (1993 г.), Саранске (1994 г.), Ханты-Мансийске (1995 г.) и Хельсинки (1997 г.). Помимо этого проводились отдельные совещания и встречи работников средств массовой информации. В 2001 г. телевизионный фестиваль «Финно-угорский мир» состоялся в Карелии.

Вместе с тем надо отметить, что фестивали и встречи создавали лишь основу для широкого информационного сотрудничества, а единственный тележурнал выполнял функцию сугубо просветительскую, а не интегративную. Общего же информационного пространства не сложилось и поэтому в резолюции международного научного симпозиума «Финно-угорский мир и XXI век», состоявшегося в ноябре 1998 г. в Йошкар-Оле в адрес правительств финно-угорских национально-государственных и национально-территориальных образований было сказано: «Принять меры по созданию единого информационного пространства и формированию компьютерной базы данных в области финно-угроведения и культур финно-угорских народов»¹⁰.

Одной из попыток создания информационных структур, обеспечивающих формирование общего информационного пространства, стало создание в Эстонии в 1993 г. Инфоцентра финно-угорских народов (SURI) в качестве проекта учреждения «Фенно-угрия» и при поддержке Открытого фонда Эстонии. Основная цель SURI состояла в сборе и распространении информации в области уралистики, а также данных об уральских (финно-угорских и самодийских) народах для того, чтобы: 1) инспирировать уральские народы на модернизацию своих культур и приспособление к меняющемуся миру; 2) укрепить связи между академической уралистикой и живой культурой уральских народов; 3) оживить взаимные контакты между уральскими народами в сфере культуры и образования; 4) познакомить остальной мир с культурой финно-угорских народов и способствовать диалогу между культурами. Чтобы решить все перечисленные задачи, был создан сайт в Интернете, который содержит различную информацию на эстонском, английском и русском языках. На сайте представлен каталог ресурсов

Интернета по уральским народам (научные учреждения, периодическая печать, сайты на национальных языках и т.п.), календарь событий в финно-угорских регионах и странах, статистические материалы, документы и другая информация.

В начале июля 2000 г. в Таллинне был проведен круглый стол представителей средств массовой информации народов Северной Евразии. В нем участвовали представители финно-угорских народов из России, Финляндии, Эстонии. Участники подписали протокол о намерениях по обмену информацией между финно-угорскими средствами массовой информации, утвердили «Концепцию стратегии в сфере СМИ и информатики на 2000–2005 гг.» и приняли обращение к Консультативному комитету финно-угорских народов о финансовой поддержке SUR1¹¹.

26–27 апреля 2001 г. в Сыктывкаре прошла конференция «Финно-угорские СМИ в XXI веке». Главной целью этой конференции было обсуждение проблемы создания информационного центра финно-угорских народов России в Сыктывкаре. Решение об этом было принято на III Всемирном конгрессе финно-угорских народов, который прошел в декабре 2000 г. в Хельсинки. Необходимость создания центра была связана с тем, что у информационного центра финно-угорских народов SUR1 достаточно прочных связей со средствами массовой информации финно-угорских народов России не сложилось, не удалось обеспечивать СМИ оперативной и качественной информацией, а также в связи с узостью базы данных SUR1. Информационный центр решено было создать на базе медиа-холдинга «Коминформ». По мнению директора медиа-холдинга Павла Кочанова, в последнее время назрела необходимость активнее развивать контакты в финно-угорском сообществе. «Вместе, общими усилиями мы сможем объединить национальные издания и создать единое информационное пространство финно-угорских народов. Я полагаю, что современные коммуникации помогут решить эту задачу», – отметил П. Кочанов¹². Конференция поддержала идею создания информационного центра и приняла решение регулярно обсуждать практические вопросы координации информационной деятельности и использования специального сайта «Коминформа» (www.finugor.komiinform.ru).

Стремление к активизации информационных контактов между финно-угорскими народами нашло свое практическое выражение также в том, что с июля 1999 г. в Йошкар-Оле стала издаваться первая международная финно-угорская газета «Kudo-Kodu». Газета является независимой и не получает финансовой поддержки от государства. Помощь

газете была оказана со стороны Союза студентов Хельсинкского университета, и разовую помощь оказала Программа родственных народов (Эстония).

Особая роль в информационном сотрудничестве принадлежит Финляндии. Финляндское радиовещание (YLE) совместно с Обществом М. Кастрена организует учебные курсы, на которых представители средств массовой информации родственных народов не только знакомятся с новой техникой, но и обращают внимание на содержание информации, которую они несут населению. Представитель Финляндской телерадиокомпании «Юлесрадио» (YLE) Лиза Ховинхеймо сказала по этому поводу следующее: «Финляндское радиовещание, по-моему, в данном отношении чувствует свою ответственность в качестве public broadcaster (публичного вещателя). Среди его образовательных проектов можно назвать, в частности, программу обучения и языковой курсами (1998 г.), радиосеминар для представителей радиокompаний финно-угорских республик (1998 г.), а также курсы по теме документальных и актуальных программ для представителей телевидения Коми, Марий Эл и Удмуртии (1999 г.).»¹³. Финское телевидение и радиовещание приступили в последние годы к организации прямых трансляций как из финно-угорских регионов, так и на эти регионы. YLE Radio Finland в зимний период 1999–2000 гг. передавало финно-угорский еженедельник на марийском и удмуртском языках, а в июне 2000 г. в рамках Дней Финляндии в Коми организовало прямую утреннюю телетрансляцию открытия этих Дней из республики. В 2002 г. YLE Radio организовало постоянные передачи на коми, марийском, удмуртском, мордовском и карельском языках.

В 1999 г. Общество им. М. Кастрена учредило журналистскую премию за творческую работу тому радио- или тележурналисту в России, который пользуется каким-либо уральским языком. Несколько таких премий уже присуждено.

Сотрудничество средств массовой информации, издаваемых или производимых на финно-угорских языках, позволяет им преодолевать объективные трудности (прежде всего в России), которые связаны с их недостаточным финансированием, слабой технической оснащенностью, а главное – малыми тиражами и невысокой популярностью среди населения и рекламодателей. Интенсификация этого сотрудничества и формирование трансграничных и трансрегиональных информационных каналов и программ позволит национальным СМИ выдерживать конкуренцию на информационном рынке и поддерживать потенциал куль-

тур финно-угорских народов в естественной конкуренции культур, в которой они до сих пор проигрывали.

Естественно, что расширение сотрудничества между финно-угорскими странами, регионами и народами потребовало и некоего организационного его оформления, наполнения его определенным гуманитарным содержанием. Под гуманитарным сотрудничеством мы понимаем развитие связей по неправительственным каналам, направленное на укрепление отношений между финно-угорскими народами в различных сферах: образовании, культуре, информатике, контактах молодежи и т.д.

Первым реальным фактом организации такого сотрудничества явилось проведение Дней родственных народов, которые призваны подчеркнуть общность уральских народов. Они проводятся для того, чтобы уральские народы лучше узнали друг друга, что по идее их организаторов в свою очередь должно помочь представителям этих народов оценить по достоинству свой родной язык и свою культуру, а также более последовательно защищать национальную самоидентификацию. Впервые Дни родственных народов состоялись в Финляндии в 1928 г. IV конгресс культуры финно-угорских народов (1931 г., Хельсинки) принял решение отмечать Дни родственных народов ежегодно в конце третьей недели октября. Обретшие после Первой мировой войны независимость Финляндия и Эстония, ставшая национальным государством Венгрия искали свое место в Европе, пытались обозначить свой культурный статус путем поиска и утверждения в общественном сознании не локальной, а широкой культурной идентичности и это, естественно, заставляло интеллектуальные круги данных стран обращать внимание на свои исторические корни.

После Второй мировой войны проведение Дней прекратилось как в Эстонии, так и в Венгрии и Финляндии. Возобновление традиции произошло в Эстонии в 1988 г., в Венгрии Общество Регули отмечает их с 1990 г. Традиция распространилась в Россию в 1991 г., а в Финляндии традиция возрождена в 1993 г. по инициативе Общества им. М.А. Кастрена. В программу проведения Дней родственных народов обычно входят мероприятия в школах, концерты, выставки, конференции, знакомства с творческими коллективами, артистами и деятелями науки, политиками финно-угорских народов.

Важнейшее значение для развития и расширения сотрудничества между финно-уграми имеют Всемирные конгрессы финно-угорских народов. Первый такой конгресс состоялся в Сыктывкаре в декабре

1992 г. Он был проведен по инициативе Комитета возрождения коми народа. Идею проведения подобного форума поддержали и власти Республики Коми, которые финансировали это мероприятие. На конгресс прибыло большое число делегатов от всех финно-угорских народов России, а также из Финляндии, Венгрии и Эстонии. Участники конгресса приняли Декларацию об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира, в которой, в частности, было сказано: «Всемирный конгресс финно-угорских народов является форумом этих народов, не зависимым от правительств и политических партий, ставящим задачу достижения статуса неправительственной организации ООН;

— мы являемся открытым для всего мирового сообщества объединением равноправных родственных народов, присоединившимся к общеевропейскому процессу безопасности и сотрудничества и руководствующимся Всеобщей декларацией прав человека, Парижской хартией для новой Европы, 169-й Конвенцией Международной организации труда, касающихся прав коренных народов и национальных меньшинств;

— мы намерены осуществить волю наших народов к сотрудничеству и оказанию взаимопомощи в области права, экономики, экологии, социальных вопросов, информации, образования науки и культуры;

— учитывая различия конституций и конституционных систем наших стран и сознавая возможность разных подходов в стремлении к названным выше целям, мы намерены перед всем мировым сообществом отстаивать жизненные интересы наших народов, опираясь на принципы европейского гуманизма и нормы международного права»¹⁴.

В Обращении к парламентам и правительствам российской федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав (которое подписали только российские участники конгресса) указывалось, что «содействуя возрождению финно-угорского мира, выживанию ряда наших родственных народов и развитию других... считаем необходимым добиваться правовых и организационных условий для всестороннего и равноправного сотрудничества братских народов между собой и со всем миром». В числе таких условий было названо принятие ряда законов и ратификация Россией международных правовых документов, касающихся положения коренных народов, установление прямых парламентских связей Республики Коми, Республики Карелия, Республики Марий Эл, Мордовии, Удмуртии между собой, а также с Венгрией, Финляндией, Эстонией и организации на этой основе совместных выступлений «против дискриминации и любых попыток ущемить

национальные права какого-либо из народов», реформирование национальных парламентов (создание национальных палат титульных этносов), принятие законов о языках и гражданстве, разработка «механизмов наибольшего благоприятствования интеграции экономик финно-угорских государств» и создание совместных предприятий, создание международного фонда финно-угорских государств и информационного центра, создание «единой теле-радиокommunikационной системы финно-угорского сообщества», принятие решения о ежегодном проведении Дней родственных народов, создание совета ректоров университетов стран, республик и регионов проживания финно-угорских народов¹⁵.

На Конгрессе было принято решение о создании Консультативного комитета финно-угорских народов и утверждено Положение о нем, в котором говорилось, что Консультативный комитет является координирующим органом Всемирного конгресса финно-угорских народов и призван отстаивать и защищать права и интересы этих народов, изложенные в Декларации об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира¹⁶. Штаб-квартира Комитета расположена в Хельсинки, а финансирует его деятельность финское правительство. На I Всемирном конгрессе председателем Консультативного комитета был избран Валерий Марков – председатель Комитета возрождения коми народа.

Второй Всемирный финно-угорский конгресс состоялся в 1996 г. в Будапеште и был приурочен к празднованию 1100-летия венгерского государства. Участники конгресса вели работу в пяти секциях: молодежи, средств массовой информации, здравоохранения, демографии, экологии и охраны детства, юношества и семьи, культуры, экономики. Оценивая итоги Конгресса, В. Марков отметил, что финно-угорский мир, о создании которого говорилось на I Конгрессе, стал реальностью (что было отмечено и в резолюции Второго Конгресса), а проведенная после него работа способствовала укреплению взаимоотношений между финно-угорскими народами¹⁷.

III Всемирный конгресс финно-угорских народов был проведен в декабре 2000 г. в Хельсинки. Его работа была организована по аналогии с работой Второго Конгресса, но секций было создано четыре: политика, культура и образование, экология и здравоохранение, медиа и информационные системы. В тезисах, которые были опубликованы в преддверии Конгресса, Генеральный секретарь Общества финской литературы Урпо Венто, в частности, отметил: «Принадлежность к фин-

но-угорской культуре в качестве фактора, объединяющего членов языковой группы, является, по мнению многих, лишь романтическим явлением, историческим творением некоторых ученых и поэтов, принадлежащих к малым народам, а поэтому отношение ко всему этому нынешних исследователей культуры и политиков может быть циничным. Финляндия и Эстония, однако, могут служить классическим примером того, какое большое значение для малого народа имеет осознание своих корней и своего прошлого... В «финно-угорских» республиках и регионах Российской Федерации уничтожение в советские времена интеллигенции, деятелей науки и искусства, исповедовавших свою национальную культуру, оставило после себя на два поколения вакуум, который не удалось заполнить за десятилетие существования новой России... Будущее, однако, может быть в руках свободных общественных организаций»¹⁸.

К числу таких организаций можно отнести, например, эстонское учреждение «Фенно-Угрия», которое было создано в 1927 г. для координации взаимоотношений с финно-угорскими народами (тогда в основном с Финляндией и Венгрией). В 1940 г. после присоединения к СССР деятельность общества была запрещена и возродилось оно только в 1991 г. как холдинг, объединяющий предприятия и организации Эстонии, заинтересованные в сотрудничестве с родственными народами. В настоящее время «Фенно-Угрия» объединяет более 50 учреждений и общественных организаций, имеющих контакты с родственными народами. С декабря 1992 г. учреждение «Фенно-Угрия» представляет Эстонию в Консультативном комитете финно-угорских народов. К целям учреждения относятся следующие: а) поддерживать возрождение уральских народов, их культуры, способствовать прогрессу в образовании и науке, помогать развитию финно-угроведения в Эстонии; б) развивать взаимосвязи уральских народов в области культуры и взаимообмен информацией; в) пропагандировать культуру родственных народов и их мировоззрение, близкое к природе; г) помогать использованию культурного наследия отдельных народов, которое хранится в музеях, архивах и т.д., в повседневной жизни этих народов и развитии их культуры.

Учреждение «Фенно-угрия» способствует развитию отношений Эстонии с финно-угорскими республиками в составе Российской Федерации. Эти отношения имеют различные формы и в частности «Фенно-Угрия» по поручению Министерства образования Эстонской Республики занимается подбором студентов, для которых правительство

этой страны ежегодно выделяет стипендии и денежные средства на оплату проживания во время обучения в вузах Эстонии. К примеру, в 2000/01 уч. г. должно было быть выделено 10–12 стипендий для набора студентов из Ямало-Ненецкого АО (ханты, манси, ненцы), Республики Татарстан (удмурты, марийцы, мордва), Самарской области (мордва), Республики Башкортостан (мордва, удмурты).

Помощь, которая оказывается правительством Эстонии в развитии и сохранении культур родственных финно-угорских народов, проживающих в России, осуществляется в форме специальной государственной программы. Название этой программы – «Программа Родственных Народов Эстонии». Программа направлена на поддержку языков и культур уральских (финно-угорских и самодийских) коренных народов и рассчитана на 1999–2004 гг. Одобрена она была правительством Эстонской республики 5 мая 1998 г.

Что касается Венгрии, то ее участие в поддержке родственных народов в России в последние годы было явно ограниченным, что было отмечено многими экспертами в интервью, которые мы брали у них весной 2001 г. Это отчасти объясняется тем, что наиболее актуальной задачей для этой страны является интеграция в Европейское сообщество и НАТО, приобщение к общеевропейскому культурному пространству.

Как отмечает В. Яналов, «сейчас Будапешт не проявляет особой активности в международном финно-угорском движении, уступив роль лидера Финляндии...».

И действительно, в финно-угорском мире особое положение у Финляндской республики – Суоми. Все родственные народы признали роль Хельсинки в этом движении. Финляндия имеет долгосрочную программу помощи восточным родственникам для сохранения и развития их языков, культур, книгоиздания. В Европейском совете именно финские представители выступают с инициативой поддержки национального развития финно-угорских народов России. И Европейский союз часть своих программ («Тасис», «Темпус») осуществляет в восточноевропейских государствах через Финляндию, учитывая ее связи с финно-уграми Российской Федерации»¹⁹. Во время опроса большинство экспертов однозначно указали на то, что финская сторона оказывает наиболее существенную помощь финно-угорским народам России в деле их культурного развития. Так, специалист марийского Министерства культуры и по делам национальностей Эрик Алексеевич Юзыкайн указал, что все учебники на марийском языке, которые подготовлены и изданы в последние годы в республике, созданы на финские деньги. Особо он

отметил роль финского Общества им. М.А. Кастрена и Общества финских учителей, оказавших реальную помощь в развитии национальной системы образования в республике. Пример Республики Марий Эл не единственный. Так, в Коми единственный учебник истории на коми языке также подготовлен и издан за счет гранта Общества им. М.А. Кастрена. Финансовая поддержка финской стороны позволила издать ряд книг и учебников в Удмуртии, Мордовии, Коми-Пермяцком округе.

Особая роль в развитии культурных связей между финно-угорскими народами в оказании помощи российским финно-уграм, как уже отмечено выше, принадлежит обществу им. М.А. Кастрена, созданному в 1990 г. Через это общество финское правительство оказывает финансовую поддержку различным культурным начинаниям и программам сотрудничества. Профессор истории Университета Оулу Кюсти Юлку еще в начале 90-х гг. отметил, что Финляндия, находясь в лучшем положении, чем ее финно-угорские партнеры, может и должна оказать помощь родственным народам и что парламент страны указал правительству на необходимость разработки конкретных шагов в этой области. Он также высказался за тесную координацию между Эстонией, Венгрией и Финляндией в этом деле. При этом он отметил, что только в не самом благоприятном для страны 1994 г. на цели поддержки родственных народов правительство страны выделило 2,4 млн марок. «Самое же необходимое, – указал он, – это наладить постоянный обмен идеями и стимулами между Венгрией, Эстонией и Финляндией, с одной стороны, и родственными нам народами, с другой. Этот обмен должен быть двусторонним – с востока на запад и с запада на восток – и включать обмен литературой, лекторами, преподавателями, студентами и научными специалистами»²⁰.

Специалисты с российской стороны также отмечают важность развития связей между российскими финно-угорскими народами и Венгрией, Эстонией и Финляндией, но порой оценивают значимость подобных идей с иных позиций.

Так, И.К. Калинин в своем исследовании отмечает: «Встречное расположение к культурному сближению со стороны Финляндии, Венгрии, Эстонии обещает хорошие перспективы. В изучении и интерпретации культуры этих стран, прежде всего, необходимо усвоение тех моментов ментальности, которые конституируют современное общество, ориентируя человека не на потребление плодов цивилизации, чем, к сожалению, грешит интерпретация Запада российским общественным сознанием, а на их производство. Для восточных финнов более

близкое знакомство с жизнью финнов Финляндии или венгров означает, поэтому, кроме всего прочего, и возможность “прицепиться” к “первому эшелону” модернизации»²¹.

Внутрироссийское гуманитарное сотрудничество как между регионами проживания финно-угров, так и между федеральными властями и этими регионами пока не получило должного развития. Созданный в 1991 г. в Йошкар-Оле Фонд развития финно-угорских народов не располагает сколько-нибудь значительными средствами для оказания реальной помощи, поддержки конкретных проектов, связанных с культурным развитием названных народов. Большие надежды возлагались на разработку федеральной концепции государственной программы национального возрождения и развития финно-угорских народов России. Правительство Российской Федерации своим распоряжением от 1993 г. приняло решение о разработке такой программы. Проект программы в конце 1997 г. был представлен Миннацем России в Экспертный совет при правительстве страны, затем он возвращался на доработку и процедура его «пробивания» явно затянулась²². В конце концов, и само Министерство по делам национальностей и федеральной политике было расформировано, а следовательно, возможность принятия названной программы стала довольно призрачной, поскольку она лишилась поддержки главного федерального лоббиста.

К тому же и само финно-угорское движение переживает явный спад, а всероссийские съезды, которые по уставу АФУН (Ассоциации финно-угорских народов) должны проводиться с периодичностью 3 года, не проводились после 1995 г. вообще. В этой связи еще большее значение приобретает гуманитарное сотрудничество с Эстонией, Венгрией и особенно Финляндией. При этом позиция финской стороны как раз и сводится к тому, чтобы очень строго оговорить именно гуманитарный характер сотрудничества, на что, например, однозначно указал Мауно Йокипин: «Конечно, «племенная» работа на территории бывшего СССР, – пишет он, – даже в условиях свободы не достигла особенно значительных успехов, но достаточно того, что она побуждает к дальнейшей деятельности. Участие финнов в этом чрезвычайно важно, если оно осуществляется последовательно и на условиях «адресата», строго оставаясь в пределах культурной и социальной сфер. Из опыта предыдущих поколений следовало бы извлечь урок, что присутствие даже незначительных нюансов, имеющих внешнеполитическое звучание, может принести хорошему делу много вреда. Помощь, оказываемая в истинно гуманном духе, напротив, наверняка обогатит духовность и культуру обеих сторон»²³.

Таким образом, сам факт гуманитарного сотрудничества есть свидетельство взаимных культурных контактов, а его содержание и направленность характеризуют сферу взаимных интересов сторон.

Поиски новой финно-угорской идентичности идут весьма активно, но нельзя сказать, что эта идентичность приобрела законченную форму и уже имеет серьезное идеологическое обоснование. Более того, для того чтобы утверждать о реальности «Финно-угорского мира» как трансрегиональной и трансграничной общности, необходимы два условия. Первое состоит в том, что связи между регионами и странами, где проживают финно-угорские народы, должны быть прочными и многосторонними, т.е. они должны охватывать экономическую, политическую сферы, а не только замыкаться в рамках декоративных культурных обменов. Пока же только Республика Коми и Карелия имеют интенсивные экономические обмены с Финляндией, которая является одним из их ведущих торговых партнеров на Западе и сотрудничество с которой координируется, к примеру, у Коми, совместной рабочей группой. К тому же эти республики входят и в Совет Баренц-Евро-Арктического региона. Но их торговые и экономические связи с Венгрией и Эстонией незначительны и культурные контакты никак не стимулируют активизацию экономических обменов. Если же говорить о внутрироссийском экономическом сотрудничестве, то все финно-угорские республики в большей мере ориентированы не на обмены между регионами «Финно-угорского мира», а на иные рынки, тяготение к которым является более естественным и обоснованным. Но самое главное, что реальность финно-угорского мира осознается только узкой группой этнической элиты финно-угорских народов, но отнюдь не широкими массами населения, а значит, этот мир и ныне остается творением мифологизированного политического сознания этой элиты.

Примечания

¹ Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы. М.: Весь мир, 1999.

² Россия регионов: Трансформация политических режимов / Ред. Гельман В., Рыженков С., Бри М. М.: Весь мир, 2000.

³ Учайкина Т. Финно-угорский мир: миф или реальность // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар. 1996. № 8–9.

⁴ Поэтому многие экономические проекты не реализованы или потерпели крах. Например, не воплотилась идея о создании «Финно-угорского банка» – хозяйственные интересы и потенциал финно-угорских стран и регионов слишком различны.

- ⁵ Дробижева Л. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994. С. 77.
- ⁶ Сий Энико. Важнейшие регулярные события в финно-угорском движении // Сородини по языку. Будапешт, 2000. С. 479–480.
- ⁷ Там же. С. 480–481.
- ⁸ Кузнецов В. Современное искусство финно-угорских народов // Финно-угроведение. 2000. № 1. С. 159.
- ⁹ Яналов В. Финно-угорский мир: состояние и тенденции // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень, 1998. № 2 (11). С. 7.
- ¹⁰ Рекомендации международного научного симпозиума «Финно-угорский мир и XXI век» // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень. 1999. № 1. С. 6.
- ¹¹ Садовин И. Финно-угорский календарь культурной и научной жизни 2000 года // Финно-угроведение. 2000. № 2. С. 152.
- ¹² Комсомольская правда – Республика Коми. 2001. 20 апр.
- ¹³ Ховинхеймо Лиза. Возможности СМИ и информатики в развитии финно-угорских языков и культур // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень. 2000. № 3 (19). С. 44.
- ¹⁴ Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Материалы. Документы. М., 1994. Т. 1. С. 257.
- ¹⁵ Там же. С. 258–260.
- ¹⁶ Там же. С. 260.
- ¹⁷ Там же. С. 159.
- ¹⁸ Венто Урпо. Культура, общественные организации, национальная интеллигенция и их значение в деле усиления национального развития // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень. 2000. № 3 (9). С. 41.
- ¹⁹ Яналов В. Финно-угорский мир... С. 14.
- ²⁰ Юлку К. Основные вопросы и требования нынешней ситуации // Финно-угорские народы и Россия. Сборник материалов международных конференций 1992–1993 гг. Таллин. 1994. С. 48–50.
- ²¹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. С. 153.
- ²² Тотмосов А.А. Трудной дорогой перемен // Жизнь национальностей. 2001. № 1. С. 24.
- ²³ Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / Сост. Йокипин М. Ювяскюля. 1995. С. 502.

Р.А. Кобызов

Амурский государственный университет

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР
В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ
(Дальний Восток)**

История человечества знает немало примеров влияния религиозных и этнических факторов на процессы интеграции и дезинтеграции в обществе. Этноконфессиональный фактор приводил в движение государства и народы, провоцировал войны и создание союзов, служил поводом к диалогу и конфронтации. С древнейших времен этнические и религиозные различия играли важную роль в политической, социально-экономической и культурной системах. Без учета этноконфессиональных факторов невозможно обсуждение проблем глобализации, интеграции, регионализации и в современном мире.

С конца XX столетия очевидны две тенденции. С одной стороны – мощный мировой процесс глобализации политических, экономических отношений, распространение массовой культуры, унификация ценностей и идеалов, открытие национальных границ и т.д. С другой стороны – автономизация регионов, формирование новых моделей идентичности, основанных на этнической, религиозной, языковой принадлежности, рост межэтнических и религиозных столкновений, ренессанс традиционной культуры и т.д.

Изучение данной проблематики особенно актуально в приграничных регионах, находящихся в своеобразном авангарде отмеченных процессов. Юг Российского Дальнего Востока (Амурская область, Еврейская АО, Приморский, Хабаровский края) – один из них.

Исторические и географические предпосылки определили религиозное и этническое многообразие края. В разные исторические эпохи

на рассматриваемой территории проживали дауры, дючеры, нивхи, оро-чены, гольды, чжурчжени, китайцы и др. С середины XIX века – русские, украинцы, белорусы, другие народности Российской Империи, а также поляки, немцы, евреи, японцы, корейцы, китайцы. Современные миграционные процессы привели к формированию на Дальнем Востоке этнических сообществ из стран АТР, Средней Азии, Кавказа.

Национальный состав предопределил конфессиональное многообразие региона. Наряду с РПЦ, старообрядцами, католиками и различными направлениями протестантизма, на Дальнем Востоке получили свое распространение ислам, иудаизм, буддизм, китайские религии, традиционные верования коренных народов, новые религиозные движения и культы и т.д.

Из всей пестрой палитры этнорелигиозных процессов в регионе, с их сложными, противоречивыми и неоднозначными явлениями, одним из наиболее важных является процесс русско-китайского этноконфессионального взаимодействия.

Проблема русско-китайских отношений обусловлена не только приграничным положением региона. Она имеет в своей основе культурные, политические, экономические, идеологические, социальные и религиозные детерминанты. В ее истории были эпохи солидарности и конфронтации. Яркими примерами этого могут служить драматические события 1900 г., когда тысячи китайцев были выдворены за Амур; и совместное хозяйственное, культурное сосуществование и политическое сотрудничество в 1950-е гг.

Сегодня в связи с ростом китайской миграции, с активизацией приграничных контактов, политического и экономического сотрудничества актуальны вопросы о современном состоянии и дальнейших перспективах этих отношений, о роли в них этноконфессионального фактора. Отчасти ответить на него призвано социологическое исследование «Этническое самосознание русских и китайцев в Дальневосточном регионе», проведенное исследовательской группой АмГУ в 2002 г.¹ В числе многих вопросов анкеты респондентам было предложено два вопроса, позволяющих охарактеризовать роль религиозного фактора в этнических стереотипах.

По предварительным результатам исследования на вопрос «*Что в первую очередь отличает китайцев от русских (кроме языка и внешних расовых признаков)?*» были даны следующие ответы: 30,8% – образ жизни, культурные традиции (кухня и т.д.); 21,4% – поведение в быту; 12,7% – религиозные особенности; 12,6% – более высокие деловые качества; 7,9% – идеология и политические взгляды; 6,8% – нравственные

качества; 3% – менее высокие умственные способности; 1,5% – менее высокие деловые качества; 1,3% – более высокие умственные способности. В ответе на вопрос «*Что, прежде всего, может препятствовать общению русских и китайцев (кроме языковых трудностей)?*» 19% респондентов отметили особенности психологии китайцев; 17,3% – бытовые привычки; 16,1% – особенности психологии русских; 13,7% – разные политические убеждения, идеологические различия; 12,5% – различия в нравственной сфере (в понимании добра и зла, справедливости и т.д.); 9,7% – разные деловые качества; 8,3% – религиозные различия.

Ответы респондентов демонстрируют отсутствие ярко выраженного восприятия китайцев как носителей иной, отличной от русских, этноконфессиональной традиции. Традиционный комплекс китайских верований – конфуцианство, даосизм, буддизм – по всем объективным показателям в корне различающийся от традиционного для России православия не является на взгляд опрошенных препятствием для общения.

Характерными являются ответы на следующие вопросы: «*Какие черты характера, с Вашей точки зрения, присущи китайцам? Перечислите, пожалуйста, основные*» (открытый вопрос); «*Завершите, пожалуйста, предложения: Китай – это... Китайцы – это... Китайская экзотика – это...*». Из всего многообразия ответов, характеризующих китайцев, среди которых «трудолюбие» – 20,5%; «наглость» – 13,4%; «неопрятность» – 9,4%; «хитрость» – 8,6%; «предприимчивость» – 6,6% и т.д., «религиозность» отметили только 0,3%. Как «китайскую экзотику», «религию» наряду с «культурой» воспринимают 8,8% опрошенных (лидером в этом пункте анкеты является «кухня» – 20%). Никто из респондентов не отметил религию в качестве завершения предложений «*Китай – это... Китайцы – это...*».

Таким образом, ответы демонстрируют слабое восприятие религии как этнодифференцирующего фактора русско-китайских отношений. В восприятии китайцев русскими религиозность не занимает ведущих позиций.

Низкие показатели, характеризующие роль религиозного фактора в этнических стереотипах, находятся в определенном противоречии со следующими результатами. Так, на вопрос «*Как бы отнеслись к открытому отправлению китайцами своих религиозных культов, к открытию храмов на территории данного региона?*» были получены следующие ответы: 70,8% заявило о своем отрицательном отношении, 9,2% положительно относятся к такой перспективе; 15,8% – безразлично. На вопрос «*Как бы вы отнеслись к тому, что ваш близкий родственник, знакомый принял бы вероисповедание одной из китайских ре-*

лигий?» процент толерантных ответов был выше, чем в первом случае. Так, 42,6% всех опрошенных высказали по этому поводу отрицательное мнение; 36,6% – нейтральное («не вижу в этом ничего плохого»); 8,6% – положительное («могу отнестись к этому с пониманием, поскольку китайские религии несут свою истину»); 1,4% не исключили возможности принятия китайских религий; 10,6% затруднились с ответом.

Полученные данные свидетельствуют о недоброжелательном отношении дальневосточников к институционализации и распространению китайских верований. Ответы показывают четкое восприятие китайской религии как этнодифференцирующего фактора русско-китайских отношений. Рассмотрим их более подробно.

На вопрос *«Как Вы отнеслись бы к открытому отправлению китайцами своих религиозных культов, к открытию храмов на территории нашего региона?»* отрицательно ответило: от общего числа респондентов – 72,9%; из группы верующих – 73%; православных верующих – 73,3%; неверующих – 72,7%. Почти полное совпадение позиций неверующих и верующих понятно – обе группы русского населения готовы увидеть в институционализации китайских религий еще один признак китайской экспансии.

Однако оснований для вывода о том, что в приграничном регионе сложилась безусловно неблагоприятная для рецепции китайских верований культурная среда, нет.

При ответе на рассматриваемый вопрос *«Как Вы отнеслись бы к открытому отправлению китайцами своих религиозных культов и открытию храмов на территории нашего региона?»* предпочли ответ «отношусь положительно»: от общего числа респондентов – 9,2%; из группы верующих – 11,7%; православных верующих – 10,3%; неверующих – 7,1%. Ответ «мне это безразлично» выбрали: от общего числа респондентов – 13,9%; из группы верующих – 10,4%; православных верующих – 12,3%; неверующих – 16,9%. Очевидно, что достаточно большая группа русских, почти четверть опрошенных, не проявляет озабоченности по поводу наращивания китайской специфики в религиозной сфере: почти каждый десятый готов увидеть в этом положительные стороны, каждый седьмой – индифферентен. Примечательно, что православные в сравнении с неверующими не выделяются активным неприятием чуждых культов. По-видимому, такое положение объясняется, с одной стороны, либерализмом религиозных воззрений и желанием дистанцироваться от экстремизма, с другой – поверхностным характером усвоения вероучения. Теоретическое предположение о рито-

ризме и неконформизме православия не совпадает с действительными установками части верующих.

При ответе на вопрос «*Как бы Вы отнеслись к тому, что Ваш близкий родственник, знакомый принял вероисповедание одной из китайских религий (буддизм, даосизм, конфуцианство)?*» ответ «отрицательно, не вижу в этом ничего хорошего» выбрали: из общего числа респондентов – 43,4%; из группы верующих – 42,3%; из православных верующих – 41,8%; из неверующих – 44,8%; из затруднившихся определить свое вероисповедание – 52,6%.

Ответ «нейтрально, не вижу в этом ничего плохого» предпочли: из общего числа респондентов – 37,2%; из группы верующих – 33,1%; из православных верующих – 35,6%; из неверующих – 40,9%; из группы затруднившихся определить свое вероисповедание – 31,6%.

Ответ «положительно, могу отнестись к этому с пониманием, поскольку китайские религии несут свою истину» разделили: из общего числа респондентов – 8,6%; из группы верующих – 11,7%; из православных верующих – 10,3%; из неверующих – 5,2%; из затруднившихся определить свое вероисповедание – 10,5%.

Ответ «не исключаю и для себя такой возможности» предпочли: из общего числа респондентов – 1,2%; из группы верующих – 1,8%; из православных верующих – 0,7%; из неверующих – 0,6%; из затруднившихся определить свое вероисповедание – 5,3%.

Ответ «затрудняюсь ответить» выбрали: из общего числа респондентов – 9,2%; из группы верующих – 10,4%; из православных верующих – 11,6%; из неверующих – 8,4%; из затруднившихся определить свое вероисповедание – 0%.

Высокую степень невосприимчивости, выраженную в отрицательном ответе, демонстрируют менее половины опрошенных (43,4%). Примечательно, что и здесь православные верующие отнюдь не являются примером этнорелигиозной непримиримости. Напротив, их протестный потенциал самый низкий (41,8%).

Значительная часть опрошенных обнаруживает этнорелигиозный плюрализм («не вижу в этом ничего плохого», «китайские религии несут свою истину») или индифферентизм (45,8%). В этой группе преобладают неверующие (46,1%). Возможно, это объясняется уважением к праву человека исповедовать любую религию либо общим нейтральным отношением ко всем религиям без исключения. Уместно вспомнить и об утешающей русское самосознание идее «широты души». С неверующими солидарны 42,1% тех, кто затруднялся определить свое вероисповедание. И это понятно: «диффузное» состояние религиозных

взглядов, вероисповедная неопределенность согласуются с лояльной позицией по отношению к иноэтническим религиям.

Мировоззренчески положительно или нейтрально настроены по отношению к факту обращения в вероисповедание одной из китайских религий близкого родственника, знакомого 45,9% православных, еще 11,6% православных не смогли определить свою позицию. Данное обстоятельство подтверждает поверхностный характер усвоения православия значительной долей тех, кто соотносит себя с православным сообществом (в нашем случае это 57,5% опрошенных). Религиозная идентификация этих верующих формальна, воззрения – непоследовательны, что и объясняет конформизм их позиции по отношению к распространению китайских религий.

Не исключают для себя возможности принятия одной из китайских религий: из общего числа респондентов – 1,2%; из группы верующих – 1,8%; из православных верующих – 0,7%; из неверующих – 0,6%; из затруднившихся определить свое вероисповедание – 5,3%. В эту группу входят, очевидно, и те, кто во всей полноте обнаруживают пресловутую «всеотзывчивость» русских, и сторонники культурного эскапизма, и люди, ангажированные идеей религиозного поиска, увлеченные китайской культурой.

Позитивное или негативное отношение дальневосточников к китайской религии влияет на их отношение к приграничным взаимоотношениям между нашими странами. Корреляционный анализ ответов на два рассмотренные выше вопроса с данными, полученными при ответе на вопрос «*Что Вы ожидаете лично для себя от развития приграничного общения?*», выявил следующую зависимость²:

- респонденты, положительно относящиеся к открытию китайцами храмов на территории Дальнего Востока, уверены в том, что открытие границы с Китаем изменило их жизнь в лучшую сторону;
- часть опрошенных, надеющиеся на изменения в лучшую сторону от развития приграничного общения, положительно относятся к открытию китайцами храмов на территории региона;
- предвидят лишние неприятности от развития приграничного общения те опрошенные, которые против отправления китайцами своих религиозных культов на территории региона;
- ничего не ожидают от развития приграничного общения респонденты, отрицательно относящиеся к принятию вероисповедания одной из китайских религий близким знакомым или родственником;
- респонденты, положительно относящиеся к принятию вероисповедания одной из китайских религий близким знакомым или родствен-

ником, надеются на изменения в лучшую сторону от приграничного общения.

Этноконфессиональный фактор в приграничном положении Дальнего Востока ярко проявляется не только в аспектах влияния китайских верований на жителей региона, но и в обратных процессах христианизации китайского этноса.

Миссионерская деятельность христианских конфессий среди китайцев развивалась с эпохи первых русско-китайских контактов на территории Дальнего Востока. В настоящее время Дальневосточный регион – форпост западных протестантских и католических деноминаций, новых религиозных движений. Приграничное положение региона умело используется религиозными организациями для христианского радиовещания на сопредельную территорию, переброски в Китай христианской литературы, пасторских поездок, евангелизации мигрантов и т.д.³

В завершении краткого обзора проявления этноконфессиональных факторов на региональном уровне можно сделать ряд следующих выводов.

1. Система этнических стереотипов, представленная взаимообусловленностью автостереотипов – «этноинтегрирующих атрибуций – представлений о действительных или воображаемых чертах группы», и гетеростереотипов – «этнодифференцирующих атрибуций – представлений о других группах», характеризующая представления русскоязычного населения Дальневосточного приграничья о себе и о китайцах в оппозиции «мы – они», в религиозном аспекте находится на низком уровне определения. Исходя из зависимости формирования стереотипов от этнической среды, характера отношений в этой среде, данный факт, по нашему мнению, является следствием ряда причин:

- устойчивости в самосознании личности атеистических установок, сформировавшихся у русскоязычного населения Дальнего Востока в Советский период, при котором религиозный фактор не играл какой-либо серьезной роли в обществе;

- специфического характера русско-китайских, а ранее и советско-китайских отношений с преобладанием в них политических контактов;

- ограниченной возможности для межэтнической коммуникации в Советский период.

2. Результаты ответов на вопросы, характеризующие низкую роль религиозного фактора в этнических стереотипах и низкий уровень толерантности населения к китайским религиям, имеют противоречивый характер. Это говорит о резко неоднозначном конфессиональном от-

ношении русскоязычного населения Дальнего Востока к китайскому этносу. Формирование социальных установок по этому важному параметру межэтнических отношений – вопрос будущего. Возможна тенденция размывания этнокультурной самобытности русской культурной среды, находящейся в пределах критических показателей. Существует достаточный потенциал, способный стать основой религиозных компромиссов и синкретизации верований. Вполне вероятен процесс синицизации религиозности русских.

3. В целом анализ опроса свидетельствует об отсутствии достаточного опыта этнорелигиозного взаимодействия у русскоязычного населения Дальневосточного приграничья и о его неготовности к тесному сосуществованию с представителями китайской этнической общности. Данный факт может привести в будущем к столкновениям и конфронтации.

4. Деятельность западных миссий в отношении китайского этноса оказывает существенное влияние на геополитическую, культурную и религиозную ситуацию на Дальнем Востоке.

Примечания

¹ Программу исследования см.: Забияко А.П., Аниховский С.Э., Кобызов Р.А. Исследовательский проект «Этническое самосознание русских и китайцев в Дальневосточном регионе» // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. Т. 2. С. 50–57. Ряд материалов исследования получил свое освещение в следующих публикациях: Забияко А.П. Этническое самосознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Т. 3. С. 422–429; Аниховский С.Э. Отношения русскоязычного населения к присутствию китайских религий на Дальнем Востоке // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Т. 2; Кобызов Р.А. Религиозная ситуация в Амурской области на рубежах веков // Там же; Забияко А.П. «Русские и китайцы: перспектива рецепции китайских верований» // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск, 2002; Кобызов Р.А. Религиозный фактор в этнических стереотипах (на материале социологического опроса) // Там же; Кобызов Р.А. Русские и китайцы в Приморье: этнокультурные и этноконфессиональные контакты // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2002, С. 84–91; и др.

² Зависимость устанавливалась по тесту Хи-квадрат с применением коэффициентов связи Пирсона и Спирмена.

³ Более подробно см.: Свищев М.П. Миссионерская деятельность в контексте геополитики. М., 1999; Кобызов Р.А. Китайцы как объект миссионерской деятельности христианских конфессий // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. Т. 3. С. 570–575.

Н.Я. Калюжнова, Лю Хайлань

Иркутский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Китай – огромная страна, состоящая из 23 провинций, 5 автономных районов, одного специального административного района Сянган и 3 городов центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь и Шанхай). По типу государственного устройства КНР – унитарное государство, однако в ходе экономической реформы в Китае осуществлена децентрализация экономической власти и значительные полномочия по управлению экономической деятельностью переданы на места. В ходе осуществления реформы руководство КНР максимально учитывало характер развития отдельных провинций. Регионам, в силу своего географического положения в значительной степени ориентированным на торгово-экономические связи с другими странами, была предоставлена большая самостоятельность в вопросах внешнеэкономической деятельности. Эти регионы должны были стать плацдармом для отработки механизма взаимодействия КНР с зарубежными партнерами.

Учитывая накопленный в южных провинциях опыт по привлечению иностранного капитала, а также проявившееся в результате неравномерного развития провинций социальное неравенство жителей различных регионов, в КНР в числе других мер были предоставлены более широкие полномочия провинциям, граничащим с Россией. Это провинции Хэйлунцзян, Цзилин, автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ). Так, в 1992 г. Госсоветом КНР было принято решение о создании специальной экономической зоны в приграничном с Россией городе Маньчжурия (АРВМ).

В «Программе – 2010» законодательно был закреплён курс на интернационализацию региональной экономики Китая, т.е. интеграцию в китайскую экономику приграничных районов сопредельных государств.

Северо-восточные территории Китая заинтересованы в вовлечении юга российского Дальнего Востока и Забайкалья в систему своих экономических связей. Этим планам было подчинено развитие части местной легкой промышленности и аграрного сектора, прямо ориентированных на обеспечение дальневосточных областей России продуктами и промышленными товарами, а также создание на китайской территории развитой инфраструктуры с выходами на Россию, проработка разнообразных проектов регионального сотрудничества. Поэтому Китай в развитии отношений с Россией в последние десять лет сделал явный региональный акцент. Кроме того, реализуются проекты межрегионального сотрудничества, например, автономного района Внутренней Монголии и Читинской области. Курс реализуется через создание и развитие региональных экономических зон в приграничных районах, куда входили бы территории Китая и прилегающие районы сопредельных стран. Организующие центры этих зон (всего зон шесть) находятся в Китае. Центр зоны, куда входят провинции Северо-восточного Китая и сопредельные области России, находится в Харбине, который становится центром хозяйственного освоения Китая восточных территорий России¹.

Харбин – столица провинции Хэйлунцзян. В провинции развита приграничная торговля с Россией, которая успешно растет после введения в действие льготного режима, по которому покупка на приграничных рынках одним покупателем в течение торгового дня импортных товаров на сумму менее 1 тыс. юаней осуществляется беспошлинно. Так, сразу после введения данной льготы объем приграничной торговли Хэйлунцзяна с Россией за год вырос в 2 раза и достиг в 1996 г. 350 млн дол., более 50% общего объема внешней торговли Харбина пришлось на долю российских регионов². Провинция экспортирует в Россию продукцию легкой и швейной промышленности, продовольственные товары и зерно. В настоящее время Харбин установил и поддерживает связи с более чем 40 российскими городами и районами. Власти г. Харбин намерены увеличить объем торговли с регионами Сибири и Дальнего Востока до 2 млрд дол. в год.

Изменения в экономическом состоянии России и, прежде всего, в областях, граничащих с данными провинциями и имеющих наибольший оборот с этими ними, имеет весьма неблагоприятное влияние на состояние экономик этих провинций. Китайские экономисты отмеча-

ют ряд негативных изменений, произошедших в экономике России в конце 1990-х гг., которые отрицательно сказались на положении китайских предприятий-экспортеров³. В частности, к негативным изменениям в России, повлекшим снижение объема торговли провинции Хэйлунцзян с Россией, относятся:

1. Ужесточение требований к экспортерам в России (установление права на внешнеторговую деятельность только тем предприятиям, которые занимались ею без нарушений не менее 3 лет).

2. Восстановление системы экспортных таможенных платежей (налогов) в России и увеличение импортных пошлин в среднем на 3% в России, что привело к повышению себестоимости экспорта, например, мороженой свинины до 310 юаней за тонну и повлияло на эффективность экспорта провинции.

3. Ужесточение порядка оплаты товаров.

4. Местными негативными факторами для провинции были кризисное состояние экономики Дальневосточного региона России, с предприятиями которой осуществляется основной торговый оборот провинции.

Имеется и внешняя причина – азиатский финансовый кризис, который снизил курсы восточных валют и привел к понижению цен на товары ЮВА. При стабильном юане это привело к сравнительному удорожанию китайских товаров и вытеснению китайских товаров с российского рынка более дешевыми товарами стран ЮВА.

Все эти причины привели к существенным потерям предприятий провинции от ухудшения условий торговли с Россией. В то же время китайские экономисты видят причины недостаточно эффективной торговли и во внутренних причинах. Это:

1. Нерациональная товарная структура экспорта-импорта. Низок удельный вес высокотехнологической продукции, и он становится еще ниже.

2. Низкий уровень управления внешнеторговыми предприятиями провинции, предоставление права на ВТД предприятиям, не имеющим о ней необходимых представлений.

3. Отсутствие эффективного контроля качества экспортных товаров.

4. Отсутствие эффективного контроля внешнеторговых расчетов.

Все это повлияло на отношение российских потребителей к китайским товарам. Китайские экономисты считают, что надо расширять работу на российском рынке, осваивать новые рынки – технологий, финансов, музыкальных инструментов, товаров изобразительного искусства, спортивных, медицинских и других, учреждать производственные предприятия в России, в т.ч. по освоению природных ресурсов – леса и полезных ископаемых.

Необходимость развития межрегионального сотрудничества обусловлена процессами мировой конкуренции за ресурсы. В обстановке постепенного уменьшения мировых природных ресурсов природные ресурсы Дальнего Востока становятся все более ценными. Поэтому страны ЮВА из-за ограниченности своих природных ресурсов и энергоносителей определили окончательное направление своих инвестиций на Дальний Восток, несмотря на слабость инвестиционной сферы в России, и китайская сторона должна активно включиться в это соревнование. Поэтому провинция Хэйлунцзян должна стратегически определять планы своего инвестиционного сотрудничества с Дальним Востоком⁴ и значение этого сотрудничества для Китая, как экономическое, так и политическое.

Другая провинция, заинтересованная в развитии российско-китайских связей – Цзилин, торговый оборот которой с Россией составляет по объему примерно треть оборота Иркутской области с Китаем, т.е. около 40 млн дол. в год. Данные показывают, что в торгово-экономическом сотрудничестве провинции Цзилин с Россией наметилась тенденция к спаду.

Факторы, обусловившие в конце 1990-х гг. спад торговли провинции Цзилин с Россией⁵:

1. Неустоявшаяся система расчетов. Нормальная система расчетов до сих пор не установлена. Для перечисления даже небольших сумм нужно открывать аккредитив в далекой Америке, что очень неудобно для обеих сторон.

2. Снижение эффективности местной приграничной торговли. Цены на средства производства в России поднялись и теперь едва ли не превышают цены на мировом рынке. В силу того что в Китае проводится политика урегулирования экономики, масштабы капитального строительства сокращены, соответственно и спрос на российские средства производства уменьшился. Кроме того, понижилась цена на отечественные средства производства, и разница в ценах стала невелика. Сравнительная выгода уменьшилась, и осуществлять местную приграничную торговлю стало сложно. Так как в Китае проводится политика параллельных курсов и таможенная реформа, а также действует система квотирования и лицензирования, то прежние возможности использования льгот местной приграничной торговли практически свелись на нет. Эффективность местной приграничной торговли снизилась, а ее развитие стало ограниченным.

3. Уменьшение российского экспорта. В последние годы основными товарами, импортируемыми из России в провинцию Цзилин, были

сталь, лес, удобрения, механизмы, химическая продукция, цветные металлы, цемент, целлюлоза и т.п. Снижение сырьевого производства после 1994 г. в России серьезно повлияло на ее экспортные возможности, были приняты меры по ограничению экспорта сырья, что принесло определенные трудности для импорта провинции Цзилин.

4. Долги обеих сторон. На настоящий момент задолженности обеих сторон по оплате бартерных товаров очень серьезны. В некоторых случаях долги превышают десятки миллионов долларов. После распада Советского Союза в России произошла денационализация, бывшие государственные предприятия преобразовались в акционерные общества, смешанные и частные фирмы. Перемены в производственных структурах и личном составе были очень велики. Не записанные на счет бартерные долги некоторых российских компаний китайской стороне трудно возместить, вплоть до того, что они превратились в «висящие» и «мертвые» счета. Некоторые компании прекратили коммерческие отношения с Россией из-за российских долгов. Есть случаи, когда китайская сторона была должна российской. Долги обеих сторон влияют на развитие торгово-экономического сотрудничества между ними.

5. Усиление конкуренции на российском рынке. В последние годы в России в области торгово-экономического сотрудничества практикуется всесторонняя открытость. Западные развитые страны, используя свои передовые технологии и высококачественные товары, одна за другой проникают на российский рынок. На российском дальневосточном рынке уже сложилась конкурентная среда из таких стран, как Америка, Япония, Корея, Китай, Сингапур, Индия, Тайвань и т.д. Конкурентоспособность китайских товаров пока еще не велика, что создает трудности для экспорта их в Россию.

6. Неудобства для бизнесменов, направляющихся в Россию, связанные с новыми методами контроля за въездом. В России действует общепринятая паспортно-визовая система и система лицензирования рабочей силы, что осложняет пересечение границы китайскими деловыми людьми и оказывает прямое влияние на проведение в России деловых операций коммерсантами провинции. Оформление вывоза рабочей силы в Россию также проблематично. По российским правилам для заимствования рабочей силы помимо разрешения административных органов пограничных районов необходимо еще получить разрешение иммиграционной службы и уплатить немалую пошлину. В частности, согласно Указу Президента Российской Федерации «О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы» (1993 г.) за выдачу разрешений на использование труда иностранцев с работодателей взи-

мается плата за каждого привлекаемого иностранного работника в размере минимальной месячной оплаты труда.

По мнению китайцев, оформление приглашений, виз, паспортов, печатей, регистрации пребывания требует больших расходов. Проживание и питание в России плохие и дорогие. По новому методу контроля за въездом нужно выполнять слишком много формальностей. Это трата времени в ущерб делам, что приносит бизнесменам, направляющимся в Россию, множество неудобств. Увеличение официальных препон и формальностей привело к уменьшению легальной и соответственно росту нелегальной миграции.

Здесь же отметим, что определенным препятствием к развитию взаимовыгодных связей существует предубеждение, что китайские рабочие занимают рабочие места, на которых могли бы работать российские работники.

По данным миграционной службы Иркутской области 1999 г. 42,5% всех зарегистрированных китайцев заняты в сельском хозяйстве области, 31,4% занимаются коммерческой деятельностью, 21,4% – строительством. Кроме названных отраслей, труд китайцев используется в промышленности, торговле, лесном и жилищно-коммунальном хозяйстве и в других отраслях экономики региона. Российские исследователи отмечают, что все-таки труд иностранной рабочей силы используется чаще всего там, куда не идут местные работники, а также иностранная рабочая сила несет новые навыки и умения⁶. Например, в Приморье китайцы стали выращивать арбузы, производство которых русские жители так и не смогли освоить. По словам местных специалистов, в сельском хозяйстве в ближайшее время может произойти четкое разделение труда. Русские крестьяне выращивают пшеницу и рожь, морковь, свеклу, лук, капусту – традиционные культуры, корейцы – помидоры и огурцы, китайцы – бахчевые, а в перспективе рис и сою⁷. Многие колхозы и фермеры Приморья сдавали в аренду пустующие участки китайцам или нанимали китайцев, которые, как отмечалось в публикациях, оказались намного более организованными, профессиональными, дисциплинированными и в то же время неприхотливыми работниками, чем российские. Эффективность применения их труда, особенно с учетом использования ими традиционных технологий, наиболее приспособленных к природным условиям региона, была значительно выше местных работников. Здесь же отмечено, что местные жители при высочайшем уровне безработицы предпочитали оставаться не у дел, но не трудиться на земле⁸.

В Иркутской области с 1992 по 1997 г. при активном участии китайских овощеводов и при содействии таких организаций, как Цзилин-

ское сельскохозяйственное объединение по внешнему технико-экономическому сотрудничеству КНР, Торговый центр материальных ресурсов провинции Хэйлуцзянь, Хэйлуцзяньский институт модернизации сельского хозяйства при Академии наук КНР, было выращено свыше 33 тыс. тонн овощей. Привлекаются китайские специалисты и рабочие для строительства теплиц как в фермерских, так и коллективных хозяйствах Иркутской области.

7. Непрочная торгово-экономическая система. Российско-китайская торгово-экономическая система не является достаточно прочной, в некоторых отношениях торгово-экономическая деятельность не нормализована. Что касается местной приграничной торговли, у обеих сторон нет единого торгового арбитражного органа. Разногласия по торговле решаются с трудом, что влияет на нормальное развитие местной приграничной торговли. Между сторонами еще не установлена надежная система банковских расчетов. В настоящее время торговля в основном опирается на наличный расчет. Кроме того, отсутствует система страхования. Внешние предприятия отличаются слабой способностью брать на себя риски.

8. Малый экспорт товаров местных известных марок. Для торговли не хватает местных промышленных товаров. Многие товары идут на экспорт из внутренних провинций. Отсутствует стабильная основа для сотрудничества.

9. Плохие условия транспортировки и связи. Провинцию Цзилин с Россией соединяет только одна автомобильная дорога погранперехода Хуньчунь. Железная дорога находится в процессе строительства. Пока железнодорожный погранпереход не открыт, транспортных возможностей не хватает, условия транспортировки довольно плохие. В провинции мало грузовых автомобилей для пересечения границы, не хватает машин-рефрижераторов и машин для перевозки овощей и фруктов. Часто используются российские транспортные средства.

10. Высокие налоги и сборы при вложении капитала в России. Хотя по закону «Об иностранных инвестициях» предприятия с иностранным капиталом и пользуются некоторыми льготами, но по ходу деятельности эти льготы постоянно меняются и скрадываются непомерными налогами и сборами. На все налоги и сборы уходит до 80% доходов, что неприемлемо для китайских инвесторов.

11. Ограничение использования иностранной рабочей силы на Дальнем Востоке России. Дефицит рабочей силы на российском Дальнем Востоке составляет более миллиона человек. Однако, несмотря на большую потребность в рабочей силе, из-за боязни утратить контроль, даль-

невосточной администрацией ограничивается использование иностранной рабочей силы.

До сих пор мы выделяли причины, сдерживающие развитие торговых связей, как они представляются, прежде всего, китайской стороне. Анализ показывает, что российские и китайские специалисты во многом одинаково видят причины, затрудняющие развитие российско-китайских торговых связей.

В целом можно выделить следующие причины, сдерживающие развитие взаимовыгодного сотрудничества:

1. Общий низкий уровень торгово-экономических отношений двух стран. В 1999 г. общая сумма взаимного экспорта и импорта Китая и России в сумме торгового оборота занимали 1,6 и 5,7% соответственно. Основой торгово-экономических отношений была товарная торговля несложными изделиями. Товаров с высокой добавочной стоимостью было очень мало. Низок был уровень производственного и научно-технического сотрудничества. Еще меньше было взаимного инвестирования. Так, например, в течение пяти лет с 1993 по 1997 г. российские инвестиции составили 0,1% от общей суммы прямых внешних инвестиций в Китай. К концу 1996 г. инвестиции Китая в Россию не достигли и 200 млн дол.

2. Низкая степень диверсификации товарной структуры двусторонней торговли. Основными статьями российского экспорта являются черные и цветные металлы, химические удобрения и машинно-техническая продукция. Согласно нашему анализу, основное изменение в структуре российско-китайской торговли в период с 1991 по 2000 г. произошло в сторону увеличения доли сырья и полуфабрикатов при одновременном сокращении удельного веса машинно-технической продукции в российском экспорте. В середине 90-х гг. российский экспорт почти на 90% был представлен сырьевыми товарами. Черные металлы и химические удобрения составили 2/3 общего вывоза России в КНР⁹. Импорт из Китая составляют главным образом промышленные потребительские товары и продовольствие.

3. Нестабильность торговли. Товарооборот России и Китая в последние 10 лет то повышался до 1993 г., то опять упал в 1994 г., затем опять рос до 1996 г., затем с 1997 г. началось новое снижение. В 1999–2000 гг. наблюдалось небольшое повышение. Вышеописанная ситуация вызвала озабоченность у руководства обеих стран. Неоднократно сторонами выдвигалась цель: повысить торговый оборот двух стран до 20 млрд дол. к 2000 г. Но до реализации этой цели еще слишком далеко.

4. Отсутствие норм. После восьмилетнего развития механизм российско-китайских торгово-экономических отношений до сих пор нормативно не обеспечен в соответствии с требованиями международного права. Так, например, до сих пор не решены проблемы в механизме банковских расчетов, системе арбитража и страховании экспортного кредитования. Это препятствует нормализации торгово-экономических отношений двух стран, их стабилизации и последовательному развитию.

С точки зрения будущего, нынешняя нестабильность российско-китайских экономических отношений, возможно, влияет на развитие политических отношений двух стран. Это нарушает баланс между российско-китайскими торгово-экономическими и политическими отношениями. Низкий уровень торгово-экономических отношений не соответствует существующему равенству, доверию и стратегии партнерских отношений в XXI в. Если такая ситуация будет продолжать развиваться, то это ослабит развитие российско-китайских политических отношений.

В области инвестиционного сотрудничества китайские инвесторы считают, что главной проблемой является отсутствие в России достаточно понятных, корректных, стабильных «правил игры», т.е. законодательной базы, регулирующей инвестиционную деятельность. Основу национального законодательства об иностранных инвестициях составляют правовые гарантии, непосредственно влияющие на международный инвестиционный процесс. Цель таких гарантий – обеспечение взаимных интересов принимающих стран и иностранных инвесторов. Другими словами, иностранная частная собственность – инвестиции – как бы приравниваются по правовому положению к частной собственности отечественных инвесторов.

Однако для взаимовыгодных отношений этого недостаточно. Иностранным инвесторам приходится нести дополнительные расходы на транспорт, связь и многое другое, поэтому национальное законодательство принимающих стран предусматривает предоставление иностранным инвесторам льгот и привилегий (в отношении налогообложения, таможенных пошлин и др.).

В настоящее время основным законодательным актом, регулирующим деятельность по иностранному инвестированию в России, является Закон РФ от 4 июля 1991 г. «Об иностранных инвестициях в РСФСР». Статья 6 Закона указывает, что иностранные инвестиции на территории РФ пользуются полной правовой защитой, а статья 7 декларирует гарантии от принудительных изъятий. Согласно закону, иностранные инвестиции не подлежат национализации, реквизиции или

конфискации, кроме как в исключительных, предусмотренных законодательством случаях. При этом иностранные инвесторы имеют право на возмещение возникающих убытков. Налоги инвесторы платят в соответствии с законами РФ.

Предусмотрены некоторые льготы совместным предприятиям с иностранными инвестициями – право без лицензии экспортировать продукцию и импортировать товары для собственных нужд, оставлять валютную выручку полностью в своем распоряжении. До недавнего времени большая проблема было связана с взиманием таможенных пошлин и налогов с иностранных фирм, которые практически не имели никаких преимуществ перед российскими инвесторами. Поэтому зарубежные партнеры вынуждены были уменьшать размеры своих инвестиционных программ на величину взимаемых пошлин и налогов. Указом Президента РФ «О дополнительных мерах по привлечению иностранных инвестиций в отрасли материального производства РФ» в качестве таких мер установлено снижение в 2 раза таможенных пошлин на ввоз иностранных товаров, если ввозящие их иностранные компании являются учредителями предприятий по производству аналогичных товаров и осуществляют прямые капиталовложения в отрасли материального производства РФ. То же относится к налогообложению компаний с долей иностранного капитала более 30% (или не менее 10 млн дол.), оно приравнено фактически к налогообложению малых предприятий; инвесторы освобождены от таможенных пошлин, НДС и акцизов при поставке оборудования для действующих предприятий и при вкладе их в уставной капитал.

Но все равно законодательная база, регулирующая иностранные инвестиции, не разработана. Так, все бизнесмены мира ведут свое дело на основе законов, в России же им приходится руководствоваться указами, распоряжениями, постановлениями и другими нормативными документами, которые постоянно меняются, дополняются, уточняются, разъясняются, что затрудняет реализацию любых экономических проектов.

Проблемой для китайских инвесторов в России являются также противоречия между федеральными и региональными законодательными актами, а также их частая смена. Так, с 1993 г., когда Россия отменила льготную политику для иностранных предпринимателей и предприятия с иностранными инвестициями стали уплачивать такие же налоги, как и российские, резко снизилось число инофирм, в т.ч. китайских, работающих в России. Подписание в 1996 г. «Закона о соглашении о разделе продукции» вновь оживило интерес иностранных инвесторов.

Существуют также проблемы, связанные с наличием предубеждения в российских кругах о китайской опасности – заселении российских земель китайцами, недоверием, которое приходится преодолевать китайским бизнесменам. Тем не менее, есть достаточно успешные примеры деятельности китайских предприятий в России. Например, это предприятие «Хуафу» под руководством Хэ Вэньяня в г. Благовещенске. Это предприятие начало работать по подряду о строительстве в начале трех объектов – больницы, драмтеатра и гостиницы. Отношение со стороны населения города вначале было очень настороженное. Затем была получена строительная лицензия, за 1996–2000 гг. построено жилья и других объектов общей площадью около 60 тыс. кв. м. Сейчас это объединение продвинулось в Москву и в 2001–2003 гг. планирует построить дачный поселок, жилые многоэтажные дома, торгово-ярмарочный центр. За 10-летний период объединение получило признание в России, а также осуществило благотворительные взносы для развития своей деревни Синцзянь в Китае – 700 тыс. юаней (около 9 тыс. дол.) и 600 тыс. юаней (около 6 тыс. дол.) на развитие г. Хэйхэ¹⁰.

Указанные китайские провинции предполагают развитие торгово-экономического сотрудничества с Россией. Положительные перспективы развития сотрудничества, по мнению китайских авторов, обусловлены:

1. Политическими факторами – последними визитами китайского руководства в Россию и российского президента в Шанхай.
2. Упорядочиванием и урегулированием российско-китайской торгово-экономической политики в России.
3. Усилением внимания в России к развитию восточных территорий. В разработанных в России «Специальных федеральных тезисах о социальном и экономическом развитии Дальнего Востока и Забайкалья в 1996–2005 гг.» северо-восток Китая определен в них как основной партнер по торгово-экономическому сотрудничеству с Дальним Востоком.

В тезисах говорится, что до 2000 г. в регионах Дальнего Востока и Забайкалья, пограничных с такими городами, как Хэйхэ, Суйфэньхэ, Хуньчунь, Маньчжурия, нужно создать зоны развития, зоны экономического сотрудничества, складские зоны, а также построить мост через реку Амур, соединяющий Благовещенск и Хэйхэ, проложить северо-восточную азиатскую железную дорогу между Хуньчуном и Зарубино, создать зоны промышленного развития и складские зоны передового мирового уровня в Маньчжурии и Забайкальске, вновь разработать проект развития зон

экономического сотрудничества г. Хэйхэ и г. Благовещенска. Вышеописанные меры непременно должны послужить стимулом для дальнейшего развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества в целом и для укрепления торгово-экономического сотрудничества провинции Цзилин с Россией в частности.

Со своей стороны, китайские провинции, в частности Цзилин, принимают активные меры для развития торгово-экономического сотрудничества с Россией. Основным направлением сотрудничества Цзилин определила Дальний Восток в силу близости географического положения, наличия автодорожного погранперехода Хуньчунь с исключительно благоприятными природными условиями. После завершения строительства железной дороги между Хуньчуном и Зарубино будет открыт железнодорожный погранпереход, что значительно улучшит условия транспортировки грузов. Поскольку там расстояние транспортировки сравнительно небольшое, себестоимость и затраты – низкие, это преимущество, которыми не обладает ни одна другая страна, и которое будет неизменным при любых обстоятельствах. Основываясь на географических преимуществах, провинция Цзилин в первую очередь предполагает укреплять торгово-экономическое сотрудничество с приморскими пограничными зонами России, особенно с Владивостоком и Находкой, внедряться в другие дальневосточные и внутренние регионы.

Примечания

¹ Тарасов А. Забайкалье и Китай: брак по расчету. Региональный акцент политики Китая в отношении России // faridka@mail.ru

² Внешнеторговый оборот России в янв.–марте 1996 г. // БИКИ. 1996. № 6. С. 45–48.

³ Ванг Жевей, Чэн Ли, Мао Чанши. Влияние торговли между провинцией Хэйлунцзян и Россией: неблагоприятные факторы и контрмеры // *Journal of Heilongjiang Institute of commerce*. 2000. Vol. 17, № 1. Mar. P. 58–59 (пер. с китайского).

⁴ Ли Жун. Вопросы инвестиций в Дальний Восток России стран Северо-Восточной Азии // *Исследование Сибири. (SIBERIAN STUDIES)* Институт общественных наук провинции Хэйлунцзян. Харбин, 2000. Т. 27, № 6. P. 21–26 (пер. с китайского).

⁵ Шидай. Анализ торгово-экономического сотрудничества провинции Цзилин с Россией // *Исследование Сибири. Харбин. № 4 (151), 1999. 25 авг. С. 9–15* (пер. с китайского).

⁶ Ягодкина В.М. Трудовая иммиграция в Иркутской области // Сайт БГУЭП.

⁷ Калачинский А. Россия китайцам не нужна // «Новые известия». Статья в Интернет.

⁸ Ларин В. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // *Диапо-ры*. 2001. № 2–3.

⁹ Проблемы российских экспортеров на китайском рынке // *Коринф*. 1999. № 35. С. 3.

¹⁰ Сункуй, Цай Си Го. Вместе пьют воду из одной реки. Хэ Вэньан и его строительное объединение // *Исследование Сибири*. 2001. № 1. Февраль. С. 54–56 (пер. с китайского).

Раздел 2

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В.С. Третьяков

Иркутский государственный университет

Российско-китайские экономические связи Байкальского и Дальневосточного регионов: сравнительный аспект

В совокупности Байкальский и Дальневосточный регионы¹ играют важную роль в российско-китайских экономических отношениях. Так, за анализируемый период времени (1998–2000 гг.) эти регионы обеспечивали в среднем более 30% торгового оборота между двумя странами², примерно 33% российского экспорта в КНР и 23% импорта из этой страны. Существенную роль играют рассматриваемые регионы и в развитии совместной предпринимательской деятельности, за три года на них приходилось в среднем более 27% всех предприятий с участием китайского капитала, зарегистрированных на территории Российской Федерации (табл. 1).

Роль отдельно взятого региона в торговых отношениях России и Китая также довольно значительна (табл. 2). Так, удельный вес Бай-

Т а б л и ц а 1

**Байкальский и Дальневосточный регионы в экономических отношениях
России с Китаем**

Год	Доля регионов в экспорте РФ в КНР, %	Доля регионов в импорте РФ из КНР, %	Доля регионов в торговле РФ с КНР, %	Доля регионов в количестве совместных предприятий, %
1998	36,70	24,69	33,48	25,25
1999	25,14	23,55	24,82	29,67
2000	36,86	20,53	34,35	26,92

Примечание. Рассчитано по данным комитетов государственной статистики соответствующих регионов и сборнику «Регионы России», 2001 г.

кальского региона в торговом обороте между странами за три года составил в среднем 14,5%³, в экспорте – 15,7%, в импорте – 8,8%, а доля Дальневосточного региона в тех же показателях составила 16,4, 17,2 и 14,2% соответственно. С этой точки зрения в российско-китайской торговле Дальневосточный регион играет чуть более значимую роль.

Т а б л и ц а 2

**Байкальский и Дальневосточный регионы в торговых отношениях
России с Китаем**

Регионы	Доля региона в экспорте РФ в КНР, %	Доля региона в импорте РФ из КНР, %	Доля региона в ВТО РФ с КНР, %
	1998 г.		
Байкальский	10,72	10,53	10,67
Дальневосточный	25,98	14,16	22,81
	1999 г.		
Байкальский	15,67	9,22	14,36
Дальневосточный	9,47	14,33	10,45
	2000 г.		
Байкальский	20,58	6,50	18,42
Дальневосточный	16,28	14,03	15,94

Примечание. Рассчитано по данным комитетов государственной статистики соответствующих регионов и сборнику «Регионы России», 2001 г.

Оба региона за рассматриваемый период времени имеют с Китаем положительное сальдо торгового баланса (табл. 3). За 1998–2000 гг. доля экспорта в торговом обороте между регионами и КНР увеличилась с 73,6 до 94,6% у Байкальского и с 83,4 до 86,5%⁴ у Дальневосточного. Объемы экспорта, значительно превышающие объемы импорта, говорят о том, что в торговых отношениях с Китаем анализируемые регионы выступают в первую очередь как экспортеры. Таким образом, именно изменение объемов экспорта оказывает наибольшее влияние на размер торгового оборота (рис. 1), который в свою очередь определяет место региона в торговле с КНР.

Так, в 1998 г. из двух рассматриваемых регионов ведущим торговым партнером Китая был Дальневосточный регион, лидируя при этом не только по объемам экспорта, но и по объемам импорта (табл. 3).

Однако в 1999 г. экспорт Дальневосточного региона в Китай по сравнению с 1998 г. сократился почти в 2,5 раза⁵, а внешнеторговый оборот с этой страной упал более чем в 2 раза, в то время как аналогичные

Рис. 1. Динамика показателей внешней торговли Байкальского и Дальневосточного регионов с Китаем

Таблица 3
Показатели внешнеторговой деятельности Байкальского и Дальневосточного регионов с Китаем

Регион	Внешне-торговый оборот с КНР, млн дол.	Экспорт в КНР, млн дол.	Импорт в КНР, млн дол.	Сальдо, млн дол.
1998 г.				
Байкальский	461,91	339,77	122,14	217,64
Дальневосточный	987,46	823,22	164,24	658,98
1999 г.				
Байкальский	635,07	552,65	82,43	470,22
Дальневосточный	462,11	334,03	128,09	205,94
2000 г.				
Байкальский	1138,43	1076,77	61,65	1015,12
Дальневосточный	984,95	851,99	132,96	719,03
За 1998–2000 гг.				
Байкальский	2235,41	1969,19	266,22	1702,98
Дальневосточный	2434,52	2009,24	425,29	1583,95

Примечание. Источники: данные комитетов государственной статистики соответствующих регионов.

Т а б л и ц а 4

**Показатели инвестиционной и совместной предпринимательской деятельности
Байкальского и Дальневосточного регионов с Китаем**

Регион	Инвестиции		Кол-во совместных предприятий (СП)	Доля в СП РФ с КНР, %
	тыс. дол.	тыс. руб.		
	1998 г.			
Байкальский	0,00	0,00	40	5,61
Дальневосточный	78,70	109,50	140	19,64
	1999 г.			
Байкальский	3,00	290,00	30	4,71
Дальневосточный	738,20	82,90	159	24,96
	2000 г.			
Байкальский	271,70	0,00	34	3,52
Дальневосточный	1614,20	1602,20	226	23,40

Примечание. Источники: данные комитетов государственной статистики соответствующих регионов.

показатели Байкальского региона увеличились в 1,6 и 1,4 раза соответственно. В результате таких скачков Байкальский регион вышел на первое место по объемам экспорта и торгового оборота и стал ведущим из двух регионов торговым партнером Китая. В 2000 г. позиции регионов в этом отношении не изменились (см. табл. 3).

Таким образом, с 1999 г. по объемам торговли с КНР Байкальский регион выступает в качестве ведущего внешнеторгового партнера и экспортера, а Дальневосточный – в качестве ведущего импортера.

Что касается инвестиционной и совместной предпринимательской деятельности регионов с Китаем, то в этом отношении роль лидера принадлежит Дальневосточному региону (табл. 4).

Инвестиции из Китая поступают в регионы главным образом в форме прямых вложений и кредитов⁶, как в иностранной валюте, так и в рублях. Основными получателями инвестиций Байкальского региона являются Иркутская и Читинская области, а Дальневосточного региона – Приморский край и Амурская область. Однако, несмотря на очевидный рост объемов китайских инвестиций, их уровень на фоне общего объема иностранных вложений, поступающих в регионы, остается крайне низким. В особенности это характерно для Байкальского региона.

Значительно отстает Байкальский регион и в сфере создания с Китаем совместных предприятий. С 1998 по 2000 г. количество предпри-

Т а б л и ц а 5

Доля Китая во внешней торговле Байкальского и Дальневосточного регионов

Регион	Доля КНР в совокупном ВТО региона, %	Доля КНР в совокупном экспорте региона, %	Доля КНР в совокупном импорте региона, %
	1998 г.		
Байкальский	14,9	14,7	15,3
Дальневосточный	45,2	56,6	22,5
	1999 г.		
Байкальский	21,4	22,9	14,7
Дальневосточный	31,3	34,0	25,8
	2000 г.		
Байкальский	30,0	34,1	9,8
Дальневосточный	40,2	43,1	28,4

Примечание. Рассчитано по данным комитетов государственной статистики соответствующих регионов и сборнику «Регионы России», 2001 г.

ятий с участием китайского капитала в этом регионе, хотя и незначительно, но сократилось, в то время как на территории Дальневосточного региона за тот же период времени их количество увеличилось более чем в 1,6 раза. Довольно существенно выглядит Дальневосточный регион и на уровне России в целом, в 2000 г. на него приходилось 23,4% всех российско-китайских предприятий, зарегистрированных на территории РФ.

Во внешнеторговых связях рассматриваемых регионов Китай играет важную роль. Так, например, в 2000 г. его удельный вес в совокупном объеме внешней торговли Байкальского региона составил 30,0%, а Дальневосточного – 40,2% (табл. 5).

Более того, Китай является для регионов крупным внешним рынком сбыта – в 2000 г. 34,1% всего экспорта Байкальского региона и 43,1% Дальневосточного региона. И хотя доля Китая в экспорте Дальневосточного региона по сравнению с 1998 г. снизилась, но именно экспорт в эту страну для него более важен. Структура экспорта регионов представлена в табл. 6.

В целом за три года основу экспорта Байкальского региона составляли сырьевые товары и продукты их первичной переработки – продукция лесного комплекса, металлургии и химической промышленности. Экспорт Дальневосточного региона за тот же период времени был

Таблица 6

**Товарная структура экспорта Байкальского и Дальневосточного регионов⁷
в Китай, %**

Товарная позиция	Байкальский регион	Дальне- восточный регион
1998 г.		
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	50,2	4,8
Черные и цветные металлы и изделия из них	7,8	26,4
Минеральные продукты, топливо, нефть и нефтепродукты	8,5	4,0
Продукция химической промышленности, каучук	8,8	0,0
Пластмассы и изделия из них	15,9	0,0
Продовольственные товары и с/х сырье	0,1	1,5
Кожсырье	0,5	0,0
Электроэнергия	0,0	0,1
Машины, оборудование и транспортные средства	1,0	25,0
1999 г.		
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	49,3	31,9
Черные и цветные металлы и изделия из них	16,6	7,9
Минеральные продукты, топливо, нефть и нефтепродукты	5,2	14,3
Продукция химической промышленности, каучук	5,0	0,0
Пластмассы и изделия из них	16,5	0,1
Удобрения	0,0	0,4
Продовольственные товары и с/х сырье	0,1	0,4
Электроэнергия	0,0	1,5
Машины, оборудование и транспортные средства	3,2	31,7
2000 г.		
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	36,8	17,3
Черные и цветные металлы и изделия из них	21,2	2,9
Минеральные продукты, топливо, нефть и нефтепродукты	0,8	0,0
Продукция химической промышленности, каучук	4,6	0,0
Пластмассы и изделия из них	11,8	0,0
Продовольственные товары и с/х сырье	0,0	1,3
Кожсырье	0,1	0,0
Электроэнергия	0,0	0,2
Машины, оборудование и транспортные средства	22,8	69,3

Примечание. Рассчитано по данным комитетов государственной статистики соответствующих регионов.

Т а б л и ц а 7

**Товарная структура импорта Байкальского и Дальневосточного регионов^а
из Китая, %**

Товарная позиция	Байкальский регион	Дальне- восточный регион
1999		
Минеральные продукты, топливо, нефть и нефтепродукты	37,9	1,8
Продукция химической промышленности, каучук	1,1	4,5
Сырье для алюминиевой промышленности	20,4	0,0
Черные и цветные металлы и изделия из них	0,2	0,0
Пластмассы и изделия из них	0,0	0,6
Продовольственные товары и с/х сырье	14,7	61,7
Товары народного потребления	4,2	0,0
Машины, оборудование и транспортные средства	10,7	4,2
2000		
Минеральные продукты, топливо, нефть и нефтепродукты	36,0	0,0
Продукция химической промышленности, каучук	10,7	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,0	0,7
Сырье для алюминиевой промышленности	5,2	0,0
Черные и цветные металлы и изделия из них	0,2	0,0
Пластмассы и изделия из них	0,0	10,1
Продовольственные товары и с/х сырье	14,9	48,2
Товары народного потребления	5,5	1,0
Трикотажное полотно	0,0	5,1
Машины, оборудование и транспортные средства	8,0	8,2

Примечание. Рассчитано по данным Комитетов государственной статистики соответствующих регионов.

представлен главным образом продукцией машиностроения, лесного комплекса и металлургии.

С 1998 по 2000 г. в структуре экспорта регионов произошли существенные изменения. Так, за рассматриваемый период времени в экспорте Байкальского региона доля продукции машиностроения увеличилась с 1,0 до 22,8%, а в экспорте Дальневосточного – с 25,0 до 69,1%. Доля же сырьевых товаров, в особенности леса, топлива и нефтепродуктов, а у Дальневосточного региона также черных и цветных металлов, значительно сократилась. Удельный вес продукции металлургической промышленности в структуре экспорта Байкальского региона наоборот увеличился – с 7,8 до 21,2%.

Т а б л и ц а 8

Доля Китая во внешней торговле Байкальского и Дальневосточного регионов

Регион	Доля Китая в совокупном ВТО региона	Доля Китая в совокупном экспорте региона	Доля Китая в совокупном импорте региона
1998 г.			
Байкальский	6,17	9,08	3,27
Дальневосточный	13,39	22,33	4,46
1999 г.			
Байкальский	6,80	11,83	1,76
Дальневосточный	4,91	7,10	2,72
2000 г.			
Байкальский	9,96	18,84	1,08
Дальневосточный	8,56	14,81	2,31

Примечание. Рассчитано по данным комитетов государственной статистики соответствующих регионов и сборнику «Регионы России», 2001 г.

Значительное увеличение доли товаров с высокой добавленной стоимостью (продукции машиностроения) в экспорте регионов говорит об улучшении его структуры. В тоже время, структура экспорта Байкальского региона в сравнении с Дальневосточным регионом выглядит менее рациональной, так как доля сырьевых товаров остается по-прежнему высокой (около 80%). Товарная структура импорта представлена в табл. 7.

Примечания

¹ Байкальский регион представляют Иркутская область, Читинская область и Республика Бурятия. Дальневосточный регион представляют Приморский край, Хабаровский край и Амурская область.

² Здесь и далее рассчитано по табл. 1.

³ Здесь и далее рассчитано по табл. 2.

⁴ Рассчитано по табл. 3.

⁵ Здесь и далее рассчитано по табл. 2.

⁶ По данным комитетов государственной статистики соответствующих регионов.

⁷ Без учета Приморского края.

⁸ Без учета Приморского края.

А.Ю. Быков, О.В. Боронин

Алтайский государственный университет

Новое пограничье России: угрозы или преференции? (на примере Алтайского края)

Определение алтайского участка административной границы с Казахстаном проводилось в периоды 1917–1920-х и 1950–1960-х гг. Кстати, на советских картах 1932 г. не была обозначена граница между Казахской АССР и Западносибирскими областями и Алтайским краем. Формально при этом принималось во внимание желание местных жителей и этнический состав населения. Реально же процесс административного деления происходил исходя, в первую очередь, из экономической целесообразности¹.

С ликвидацией Советского Союза остро встал вопрос не просто об административном делении, а о четком межгосударственном разграничении новых независимых государств². Трудность демаркации границы по алтайскому участку определяется тем, что естественных рубежей, таких как реки, овраги или горные хребты, на степных участках границы нет.

Вопросы темпов проведения демаркации и делимитации на федеральном и региональном уровне имеют сторонников как идей «ускорения», так и «торможения» этих процессов. К первым можно отнести представителей таможенной, пограничной, миграционной, санитарно-гигиенической служб, МВД и ряда других органов. Скрытыми противниками демаркации выступают преступные группировки, заинтересованные в «прозрачности» границ, позволяющей относительно безнаказанно заниматься контрабандой наркотиков, металлов, нефтепродуктов, провозом «транзитных нелегалов» и т.п. К явным противникам

ускорения разграничения в Российской Федерации относятся многие партии и общественные организации левого толка, выступающие за восстановление СССР и видящие в демаркации серьезную угрозу реализации своих идеологических установок. По этим же причинам против демаркации выступают представители русских общественных организаций Северного и Восточного Казахстана, особенно лидеры казахских объединений. Эти силы имеют серьезную поддержку в Государственной Думе РФ и отчасти в аппарате Правительства и Администрации Президента РФ, считающих ситуацию «неопределенности» стратегически более выгодной России, нежели Казахстану и являющейся таким образом одним из действенных рычагов давления на «назарбаевскую» администрацию.

Официальные структуры Республики Казахстан придерживаются мнения о необходимости скорейшей делимитации как фактора обретения «полной» государственной независимости (от России)³. С этой же целью, как заявил министр иностранных дел РК, Казахстан стоит на очереди вступления в НАТО. Но вместе с тем официальные казахстанские органы выступают против изменения режима границы и ее демаркации⁴.

Общая протяженность границы между Алтайским краем Российской Федерации и Восточно-казахстанской и Павлодарской областями Республики Казахстан составляет около 860 км. В настоящее время в приграничной зоне с российской стороны расположено 5 таможенных постов, 6 автомобильных и 3 железнодорожных пункта пропуска. Правовой основой их существования является Протокол соглашения РФ и РК от 12 марта 1993 г. Правовой основой существования Алтайской таможни стало распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 1995 г. Новое соглашение между РФ и РК о пунктах пропуска через границу было подписано в 1998 г.

Правовой основой для существования границы является Конституция РФ, Федеральные законы «О государственной границе РФ» от 01.04.1993 г. № 4730-1 (в редакции от 19.07.1997 г. № 106-ФЗ), «О Пограничной службе РФ» от 04.05.2000 г. № 55-ФЗ, «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ» от 25.06.1993 г. № 5242-1, «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ и др. Несмотря на широкую правовую базу, реально проблема определения статуса российско-казахстанской границы сохраняется. Поэтому на местном уровне пытаются решить эти вопросы самостоятельно. Так, 18.12.1998 г. в г. Рубцовске был подписан Протокол о взаимодействии между УВД Алтайс-

кого края, УВД Восточно-казахстанской области и УВД Павлодарской области по вопросам дальнейшего укрепления сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью. В 1997 г. администрациями городов Рубцовска и Семипалатинска был подписан Договор о приграничном сотрудничестве⁵. В 1999 г. в край дважды приезжали официальные делегации Восточно-казахстанской области, дважды в 2000 г. и однажды в 2001 г. Последнее двустороннее совещание состоялось 15 июля 2002 г. в Усть-Каменогорске⁶.

Образовавшаяся пограничная зона включает 12 районов Алтайского края (с населением свыше 350 тыс. человек). Они граничат с Восточно-казахстанской и Павлодарской областями Республики Казахстан. Непосредственно в пограничной зоне оказалось 47 населенных пунктов Алтайского края.

Появление нового пограничья вызвало объяснимый интерес к этому феномену. В октябре 2000 г. по инициативе Федеральной Пограничной службы (ФПС) РФ был проведен социологический опрос среди 1000 респондентов методом анкетирования в 10 приграничных районах Алтайского края. Его целью являлось выяснение вопросов отношения местного населения к становлению российско-казахстанской границы. При ответе на ряд вопросов были получены весьма любопытные данные. На вопрос о том, какие организации принимают участие в пограничных делах, 85% респондентов ответили, что это муниципальные органы, а 8% – преступные группировки. Отвечая на вопрос о фактическом режиме российско-казахстанской границы на их участке, местные жители дали различные ответы. Наибольшее число опрошенных считало в тот момент границу полупрозрачной (61%). Открытой границу считали 37% респондентов, и лишь 2% считали ее закрытой. При этом 59% анкетированных считали, что российские пограничники удовлетворительно справляются со своими обязанностями, 6% – хорошо, но 30% дали отрицательную оценку (плохо). На аналогичный вопрос по отношению к деятельности казахстанских пограничных служб были получены еще более негативные оценки. Из числа респондентов считали, что казахстанские пограничники хорошо справляются с охраной границы 0,5% опрошенных, удовлетворительно – 32,2%, плохо – 52,3%. И несмотря на то, что из числа предложенных ФПС, МВД и таможенных органов в деле охраны границы 78% опрошенных более всего доверяли ФПС, 37% респондентов оценили работу российских пограничников на их участке по пятибалльной шкале как плохую («2»), 59% как удовлетворительную («3»), и лишь 4% на

хорошо («4»). Высший балл ни один из респондентов российским пограничникам за их работу не поставил.

В 2001–2002 гг. нами были проведены полевые исследования на территории приграничных районов Алтайского края с целью выявить основные проблемы «нового пограничья» на региональном уровне.

По сведениям, полученным в ходе опроса, проведенного ФПС, жители приграничных районов Алтайского края выделили и дифференцировали следующие для себя угрозы, обусловленные приграничным положением края: контрабанда (44%), преступная деятельность (27%), миграция из Казахстана и других стран СНГ (11%), порнобизнес (2%). Угрозы терроризма в тот период у жителей приграничной зоны не было зафиксировано. По нашим сведениям (2001–2002 гг.), на первое место из числа наиболее значимых проблем жители приграничных районов поставили проблему безработицы (66%), затем следуют материальные затруднения (58%), наркотрафик и наркомания (21%), распространение заболеваний (9%), миграционные процессы (8%), коррупция (7%), угроза войны России с другим государством (20%) и угроза терроризма (20%, но наш опрос проводился уже после начала операции американских войск в Афганистане). Таким образом, главные угрозы, по мнению жителей приграничных районов, обусловлены не их приграничным положением и статусом, на чем делают упор представители силовых структур, доказывая необходимость расширенного финансирования (против чего мы не возражаем), а общими социально-экономическими проблемами края. Показательно, что данные по приграничным районам коррелируют с результатами опроса респондентов в целом по краю, где на первом месте среди угроз оказалась безработица (67%), на втором – материальные трудности (63%), на третьем – наркотрафик и наркомания (22%).

Государственная граница на стыке Алтайского края Российской Федерации и Восточно-казахстанской и Павлодарской областей Республики Казахстан тянется преимущественно по степной, равнинной местности, лишь на некоторых участках она проходит через массивы ленточных боров и в незначительной мере пересекает лесную местность, один из участков пролегает по озеру. Фактическим обозначением границы на местности преимущественно являлись искусственные лесополосы, просеки и проселочные дороги.

На территории Алтайского края дислоцируется Барнаульский пограничный отряд Юго-Восточного пограничного округа ФПС РФ. Рядовой состав Барнаульского погранотряда составляют военнослужа-

щие, проходящие службу по контракту, преимущественно из числа жителей приграничных населенных пунктов. Режим охраны российско-казахстанской границы на Алтайском участке является достаточно «прозрачным». Реально пограничники контролируют лишь участки в районах пограничных переходов, кроме того, в каждом населенном пункте пограничной зоны постоянно находится один часовой границы (ЧГ), а вдоль линии границы периодически осуществляются автомобильные рейды. На линии границы отсутствуют какие-либо специальные фортификационно-технические и сигнальные сооружения на местности, например, контрольно-следовые полосы (КСП), системы звукового и светового предупреждения и оповещения. Исключение составляют несколько неглубоких рвов. Военно-техническое обеспечение Барнаульского погранотряда находится на низком уровне, – в достаточном количестве даже нет личного стрелкового оружия, у пограничников не хватает транспортных средств (так, на Кулундинской погранзаставе имеется единственный автомобиль марки «УАЗ», на Михайловской автомобилей нет вовсе).

Территории пограничных застав российских и казахстанских пограничников на алтайском участке не совпадают. Охрана границы с Российской Федерацией в Республике Казахстан в настоящее время находится на стадии организации. По неофициальным заявлениям пограничников, какое-либо их взаимодействие с погранвойсками Казахстана в деле совместной охраны и обеспечения режима границы фактически отсутствует⁷. Более того, по сведениям, появившимся в местной прессе, на территории Угловского района Алтайского края имел место случай перестрелки между российскими пограничниками и казахстанскими служащими таможенного поста «Байтанат»⁸. Что касается взаимодействия пограничников в деле охраны российско-казахстанской границы с представителями МВД РФ и российской таможни, то, по словам российских пограничников, такое взаимодействие существует и является эффективным. В то же время представители МВД подвергают сомнению эффективность своего взаимодействия с ФПС.

На тот факт, что взаимодействие с пограничниками дает положительные результаты только на автопереходах, указывают и представители алтайской таможни. По неофициальным заявлениям таможенников, ранее пограничники во время патрулирования границы время от времени задерживали автомобили с контрабандными грузами, но из-за отсутствия материального стимулирования в настоящее время они фактически отказались от подобного взаимодействия с таможней. Для пре-

сечения контрабандного автомобильного грузопотока через территорию в окрестностях некоторых приграничных населенных пунктов, вдоль границы, где подобные переходы наиболее интенсивны, прорывы рвы. Однако данная акция успеха не принесла, и рвы не стали препятствием для контрабандистов. Вместе с тем пограничники не без оснований обвиняют местные органы российского МВД в попустительстве и потворству контрабанде⁹.

Процедура прохождения таможенного досмотра даже на российских пунктах пропуска варьируется. Во многом в зависимости от этого находятся объем и состав грузопотока. Так, скоропортящиеся продукты из Средней Азии и Южного Казахстана проходят досмотр главным образом на Славгородской таможне, где режим несколько мягче, чем на Кулундинской, а ввоз автотранспортных средств в Россию преимущественно осуществляется через Кулундинский пункт пропуска и досмотра, поскольку здесь таможенный досмотр автомобилей и оформление соответствующих документов на автопереходе проводится достаточно оперативно – 20–30 мин, хотя допускается досмотр в течение 3 ч. По словам таможенников, в плане координации усилий по пресечению контрабанды имеет место определенное их взаимодействие с казахстанской таможней, однако полного доверия к казахстанским таможенникам у них нет.

Пограничное положение, безусловно, отражается на динамике криминогенной обстановки на территории приграничных районов Алтайского края. По словам официальных представителей МВД, в последние годы наблюдается рост преступлений, связанных с хранением, перевозом и распространением наркотиков (до 80% выявленных на территории Алтайского края наркотических веществ поступают в Россию через границу с Казахстаном); кроме того, постоянно растет число случаев краж и угона на сопредельную территорию Казахстана скота. В среднем по каждому приграничному району ежемесячно совершается пять преступлений, связанных с угоном скота в Казахстан. Раскрываемость подобного рода преступлений низка. По словам заместителя начальника Кулундинского РОВД В.Л. Тушкова, в сопредельном Щербактинском районе Павлодарской области Республики Казахстан отсутствуют колхозные стада и техника, а воровство с личных подворий гораздо более проблематично и рискованно для преступников. Местные жители приграничных поселков в личных беседах заявляли нам, что существует связь между преступниками в приграничных районах РК и РФ, причем они могут даже назвать (и называют) их имена. По

сведениям, озвученным в интервью телекомпании АТН начальником Барнаульского погранотряда И. Цветковым в 2001 г. задержано товаров на сумму 66 млн руб., что составило 54% от суммы всех задержанных грузов Юго-Восточного пограничного округа¹⁰.

Представители органов внутренних дел Казахстана высказывают претензии к россиянам, которые, пользуясь прозрачностью границ, совершают угоны скота и транспортных средств (особенно сельскохозяйственной техники) на территории Республики Казахстан и находят убежище в Алтайском крае. Более того, эта проблема обсуждалась на высшем уровне в Казахстане и с 1 сентября 2001 г. вступил в силу Указ Президента РК, согласно которому был запрещен вывоз всех автотранспортных средств и сельскохозяйственной техники с территории Республики Казахстан импортного производства. Этим к тому же были положены основания к предотвращению вывоза транспорта переселенцами. В июле 2002 г. Правительством Казахстана было принято постановление «О бессрочном запрете экспорта отдельных видов лесоматериала...»¹¹. Это тем более актуально, что часть пограничных лесов специально поджигалась местными преступными группами для того, чтобы получить разрешение на официальную разработку так называемых горельников. В дальнейшем лес отправлялся в Китай.

На криминогенную ситуацию в приграничных районах Алтайского края существенное влияние оказывает и изменение состава населения, связанное с оттоком представителей многочисленной немецкой диаспоры в Германию и вселением русскоязычного населения из Казахстана. В бывших «немецких» поселках после приезда иммигрантов из Казахстана и Киргизии резко увеличилось количество преступлений. В то же время въезд казахского населения на территорию приграничных районов криминогенной обстановки не ухудшил, кроме того, здесь жители с преступниками «разбираются сами» на основе норм обычного права. Представители правоохранительных органов вполне справедливо отмечают, что приграничное положение вызывает усиление мобильности населения, и многие из переселенцев рассматривают свое пребывание на территории приграничных районов как временное до переезда в другие населенные пункты РФ, в первую очередь в Барнаул и его пригороды.

Средствами улучшения криминогенной обстановки в приграничных районах могли бы служить такие мероприятия, как улучшение взаимодействия правоохранительных органов России и Казахстана. В противном случае, а пока сотрудничество дает незначительные результа-

ты, необходимо ужесточение режима границы. Начальник отделения участковых ОВД Кулундинского района Алтайского края предлагает прорыть ров на протяжении всего участка границы с Казахстаном, такую же мысль высказывали некоторые офицеры-пограничники. В качестве эксперимента к этому способу прибегли в Ключевском районе Алтайского края и на участке Кулундинской заставы близ с. Попасное. Однако должного эффекта эти меры не принесли.

Еще один способ предотвращения имущественных преступлений в приграничной зоне – самоорганизация местного населения с целью выполнения охранных функций. Первый подобный опыт в приграничных районах Алтайского края уже существует: в с. Новопокровка Кулундинского района в 2001 г. после неоднократных случаев угона скота на территорию Казахстана была создана добровольная дружина из числа местных мужчин, прошедших службу в рядах вооруженных сил. Возможным способом улучшения ситуации является оптимизация деятельности «силовых» органов и налаживание более тесной их координации на местном уровне. Определенные шаги в этом направлении в приграничных районах края делаются. Например, регулярно проводятся совещания представителей органов внутренних дел, пограничных войск и таможенного управления при прокурорах районов.

Основными экспортными статьями как легального, так и нелегального провоза товаров через границу являются уголь, лес и металл, основной статьей импорта являются фрукты и овощи. Кроме того, существует контрабанда наркотиков (большей частью транзитная, причем, по мнению представителей алтайской таможни, в последнее время ее поток возрос) и спирта из Казахстана. Причём представители таможенного управления заверяли нас, что контрабанда казахстанского спирта – это уже история, тем более что с 1 июля 2001 г. вступило в силу Постановление Правительства РК, которым ужесточался порядок вывоза спиртосодержащих продуктов из Казахстана. В то же время местные жители сообщали нам, что контрабанда спиртосодержащих продуктов из Казахстана, где они гораздо дешевле, продолжается до настоящего времени. В Славгородском и Табунском районах Алтайского края существует контрабандный вывоз в Казахстан с дальнейшим сбытом в Китай биологических ресурсов – эндемических рачков из местных горько-соленых озер, являющихся сырьем для парфюмерной промышленности и прекрасным кормом для птицы.

Существенным фактором, оказывающим воздействие на ситуацию в приграничных районах Алтайского края, является полиэтничный со-

став населения. Помимо численно преобладающих русских значительную часть населения составляют немцы, украинцы, а также казахи (каждая группа более 5%), татары, башкиры и белорусы (каждая группа более 2%). В настоящее время расселение этих этносов неравномерно. Существуют поселки с преимущественно немецким, с преимущественно украинским и с доминирующим проживанием казахского населения. Кроме того, существуют поселения, где дисперсно проживают представители названных этнических групп. Особенностью демографической ситуации последнего десятилетия является усиление мобильности этнических групп, связанное как с иммиграцией русского населения из Казахстана, так и казахского населения в Алтайский край, а также эмиграцией немцев в ФРГ.

Нами был проведен опрос 971 респондента в нескольких приграничных районах (Кулундинский, Славгородский, Табунский и Ключевской) и 941 респондент из неприграничных районов (Первомайский, Павловский, Тальменский) Алтайского края. Обработка первичных материалов проводилась посредством шкалирования по методике Лайкерта, Гуттмана и Терстоуна, а также с применением метода семантического дифференциала.

Введение пограничного режима, даже в столь ограниченной форме, каким он является в настоящее время, привел к ослаблению связей между жителями Алтайского края и Республики Казахстан. Из числа респондентов в целом по краю 61,26% на вопрос, усилились ли Ваши контакты с представителями «ближнего зарубежья», ответили, что они ослабли. 18,02% заявили, что их уровень остался прежним и лишь 9,42% констатировали усиление контактов. Фиксируется четкая зависимость интенсивности контактов от дальности проживания от границы. Так, лишь 32,38% жителей пограничных районов заявили об их ослаблении, для 25,4% они остались на прежнем уровне, в то же время 13,49% усилили контакты с представителями зарубежья. Для сравнения: более 70% респондентов, проживающих близ Барнаула, указали на ослабление контактов и менее 5% – на их усиление.

В то же время поддерживают контакты с жителями ближнего зарубежья лишь 20% жителей Первомайского района, наиболее отдаленного от российско-казахстанской границы. Среди жителей Павловского района, расположенного в центре Алтайского края, этот процент выше и составляет 27,3%. Наиболее высок этот процент среди жителей приграничного Кулундинского района и составляет 88,1%.

Фиксируется и зависимость этого показателя от этнической принадлежности. Так, среди опрошенных этнических казахов об ослабле-

нии контактов заявили 26,19%, на прежнем уровне они остались у 35,7%, а усилились у 23,81%. Наиболее интенсивны контакты у казахов – жителей приграничных районов. Из числа опрошенных казахов этих районов половина посещает соседний Казахстан и принимает отсюда родственников несколько раз в год, 20% – раз в год, 20% ответили, что ежемесячно и даже чаще. В среднем по Алтайскому краю 45,5% респондентов поддерживают контакты с жителями зарубежья, при том, что лишь 22% имеют родственников в Казахстане.

Более интенсивные контакты российских казахов с казахами Казахстана обусловлены, на наш взгляд, не столько стремлением поддержать свою национальную, сколько конфессиональную идентичность. Поскольку единственная мечеть в Алтайском крае расположена в Барнауле и была официально зарегистрирована лишь в 2001 г., а на территории Казахстана мечети расположены в 70–100-километровой зоне от российско-казахстанской границы, что гораздо ближе. В значительной степени пересечение границы вызывается необходимостью отправления казахами в особо важных случаях мусульманских обрядов.

Проблема идентичности является одной из основных причин посещения казахстанцами России. Согласно данным опроса, проведенного Институтом развития Казахстана в 1996 г., 40,8% казахстанцев считали себя прежде всего представителями своей национальности, лишь 11% идентифицировали себя в качестве граждан Республики Казахстан. Проблема идентификации косвенным образом отвечает и на вопрос о негативном восприятии жителями новых границ. 39,4% опрошенных считали себя гражданами СНГ, а 22,1 – вообще гражданами СССР. Гражданами России считали себя 2,7% казахстанцев¹². За истекшие 6 лет ситуация в целом по Казахстану изменилась, однако миграционные ожидания и в настоящее время остаются весьма высокими и обуславливают интенсивные контакты казахстанцев с жителями приграничных с Казахстаном районов Алтайского края¹³.

Приграничное положение Алтайского края вызывает сюда значительный приток иммигрантов, в том числе вынужденных переселенцев и беженцев. За период 1992–2001 гг. в крае официально было зарегистрировано более 60 тыс. вынужденных переселенцев, 86,2% которых прибыли из Казахстана, а 13% – из других республик Центральной Азии. Это составляет 6,5% всех иммигрантов России из стран СНГ¹⁴.

Демографическая динамика с высоким искусственным приростом населения одним из своих следствий может иметь усиление конфронтации (напряженности) между старожильческим населением и вновь

прибывшими. Эта гипотеза не подтверждается данными нашего исследования. В целом по краю лишь 13,5% респондентов считают негативным явлением вселение на Алтай переселенцев. Фиксируется тенденция обратной зависимости уровня негативного отношения к территориальной приближенности к российско-казахстанской границе. Так, в наиболее отдаленном от границы Первомайском районе выразили негативное отношение к приезду переселенцев 33,33%. В Павловском районе этот показатель составляет 15,15%. В приграничном Кулундинском районе – 7,94%. Характерно, что и российские казахи не рассматривают переселенцев из Казахстана (главным образом этнических русских) в качестве конкурентов. Напротив, именно среди казахов наиболее высок процент тех, кто считает необходимым оказывать переселенцам всяческую материальную и моральную поддержку. Он составляет 38,1%, а в среднем по Алтайскому краю – лишь 29,73%.

Вместе с тем высоки эмиграционные ожидания жителей Алтайского края. Более половины жителей во всех районах отметили, что их родственники или знакомые уезжали на постоянное место жительства в другие страны. В целом по краю этот процент составил 67,12. И лишь 14,41% респондентов ответили, что среди их знакомых нет эмигрантов. Более того, 43,24% из числа опрошенных заявили, что сами желали бы сменить свое постоянное место жительства. Из них 33,33% желали бы выехать в другое государство, 29,92% желали бы переселиться в другие субъекты РФ, остальные желали бы переехать в другой населенный пункт Алтайского края, в первую очередь – в г. Барнаул. Следует отметить, что эмиграционные ожидания практически не зависят от района проживания. Так, желающих переселиться в Первомайском районе – 43,3%, в Павловском – 48,5%, в Кулундинском – 48,6%, а в целом по краю – 43,24%. Однако существуют этнические предпочтения в выборе места миграции. 67% казахов ориентированы на миграцию внутри края, 11,9% – на выезд в Казахстан. В Павловском районе на внутрикраевую миграцию ориентированы 45,5%, в дальнее зарубежье – 21,8% (главным образом в Германию), остальные ориентированы на миграцию в другие регионы России. Это объясняется многонациональным составом населения, в котором высок процент немецкого населения. Из числа этнических русских, желающих сменить постоянное место жительства, 84,6% намерены это сделать в пределах края.

В целом, на наш взгляд, миграционные процессы оказывают существенное влияние на социально-экономическую ситуацию в Алтайском крае. Однако нельзя согласиться с утверждением, что иммиграция

из ближнего зарубежья представляет для него угрозу. Скорее, наоборот, такая ситуация создает дополнительные позитивные возможности, поскольку иммигранты в среднем имеют более высокий профессионально-квалификационный и образовательный уровень по сравнению с местным населением и населением Казахстана¹⁵.

Еще одной из вероятных угроз безопасности является ситуация возникновения межэтнических конфликтов. Одной из рабочих гипотез было положение, что анклавное компактное проживание казахов в приграничных с Республикой Казахстан районах Алтайского края создает опасную ситуацию. Для верификации этого тезиса были проведены количественные измерения уровня межэтнической напряженности. Можно констатировать, что, к счастью, рабочая гипотеза была полностью опровергнута.

Согласно проведенным опросам, у казахов, проживающих в моноэтнических населенных пунктах, в целом сформировался нейтральный образ русских. Из представленных пар антонимов по семибалльной шкале средние показатели по всем параметрам колебались в пределах при среднем значении 4,5. Экстремумы показывают, что русские представляются казахам богатыми и полезными. То есть в формировании (позитивного) образа русских главную роль играет экономический фактор.

Несколько иную картину дают оценки казахов русскими. Так, жители населенных пунктов, в которых русские составляют подавляющее большинство, оценивает личные качества казахов существенно ниже, чем оценка русских казахами. Средний показатель в таких населенных пунктах составляет 3,71. В целом, при нейтральном отношении, один из 10 параметров вышел за рамки нормы: русские считают казахов неделикатными (2 пункта отклонения от медианы). Кроме того, близки к негативной критической оценке, с точки зрения русских, такие качества казахов, как неискренность и нечистоплотность. Таким образом, если у казахов доминировал рациональный (экономический), то у русских – эмоциональные факторы. Индивидуальные показатели демонстрируют следующее: вне нормально допустимых параметров позитивно оценивают казахов 9,1% респондентов, а негативно – почти вдвое больше – 15,9% респондентов.

В полиэтнических населенных пунктах все параметры этнических оценок находятся не только в пределах медианы (± 1), но и близки к абсолютному среднему показателю (4,0). Так, среднестатистическая оценка русскими казахов составила здесь 3,86, а казахами русских – 3,94. Относительный показатель индивидуальных экстремальных показателей в

населенных пунктах такого типа также самый низкий из попавших в выборку населенных пунктов – объектов исследования: позитивно и негативно настроенных оказалось по 3,57% респондентов.

Таким образом, при нейтральных оценках, в моноэтнических поселках приграничной зоны Алтайского края образ представителя иного этноса складывается с большим отклонением среднего показателя, чем в поселках с дисперсным проживанием этносов. В сельских населенных пунктах, где абсолютно доминирует один из этносов, к тому же значительно выше процент экстремальных отклонений по индивидуальным шкалам, иначе говоря, выше процент «экстремистов». В последней группе, как среди позитивно, так и среди негативно настроенных, во всех поселках доминируют женщины в возрасте 35–50 лет со средним образованием. Причем если женщины доминировали и во всей выборке, то означенная возрастная группа не являлась доминирующей ни в выборке, ни в генеральной совокупности.

Об уровне межэтнической толерантности можно судить по следующим показателям. На нежелательность проживания казахов в населенных пунктах, где русские составляют абсолютное большинство, указали 70,6% респондентов, а на совместное проживание ориентировано лишь 26,8%. В качестве гостей казахов согласны принять 47,4% респондентов, но 68,4% из них возражают против русско-казахских браков. Казахское население моноэтнических населенных пунктов более толерантно: 86,5% респондентов согласны на вселение в их поселок русских, к тому же 91,7% согласны принять русских в гости, а 50,0% согласны на брак своего ребенка с русским/русской.

При большей межэтнической толерантности казахи в то же время менее толерантны в конфессиональном отношении, т.е. менее веротерпимы. К представителям мусульманской конфессии в целом позитивно относятся 83,2% русских, жителей населенных пунктов, где они численно абсолютно преобладают, и лишь 65,4% казахов из населенных пунктов, где они составляют подавляющее большинство, считают достойным уважения христианство. Одной из причин этого, видимо, является та существенная роль, которую играет религия в самоидентификации казахов в условиях анклавного проживания в иноэтнической и иноконфессиональной среде.

В полиэтнических населенных пунктах, где русские и казахи проживают совместно, по вопросу о желательности такого совместного проживания мнения населения разделись. Все казахи согласны с таким положением, но среди русских позитивно к этому отнеслись лишь не-

многим более половины респондентов. 4/5 казахов позитивно относятся к приему русских в качестве гостей, но лишь 1/5 положительно относится к межнациональным бракам. В этих же населенных пунктах в качестве гостей готовы принять казахов 73,1% русских, на вступление в брак с казахом/казашкой своих родственников согласны 64,0% респондентов-неказахов, но при этом треть участвовавших в опросе русских желала бы отселения казахов из их поселков.

Интерес представляют отдельные оценки респондентов представителей иных этносов. Так, казахи полиэтничных населенных пунктов считают, что в русских «есть что-то чуждое и непонятное мне». И русские, и казахи заявили, что своим соплеменникам доверяют больше, чем представителям иных этносов. Русские к тому же полагают, что казахи являются отрицательным примером для подражания, а если им (казахам) предоставить деньги и власть, «то они начинают этим злоупотреблять и причинять другим неприятности». Казахи моноэтнических населенных пунктов, несмотря на то что также больше доверяют своим соплеменникам, отрицательно отнеслись к утверждению, будто русские «вносят в жизнь округи недоброжелательность». Респонденты из «русских» населенных пунктов согласились с предложенным утверждением, гласившим: «Чтобы положить конец предубеждениям людей против себя, казахам необходимо самим первым избавиться от своих вредных привычек», отметив собственное недоверие к казахам и нежелание брать с них пример. Недоверие русских к казахам и некое пренебрежительное к ним отношение объясняется, на наш взгляд, в первую очередь устоявшимся этническим стереотипом о том, что русская духовная и материальная культура «выше и лучше» казахской. Истоки этих убеждений лежат в исторической ретроспективе. Однако даже такое несколько пренебрежительное отношение к обычаям, нравам и в целом культуре представителей иных этносов (у казахов – конфессий) не является условием для безусловного нарастания межэтнической напряженности. Напротив, как показывают иные данные, на уровне индивидуального общения между представителями различных этносов грани коллективных стереотипов размываются, а то и вовсе стираются. Наиболее ярким показателем взаимной комплиментарности русских и казахов приграничных районов Алтайского края, их доверия друг другу является тот факт, что абсолютное большинство респондентов всех населенных пунктов согласны как взять, так и одолжить деньги представителю иного этноса.

Одним из аспектов безопасности приграничных регионов России и Казахстана является отношение местного населения к вопросу возмож-

ных взаимных территориальных претензий указанных государств, сепаратизму внутри них, с одной стороны, и вопросам межгосударственной интеграции, с другой. Материалы анкетирования позволяют судить об отношении населения приграничных районов Алтайского края к означенным проблемам.

Из числа опрошенных нами жителей населенных пунктов Кулундинского района, где русские составляют абсолютное большинство, 32% считают, что необходимо присоединить к Российской Федерации северные и восточные области Республики Казахстан. Против этого выступают 39% респондентов. За передачу Россией Казахстану части Приуральских и Сибирских областей высказалось 4% респондентов, а против – 78%. Преобразование СНГ в единое государство готовы поддержать 34%, ровно столько же респондентов из райцентра считают такое развитие событий нецелесообразным и нежелательным. За возможное предоставление независимости региону высказалось 17%, а против 55%. При этом респонденты вполне осознают разницу между сепаратизмом и федерализмом: в поддержку ограничения самостоятельности прав субъектов Российской Федерации высказалось 17%, а против этого – 43%.

Весьма незначительно эти оценки отличаются от оценок, данных казахами, населенных пунктов, где они составляют этническое большинство. В частности, лишь 20,5% из них считают целесообразным присоединение как территорий современного Казахстана к России (против этого высказалось 59,0% респондентов), так и российских к Казахстану – 5,2% (против – 7,1%). В то же время сильны ожидания межгосударственной интеграции. Так, за трансформацию СНГ в единое государство высказалось 62,2% респондентов, а против – лишь 13,5%. Угроза сепаратизма внутри России также пугает казахов. В частности, 82,1% опрошенных высказались против возможной независимости региона, согласны поддержать такую идею всего 7,6%. В то же время казахи не видят серьезной необходимости в преобразовании существующей в настоящее время модели российского федерализма: за усиление полномочий центра и ограничение самостоятельности российских регионов высказалось 36,8%, против – 26,4%, еще 36,8% респондентов не определили своей позиции по этому вопросу.

Население полиэтнических населенных пунктов с учетом этнической принадлежности поддержало бы присоединение к России северных и восточных областей Казахстана: среди русских респондентов таких оказалось 69,6, а среди казахов – 100,0%(!). Одновременно жи-

тели этих населенных пунктов высказались против возможной передачи Казахстану ряда территорий Российской Федерации (русские – 84,6, казахи – 80,0%). За интеграцию «постсоветского пространства» и преобразование СНГ в единое государство высказалось 73,1% русских респондентов и 100,0% респондентов казахов, против предоставления независимости региону здесь высказалось 84,6% из числа опрошенных русских респондентов и опять же 100,0% казахских. В отличие от жителей моноэтнических населенных пунктов население полиэтнических сел желает усиления центральной власти, в том числе и за счет ограничения прав субъектов Федерации. В частности, за уменьшение полномочий региональных и расширение за счет этого полномочий федеральных органов власти высказалось 57,7% респондентов, идентифицировавших себя этническими русскими, и 100,0% опрошенных казахов. Существенную роль в поддержке интеграционных идей играют факторы стремления сохранения контактов с родственниками, живущими в Казахстане, а также сохраняющаяся у значительной части населения идентификация себя с тем единым целым, которое этнографами и политологами называлось «единая общность – советский народ».

В целом, по всем интегральным шкалам и практически по всем количественным и качественным параметрам потенциал межэтнической напряженности во всех обследованных приграничных населенных пунктах Алтайского края невысок и находится, как по нашим наблюдениям, так и согласно расчетам, в пределах допустимых норм. Вероятность обострения межнациональных отношений в сложившихся условиях минимальна.

В ходе исследования респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы: «Представители каких национальностей Вам симпатичны?» и «Представители каких национальностей Вам несимпатичны?». В качестве вариантов ответа предлагался список из 21 национальности.

Результаты исследования показали относительно невысокий процент симпатий сельского населения Алтайского края к «азиатам». Относительно высокий процент симпатий респондентов получили только казахи – 29,9%. Более высокий, чем у них, процент симпатий имеют лишь русские (86,4%), украинцы (41,2%) и белорусы (30,3%), что является весьма показательным. Другие национальности постсоветской Центральной Азии «получили» гораздо меньший процент симпатий сельских жителей Алтайского края: узбеки – 9,5%, киргизы и таджики – по 9,1%, туркмены – только 6,8%. Еще меньшее число принявших

участие в опросе назвали симпатичными нации азиатского «дальнего» зарубежья: иранцы – 7,7%, уйгуры – 6,8%, арабы – 5,9%, афганцы – 5,4%, китайцы – 5,0%.

Что касается антипатий сельских жителей Алтайского края в отношении азиатских этносов, то были получены следующие результаты: афганцы – 24,0%, китайцы – 15,8%, арабы – 13,6%, казахи и узбеки – 10,4%, туркмены и уйгуры – 10,0%, киргизы – 8,6%, иранцы – 8,1%, таджики – 7,2%.

На наш взгляд, современная полиэтническая демографическая структура и приграничное с Казахстаном положение Алтайского края являются удачными, создающими серьезные перспективы экономического роста за счет развития приграничного и трансграничного сотрудничества. Возникающие угрозы компенсируются теми позитивными факторами, которые возникают благодаря такой ситуации. Население сельских районов Алтайского края по-разному воспринимает ряд явлений и процессов, но в целом сходится во мнении, что существующий режим «прозрачной» границы в настоящих условиях (без учета наступления форс-мажорных обстоятельств) изменять нецелесообразно, а контакты с жителями и организациями соседнего Казахстана нужно всемерно поддерживать и расширять. Вероятность возникновения внутренних конфликтов из-за эмиграции или усиления межэтнической напряженности ничтожна.

Примечания

¹ См.: Алтайская губерния – Казахстан. 1917–1925. История административно-территориального разграничения (сборник документов и материалов) / Сост. Н.И. Разгон, В.А. Моисеев. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001; Разгон Н.И. Неизвестный документ по истории разграничения Алтайской губернии с Казахстаном // Востокведные исследования на Алтае. Вып. III / Отв. ред. В.А. Моисеев. Барнаул: Азбука, 2002. С. 205–214; Разгон Н.И. Бухтарминский вопрос в территориальном размежевании Алтайской губернии и Семипалатинской области (1917–1921) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 457–464; Малышева Н.П. Национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана (1919–1922 гг.). Семипалатинск, 1999; Шотбакова Л.К. Оформление государственных границ Казахстана в 20-е годы XX века (из истории вопроса) // Проблемы истории и этнологии Казахстана (сборник научных статей). Вып. 3. Астана: Фолиант, 2000. С. 136–141 и др.

² Голунов С.В. Постсоветские границы Центральной Азии в контексте безопасности сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5 (17) и др.

³ См.: Ертисбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. Астана: Елорда, 2001. С. 276–277 и др.

⁴ Гордеева М. НАТО – быть или не быть // Новое поколение (Алматы). 26 июля 2002. С. 3.

⁵ Круглый стол «Актуальные проблемы межрегионального сотрудничества: роль государства, бизнеса и общественности» // Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия. Документы и материалы международной научно-практической конференции в рамках выставки-ярмарки «Сибирь – Азия. Сотрудничество без границ» (Барнаул, 31 октября – 1 ноября 2000 г.) / Под ред. В.С. Бойко. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 209–210, 213–215, 217–224.

⁶ Крепнет приграничное сотрудничество // Казахстанская правда. 2002. 16 июля. С. 1.

⁷ В это же время на западном участке российско-казахстанской границы контакты носят более плодотворный характер и даже проводятся совместные учения. См.: Прекратить наркотрафик // Казахстанская правда. 2002. 23 июля. С. 6.

⁸ Меркулов В. Алтайские пограничники столкнулись с вымогателями. Ими оказались казахстанские таможенники // Свободный курс (Барнаул). 2000. 6 июля. С. 15.

⁹ Аргументы и факты. Алтай. 2002. 15 октября.

¹⁰ Новости АТН. 07.02.2002.

¹¹ Винокурова Л. Пока деревья станут большими // Казахстанская правда. 2002. 30 июля. С. 2.

¹² Садыков Н. Кризис идентичности в Казахстане: удастся ли избежать конфликта? // Садыков Н. Казахстан и мир: социокультурная трансформация. Астана: Елорда, 2001. С. 164–166.

¹³ Алексеев А.Н. К вопросу об эмиграции казахов в Россию // Россия – Центральная Азия: проблемы миграции и безопасности: Материалы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений». Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 158–166.

¹⁴ Ножкин С.Ю. Миграционные аспекты безопасности Азиатской России (на примере Алтайского края) // Россия – Центральная Азия... Указ. соч. С. 155–156.

¹⁵ Асылбеков М.Х., Козина В.В. Демографические процессы современного Казахстана. Алматы: Атамұра, 1995. С. 49 и др.

Ю.Л. Говоров, С.Е. Мишенин

Кемеровский государственный университет

Изменение структуры внешней торговли Кемеровской области в условиях перехода от государственной экономики к рыночной

Внешняя торговля – одно из основных направлений включения в мировые хозяйственные связи. Она стала важным средством активизации экономических сил в регионе в условиях межформационной трансформации. На ее использование повлиял ряд обстоятельств, или специфических факторов внешнеэкономической деятельности региона.

Важным стимулом к развитию внешних связей на рубеже 1980–1990-х гг. стала идея свободной экономической зоны «Кузбасс» с существенными налоговыми льготами. Ею «болели» наиболее активные «перестроечные», а затем и «реформаторские» силы в регионе. И, хотя эта идея так и не стала полноценной реальностью после 1992 г., она «заразила» интересом к международным контактам часть деловых кругов региона и потребителей.

В практике государственного руководства исчезли программы экономического роста, а следовательно, и реальный на то время внутренний спрос на оборудование со стороны государства. Ведущим стал спрос населения, особенно его состоятельной части на предметы длительного пользования, на продукты широкого потребления и питания. И если на протяжении десяти лет перестройки экономики отечественным производителям продуктов питания удалось во многом вернуть свое место на продуктовом рынке, то на внутреннем рынке потребительских товаров непродовольственного назначения этого не получилось.

Традиционно Кемеровская область в рамках единого народно-хозяйственного комплекса не производила «завершенную» продукцию для производственного, транспортного или бытового потребления. Она

специализировалась главным образом либо на сырье, либо на комплектующих продуктах. А в новых условиях у нее не оказалось своего прочного места в системе хозяйственных связей.

Либерализация экономической системы, в том числе и внешних связей, привела к снятию жесткого контроля и ограничений со стороны центральных государственных органов. С 1992 по 1997 г. характерной чертой экспортной политики в области стало отсутствие серьезной координации¹. Это создало условия для выхода на внешний рынок сравнительно широкого круга неорганизованных участников торговых операций, вплоть до мелких предприятий и отдельных мелких предпринимателей-«челноков».

Форсированное разрушение хозяйственных контактов и самого единого экономического пространства привело к тому, что, например, с кузбасского рынка полностью исчезли такие хозяйственные субъекты, как Узбекистан, Кыргызстан, Прибалтика и др. Уменьшили ежегодные закупки угля в Кузбассе Казахстан и Украина².

Опасность для восстановления единого, теперь уже рыночного, пространства стали представлять интересы монополистов. Так, РАО ЕЭС, став акционером угольных предприятий в Казахстане, оказалось более заинтересованным в карагандинском угле для своих ТЭЦ в зоне Урала, что привело к дальнейшему сокращению российского рынка сбыта углей и ударило по отечественным производителем, особенно по Кузбассу.

Активизированный процесс так называемого «первоначального накопления капитала» привел к тому, что торговля стала играть в нем одну из основных ролей. А при сокращении контролирующей роли государства «теневая» сфера в экономике распространилась на международные хозяйственные контакты, которые стали одним из средств ее развития.

Кемеровская область географически оказалась удаленной от российских и мировых центров экономического роста. Поэтому вывоз продукции за пределы России осуществляется в экстремальных условиях: транспортное плечо до Риги составляет 4346 км, Туапсе – 4423 км, Одессы – 4768 км, Владивостока – 5836 км. В этих условиях экспорт угля из Кузбасса зависит не только от конъюнктуры мирового (уже сложившегося) рынка, но и от тарифов на транспортные перевозки. Существующие транспортные тарифы делают экономически невыгодной отправку угля дальше Урала. Этот продукт становится неконкурентоспособным даже для европейской части России³. Например, уже в европейских районах России цена кузнецкого угля в конце 1990-х гг. составляла 55–90 дол. США за 1 т (в зависимости от марки), тогда как мировая цена была 35–55 дол. США⁴. Как следствие, по сравнению с

1988 г. почти в 2 раза уменьшилась дальность перевозок углей из Кузбасса, а объем поставок кузнецких энергоносителей на экспорт сократился в 2,2 раза¹.

Для оптовых сбытовиков в начале 1990-х гг. благоприятными факторами стали заниженная цена на рабочую силу в России, отсутствие маркетинговой службы на предприятиях, опыта маркетинговой деятельности у «челноков», слабость государственного контроля, отсутствие общественного контроля и общее недоверие к государству. И как следствие: использование демпинга, утеря возвратных финансовых потоков или сознательное «бегство» потенциального капитала из региона.

Вышеуказанные факторы определили развитие структуры внешних торговых связей области за 1990-е – начало 2000-х гг.

В блоке общей структуры экспорта определяющей чертой стало резкое сокращение удельного веса угля в экспорте продукции с 45 до 16%⁶. Это было объективным следствием падения мировых цен на уголь⁷ и распределения его рынка между постоянными участниками как в Азиатско-Тихоокеанском рынке, так и Европейском рынке. Пользуясь экономической и политической слабостью России, такие традиционные экспортеры угля, как Венесуэла, Колумбия, Китай, Австралия, увеличили объемы продаж. Российский и, в частности, кузбасский уголь был вытеснен с рынков Греции, стран Восточной Европы и Балтии, резко сокращен его экспорт в Японию. В 1994 г. доля кузнецкого угля в мировом экспорте составила около 2%⁸. А ведь на угле и продуктах из него строилась специализация региона во внутрисоюзных и международных связях региона. В этом можно рассматривать просчет региональной структурной экономической политики прежнего руководства. Это – и повод задуматься современному руководству: насколько может быть устойчив спрос на уголь в современной российской и мировой экономике.

С другой стороны, доля продукции металлургической промышленности в экспорте выросла в два раза: с 31,7 до 66,2%⁹. Это более сложный продукт. В 1990-х гг. рынок металлов характеризовался как стабилизацией цен на продукцию черной металлургии, так и ростом мировых цен на алюминий¹⁰. Но сегмент Кемеровской области на мировом рынке во многом оказался неустойчив. Рынок промышленно развитых стран стимулирует производство низкопереловленного (а потому менее качественного) металла, а самый опасный конкурент – Китай, в ближайшее десятилетие готовится сам наладить подобное производство в необходимых ему объемах.

Третьим важным изменением стало резкое сокращение и без того малой доли экспорта машин и оборудования. Еще в 1988 г. стоимость

машин, оборудования и материалов, направляемых за границу для строящихся объектов при техническом содействии СССР, составляло 6,2% экспорта из региона. В начале 1990-х гг. этот показатель снизился до 4,4, а затем еще до уровня 1,3%¹¹.

Финансово-хозяйственная ситуация 1990-х гг. сформировала у производителей естественное предпочтение производства продукции, ориентированной на внешнее потребление. Только за первую половину 1990-х гг. доля чугуна, предназначенного к экспорту, возросла с 1,0 до 2,6%, каменного угля – с 6,5 до 11,5%, проката черных металлов – с 1 до 53,1%, ферросплавов – с 20,4 до 62,2%, а алюминия – с 20,1 до 92,4%¹². Это объясняется резким сокращением спроса на металлы и уголь на внутреннем рынке. Но одновременно это означало и «увод» этой продукции с внутреннего рынка, затягивания его перестройки.

В итоге экспортная направленность производства сырья и материалов еще более усилилась, закрепилось лидирующее положение трех отраслей региональной экономики в формировании экспортного лица региона: черная и цветная металлургия, а также угольная промышленность. На их долю приходится 89,4 экспорта, 71,0 прибыли и 81,1% инвестиций. В свою очередь на долю отраслей-неэкспортеров, составляющих всю перерабатывающую промышленность региона, соответственно приходилось 10,6 экспорта, 29,0 прибыли и 19,9% инвестиций. Но характерно: между сырьем и материалами произошло перераспределение в пользу материалов.

Таким образом, в противовес задачам диверсификации производства в регионе активно протекал процесс реверсификации, т.е. вымывания из экономической структуры региона ранее присутствовавших в ней отраслей и производств. Возврат к моноотраслевой структуре усилил зависимость экономики от неблагоприятных тенденций экономической конъюнктуры¹³.

Что касается импорта продукции, то он имеет тенденцию к снижению, особенно по машинам и оборудованию, а также по продовольствию. Это объясняется свертыванием процесса технического перевооружения действующего производства, нового производственного строительства, со снижением покупательной способности населения. Несколько отрадным (по крайней мере, с политической точки зрения) может показаться снижение импортных поставок из стран «дальнего зарубежья» по сравнению с поставками от стран-членов СНГ¹⁴. Однако на уровне государства и на политическом пространстве СНГ интеграционный процесс задерживается. Вызывает настороженность и то, что, по крайней мере, до конца 1990-х гг. значительную долю (до 35,4%

в 1996 г.) составляли бартерные операции¹⁵, до четверти импортируемой продукции машиностроения имеет непосредственно потребительское назначение¹⁶.

Уже в начале трансформационных процессов Кемеровская область устойчиво вышла на положительное сальдо внешних связей. Этот показатель стал одним из самых высоких в Сибири, а область вошла в десятку регионов России с высокой экспортностью хозяйства¹⁷. Но это не было следствием общего роста производства, а обуславливалось потребностями выживания производителей и получения более высокой прибыли.

В блоке пространственно-географической ориентации Кемеровской области усилилась доля импортной продукции, поступающей из-за пределов государственных границ Российской Федерации. В начале 1990-х гг. объем поставок товаров из субъектов Российской Федерации (по отношению к предшествующему году) составил 63%. В 1994 г. этот показатель составил уже 59,5%¹⁸, что уже стимулировало дезинтеграционные процессы внутри России.

В субъектно-объектном блоке структуры товарооборота произошла следующая перестановка. Концентрация экспортеров в пределах десятка предприятий: Новокузнецкий алюминиевый завод, «Азот», «Кузнецкуголь», Новокузнецкий ферросплавный завод и немногие другие¹⁹. В числе адресатов кузбасской продукции в первую десятку вышли КНР, США и ряд других стран. Только последние пять лет Администрацией Кемеровской области предпринимаются попытки установить прочные долгосрочные внешнеэкономические связи со странами-членами СНГ.

Таким образом, для успешного завершения трансформационных процессов в регионе важно развивать:

- маркетинговые службы и подготовку для них высококвалифицированных специалистов;

- программу активного контроля структуры региональной экономики. Это не означает простое свертывание сырьевых отраслей. Требуется система мер по эффективному переводу накоплений от экспорта сырья и материалов в прямые инвестиции или коммерческое кредитование через рынок инвестиционных кредитов в развитие диверсифицированного сектора реальной экономики, ориентированного на растущий производственный и потребительский спрос;

- программу активного регулирования государством и Администрацией Кемеровской области внешнеэкономических контактов и интересов у производителей и потребителей. Учет этих интересов важен и при регулировании качества товаров и услуг;

– программу активного регулирования доходов потребителей, учитывая, что они не только формируют устойчивый и массовый экономический спрос в регионе, но и интерес к прочным связям внутри государства, а потому и ценность самого государства для потребителя. Вместе с тем сужение покупательной способности части населения снижает его потенциальный интерес к мировым хозяйственным связям и на определенном этапе может вызвать стремление к созданию замкнутой экономической системы как реакции на недоступность зарубежных товаров и услуг.

Учет и использование этих рекомендаций должны содействовать диверсификации производства в монокультурной экономике Кемеровской области и более гармоничному встраиванию экономики Кузбасса в российское и мировое хозяйство.

Примечания

¹ Кузбасские ведомости. 1996. № 6–7. С. 5.

² Конюхов П.В. Маркетинг кузнецкого угля // Регионология. 1999. № 3. С. 185.

³ Кузбасские ведомости. 1996. № 6–7. С. 5.

⁴ Конюхов П.В. Маркетинг кузнецкого угля. С. 185–186.

⁵ Там же.

⁶ Кузбасс: Статистический ежегодник. В 2 ч. / Отв. за вып.: Н.В. Калишев, А.А. Гореева, С.М. Григорьев и др. Кемерово: Кемеровск. обл. комитет гос. стат., 1995. Ч. 1. С. 305. См. также: Кузбасс. 1996. 6 февр.; Кузбасс. 1992: Экономика-статистический сборник / Отв. за вып. Т.А. Петрова. Кемерово: ООП Стат. управления Кемеровск. обл., 1993. С. 123, 127; Кузбасские ведомости. 1995. № 3. С. 14.

⁷ Кузбасские ведомости. 1996. № 6–7. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ Кузбасс: Статистический ежегодник. Ч. 1. С. 305; См. также: Кузбасс. 1996. 6 февр.; Кузбасские ведомости. 1995. № 3. С. 14.

¹⁰ Кузбасские ведомости. 1996. № 6–7. С. 5.

¹¹ Основные показатели экономического и социального развития Кемеровской области за 1985–1989 гг.: Статистический сборник / Отв. за вып. В.С. Королева. Кемерово: ООП Стат. управления Кемеровск. обл., 1990. С. 189.

¹² Кузбасские ведомости. 1996. № 6–7. С. 6.

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ Кузбасские ведомости. 1996. № 10–11. С. 14.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кузбасс. 1992: Экономика-статистический сборник. С. 124.

¹⁷ Кузбасские ведомости. 1996. № 6–7. С. 5.

¹⁸ География межрегиональных связей Кемеровской области по товарам народного потребления за 1994 г.: Статистический бюллетень / Отв. за вып. В.В. Зевахина. Кемерово, 1995. С. 5.

¹⁹ Кузбасс. 1992: Экономика-статистический сборник. С. 124; Кузбасские ведомости. 1995. № 1. С. 10.

А.М. Гущина

Новосибирский государственный технический
университет

**Подготовка иностранных специалистов
в Новосибирском электротехническом институте
для народного хозяйства стран СЭВ
и развивающихся стран**

Осенью 2003 г. исполняется 25 лет с начала подготовки иностранных студентов в Новосибирском электротехническом институте (ныне – Новосибирском государственном техническом университете) и 20 лет со дня их первого выпуска.

Разумеется, с точки зрения истории обучения иностранцев в России, этот период может показаться совсем коротким. Но на эти 25 лет падают события, которые, без преувеличения, можно назвать революционными для всей системы подготовки иностранных студентов в советских и российских вузах: переход от государственной системы регулирования к контрактной форме обучения. Накопленный за эти 25 лет опыт и «набитые шишки» позволяют не только объективно оценить достигнутое (а за этот период в нашем вузе подготовлено 467 дипломированных специалистов; более 500 иностранных граждан прошли обучение по различным программам изучения русского языка), но и поделиться результатами с другими провинциальными вузами, ведущими подготовку иностранных граждан.

Обучение иностранцев в России началось без малого полтора века назад. Известно, что еще в 1865 г., на заседании Совета при Министре народного образования было признано желательным обучение иностранных граждан в российских учебных заведениях. Со второй половины XIX в. в университетах, прежде всего, Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы (Малороссийский университет), в ряде гражданских и духовных учебных заведений обучались так называемые «посланцы» из Сер-

бии, Боснии, Герцеговины, Албании и других стран. Иностранные студенты не только освобождались от платы за обучение; Правительство России выделяло для них специальные государственные стипендии.

Советское государство продолжило эту традицию. В начале 20-х гг. в нашей стране обучались граждане Турции, Персии, Афганистана, Монголии. В 1921 г. было открыто специализированное учебное заведение – Коммунистический университет трудящихся Востока (КУВТ), который выполнял не только образовательные, но и политические задачи. К концу 1921 г., кстати, в КУВТе обучались иностранные граждане 44 национальностей.

Начиная с 1945 г. в вузы СССР стали прибывать на обучение граждане стран Европы и Азии, с середины 50-х гг. – Африки, чуть позже – Латинской Америки. В феврале 1960 г. в Москве был создан Университет дружбы народов.

В Советском Союзе было подготовлено около 500 тыс. иностранных специалистов, которые работают более чем в 150 странах мира. В СССР был накоплен значительный опыт практической и теоретической работы по подготовке специалистов для зарубежных стран; разработаны и решены методические, кадровые и правовые вопросы обучения иностранных граждан¹.

Подготовка национальных кадров для зарубежных стран являлась в то время важнейшей составной частью геополитической и экономической стратегии СССР. Она имела целевое значение и была тесно связана с потребностями в специалистах для предприятий, сооружаемых за рубежом при содействии СССР и в целом для развития приоритетных отраслей промышленности стран СЭВ и развивающихся и неприсоединившихся стран. Наиболее крупные контингенты иностранных учащихся были в Москве, Ленинграде, Иркутске и других крупных городах, в вузах которых имелись подготовительные факультеты.

В конце 70-х – начале 80-х гг. бурное развитие в СССР новых направлений науки и техники в области автоматики, электроники и автоматизации вызвало широкий интерес к этим специальностям у молодежи из социалистических и развивающихся стран. Поэтому в Минвузе было принято решение о расширении круга ведущих советских, прежде всего, российских вузов, которые могли бы обеспечить прием и высокий уровень подготовки иностранных студентов.

Естественно, что до этого времени подготовка иностранных студентов в Новосибирске, как крупном культурном, промышленном и образовательном центре Российской Федерации, уже велась: в Новосибирском

электротехническом институте связи (НЭТИС, ныне Сибирская Академия телекоммуникации и информатики) с 1961 г., в Новосибирском инженерно-строительном институте (НИИС, ныне Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет) с 1968 г.

Осенью 1978 г. началось обучение иностранных граждан в Новосибирском электротехническом институте. В конце августа по направлению Министерства высшего и среднего специального образования СССР в НЭТИ прибыли на обучение первые 14 студентов из Монгольской Народной Республики и 6 студентов из Польской Народной Республики. Поскольку они были первыми, то хотелось бы назвать их всех по именам: Бизьяагийн Энхтайван; Волдын Цэрмаа, Жайганы Энэбиш, Эрданийн Ганболд, Дагвын Пуревнанзад, Жанцандоржийн Арвинхишиг, Самданцоодолын Бямбадорж, Лхамын Нарангэрэл, Ванчигийн Даважав, Ядамсурэнгийн Долгоржав, Бизьяагийн Онгонцэцэг Гомбожав Гамбат, Баатарын Оюумаа, Улугчэгийн Магсар (МНР) и Вальтер Ярослав, Звежелевич Станислав, Груцельска Барбара, Кнапик Анна, Гавлович Петр, Токлович Кшиштоф, Андрушкевич Марек (ПНР). Студенты из Монголии были зачислены на факультет АВТФ (Автоматики и вычислительной техники), а студенты из Польши – на факультет АСУ (Автоматизированные системы управления).

В последующие годы и число обучавшихся в НЭТИ иностранцев, и география стран, которые они представляли, постоянно расширялись. Так, в 1979 г. появилась первая группа студентов с Кубы; в 1980 г. – из ГДР; чуть позже – из ЧССР, БНР, СРВ, Лаоса, арабских стран (Сирия, Иордания, Йемен). Но наиболее крупными студенческими землячествами всегда были монгольское и кубинское.

Следует отметить, что все иностранные студенты попадали на обучение в Россию по направлению министерств образования собственных стран, т.е. они должны были проявить хорошие успехи в средней школе, быть активными в общественной жизни, иметь начальную подготовку по русскому языку.

Как вспоминает доцент кафедры Вычислительной техники Андрей Владимирович Гаврилов, который на протяжении всех этих лет преподавал иностранным студентам и руководил их дипломным проектированием: «По силе иностранцы делились таким образом (в порядке убывания): немцы, чехи, кубинцы, монголы. Хотя были и исключения. Среди немцев были 1–2 слабых студента, откровенные разгильдяи, что не вязалось с нашим представлением о немецкой пунктуальности. Был поток, где монголы были на голову выше кубинцев, были и слабые чехи.

Я сейчас не хочу вспоминать разгильдяев по именам, тем более что, как мы увидели, и Райнер Гутче (один из самых сильных студентов) с нами соглашался, немцы у нас, у русских, учились неорганизованности».

Не смотря на то что студенты-иностранцы были тщательно отобраны у себя на Родине и считалось, что они хорошо знают русский язык (т.е. в той степени, чтобы сразу включиться в учебный процесс), многие из них на первых порах испытывали языковые трудности. Первый декан по работе с иностранными студентами Щетинин Юрий Иванович вспоминает: «Мы были довольны языковой подготовкой поляков и чехов, ну это не удивительно: все-таки братья-славяне. Очень хорошо была поставлена языковая подготовка в ГДР. Ребята приезжали в Союз с довольно свободным владением русским языком. Правда, помню случай, когда два студента из ГДР приехали практически «безязыкими». А вот с ребятами из Азии у нас всегда были большие проблемы в отношении языка. И это не смотря на то, что монголы учили русский язык в средней школе, арабские ребята проходили через подфаки». Как показывает, в частности, анкетирование 11 монгольских выпускников, посетивших НГТУ в первых числах апреля этого года для участия в юбилейном студенческом фестивале «Мир. Дружба. Фестиваль» (посвященном 25-летию начала обучения иностранцев в НЭТИ-НГТУ), на вопрос «Насколько хорошо знали русский язык до поступления в НЭТИ?», ответы были однотипны: «Почти не мог говорить и понимать по-русски (Эрданийн Ганболд, 1978–1983 гг.). Очень плохо (Х. Бадрал, 1980–1985 гг.). Конечно не очень, приехала без подготовительного отделения (Уранчимэг Тудэвдавын, 1987–1992 гг.)» и т.п. Однако на вопрос «Как вы учились в школе?» в тех же анкетах одинаковые ответы: «Отлично; окончила школу с золотой медалью; в средней школе отлично» и т.п.

Какова была мотивация иностранных студентов, попавших на обучение в Россию, в Новосибирский электротехнический институт?

Прежде всего, стоит отметить, что для всех них это был осознанный выбор. Для учебы за границей национальные министерства образования отбирали лучших школьников, и перед ними стоял выбор: учеба в вузе одной из социалистических стран (естественно, что вариант учебы в капиталистических странах в то время был невозможен). Естественно, что иностранные студенты стремились на учебу в СССР, так как советская наука и советское образование в то время высоко котиrowались в мире. Для некоторых студентов, в частности индийских, решающим фактором было глубокое уважение и любовь к России, кото-

рую испытывали в Индии по отношению к Советскому Союзу (студент Ритеш Кумар говорил: «Мэм, для нас, индийцев, Советский Союз – самая великая держава, страна Гагарина. Даже когда идут международные спортивные соревнования, все индийцы сидят у телевизоров и болеют за Советский Союз»). Для монгольских студентов, в частности, решающим было мнение родителей. Упомянутое выше анкетирование монгольских выпускников показало, что все они поехали в СССР по совету и настоянию родителей, в частности в анкете Уранчимэг Тудэвтагвын написано: «Я мечтала об учебе в Германии, но родители дали согласие только на учебу в России». Арабские студенты также ехали на учебу в СССР в основном по совету родителей (уважение к СССР) и старших братьев, которые получили образование в СССР (высокое качество образования, материальная сторона жизни иностранных студентов в Советском Союзе, которая обеспечивалась нашим государством). А были в нашем институте и такие студенты, для которых учеба в СССР была единственным шансом в жизни добиться успеха и материального благополучия в будущем. Бывший методист деканата по работе с иностранными студентами Н.И. Пестова вспоминает: «В самом конце 80-х гг. у нас на факультете АСУ учился студент из Лаоса Бон Пон. Он рассказывал нам, что его мать живет в деревне, воспитывает, кроме него, еще пятерых детей. Всю жизнь она провела по колено в воде на рисовых полях. Бон Пон (мы все его звали Бонпончик, такой это был обаятельный студент) говорил, что если выдержит все и вернется на родину с дипломом специалиста по автоматизированным системам управления, то сразу станет уважаемым и обеспеченным человеком, сможет помочь семье и дать образование младшим братьям. Если же не выдержит – то всю жизнь, как мать, проведет на рисовом поле».

Как же складывалась жизнь и учеба иностранных студентов в НЭТИ? Какие проблемы стояли перед иностранными студентами, прибывшими в новую для них страну, и перед самим институтом, принявшим на обучение иностранных граждан?

Для изучения выбран период с 1978 по 1990 г., в течение которого подготовка иностранных учащихся в вузе велась по государственной линии. В этот период в нашем институте закладывались основы практической работы по подготовке иностранных студентов; решались методические и кадровые вопросы обучения иностранцев; возникла новая организационная структура – деканат по работе с иностранными студентами. Опыт, накопленный в первые годы подготовки студентов, направленных на учебу в НЭТИ по государственной линии, стал тем

фундаментом, на который в последующие годы перехода к контрактной форме обучения иностранцев опиралась реорганизованная Международная служба НГТУ. Этот опыт оказался полезен и другим вузам города и региона, в которых было начато обучение иностранных граждан².

Рассмотрим несколько аспектов изучаемой проблемы. Главное – организация учебы. Все иностранные студенты, прибывающие в НЭТИ по направлению Минвуза, зачислялись в обычные студенческие группы, на соответствующие факультеты, где вместе с русскими студентами учились в течение пяти лет. В течение рассматриваемого периода студенты-иностранцы обучались на факультетах Автоматики и вычислительной техники (АВТФ), Автоматизированных систем управления (АСУ) и Электронной техники (ФЭТ). Разумеется, обучение иностранных граждан требовало совершенствования учебного процесса, внесения изменений в учебные планы и программы, в частности разработки спецкурсов с учетом, как говорилось в одном из приказов, особенностей трудовой деятельности иностранных выпускников у себя на родине. Как вспоминает бывший декан по работе с иностранными студентами Ю.И. Щетинин, каждая выпускающая кафедра (в частности, кафедра автоматики, зав. кафедрой А.С. Востриков, кафедра АСУ, зав. кафедрой В.И. Соболев, кафедра ИИТ, зав. кафедрой М.П. Цапенко) должна была разработать по два спецкурса. Программы спецкурсов охватывали те аспекты специальности, которые, как говорилось в соответствующем приказе, наиболее будут востребованы в профессиональной деятельности специалистов у себя на родине. Также спецкурсы для студентов-иностранцев разрабатывали и кафедры общеобразовательного профиля, например кафедра Экономики и организации промышленного производства (зав. кафедрой К.Т. Джурабаев). Он вспоминает, что их кафедра разрабатывала подобный спецкурс для иностранных студентов с учетом конкретной экономической ситуации в каждой из социалистических стран.

В НЭТИ очень большое внимание уделялось контролю за успеваемостью иностранных студентов, особенно на первом–втором курсах. Преподаватели таких кафедр, как Высшая и Инженерная математика, Общая физика, Начертательная геометрия, должны были ежегодно в сентябре–октябре проводить тестирование первокурсников-иностранцев; организовывать для слабоуспевающих дополнительные занятия. Данные по иностранным студентам, имеющим академическую задолженность, нарушение учебной дисциплины должны были деканатом по работе с иностранными студентами ежегодно направляться в Минвуз СССР для своевременного информирования посольств.

Но в целом иностранные студенты учились успешно. Так, например, все студенты из ГДР, заканчивая НЭТИ, получали дипломы с отличием. Закончившие институт с «красным дипломом» польский студент Марек Андрушкевич и студент из ГДР Райнер Гутче поступили в нашу аспирантуру, успешно ее закончили и защитили кандидатские диссертации.

При этом многие иностранные студенты занимались еще и научной работой, принимали участие в различных олимпиадах и конкурсах. Так, например, доцент кафедры ВТ А.В. Гаврилов вспоминает, как активно занимались наукой его кубинские и немецкие студенты. Например, в сборнике научных трудов 2-й Всесоюзной научно-технической конференции «Микропроцессорные системы автоматики» был опубликован научный доклад «Система управления распределенными базами данных», соавторами которого были кубинские студенты Х. Гоньиз, М. Гарсиа и В. Медина. Один из самых блестящих наших иностранных студентов, немец Райнер Гутче, принимал участие в 15-й студенческой научно-технической конференции, которая состоялась в апреле 1983 г. в Московском институте электронной техники. Таких примеров можно привести немало. Главное, что хорошее образование, полученное в НЭТИ, помогло нашим иностранным выпускникам устроить свою карьеру. Так, например, немецкий студент Абрахам Томас после окончания учебы был приглашен в Новосибирское представительство известной американской компании SUN MICROSYSTEMS, фирма послала его на курсы в Калифорнию. Многие наши монгольские выпускники работают преподавателями и научными сотрудниками в Монгольском государственном техническом университете; бывшие студенты Эрхамбаяр и Бургулуун работают в США программистами; Энхтайван работает ведущим специалистом в Монгольском государственном институте стандартизации; Цэрэнжурэв – директор департамента в Министерстве инфраструктуры Монголии; некоторые из них работают в частном бизнесе, например Гэрэлт-Од – директор компании DATA Com; Наранцэцэг – директор компании INFO Com, одного из монгольских INTERNET-провайдеров и т.д.

Идеологическое воспитание иностранных студентов. Участие в общественной жизни. В НЭТИ, как и во всех вузах, обучающих иностранных студентов, повышенное внимание уделялось не только учебному процессу и индивидуальной работе с каждым иностранным студентом, но и политико-воспитательной и идеологической работе с каждым студентом-иностранцем. Минвуз рассылал грозные приказы, в

которых подчеркивалось, что «...Советский Союз, последовательно проводя ленинскую политику укрепления дружбы и взаимопонимания между народами, активно содействует зарубежным странам в подготовке национальных кадров специалистов...», а партком НЭТИ и кафедра Истории КПСС (зав. кафедрой Г.А. Докучаев) разрабатывали комплексы различных мероприятий. Например, для студентов-иностранцев разрабатывались специальные курсы лекций и семинарских занятий, к занятиям привлекались лучшие преподаватели. Студентов-иностранцев активно привлекали к научно-исследовательской работе по актуальным вопросам современного общественного развития, к различным конкурсам студенческих работ и научно-теоретическим конференциям по проблемам общественных наук. Однако следует отметить, что даже такая усиленная политико-воспитательная работа не помешала возникновению отдельных инцидентов, например митингов польских студентов в поддержку «Солидарности».

Из всех мероприятий, курируемых парткомом и деканатом по работе с иностранными студентами, наиболее яркими и запомнившимися были фестивали иностранных студентов, посвященные национальным государственным праздникам. Эта традиция существует в несколько видоизмененном виде и сейчас. Вот уже в течение пяти лет в марте в НГТУ проходят фестивали дружбы, в которых принимают участие российские и иностранные студенты, а также национальные культурные автономии нашего города.

В советское время студенты-иностранцы вместе с русскими студентами довольно активно участвовали в общественной и спортивной жизни нашего института. Старший преподаватель кафедры физического воспитания О.А. Легкая вспоминает: «Я занималась спортом со многими иностранными студентами, не все они запомнились своими успехами, но я прекрасно помню девочку из ГДР Долорес, она входила в студенческую сборную НЭТИ по плаванию, вместе с русскими студентами участвовала в различных спортивных соревнованиях».

Прибыв на учебу в НЭТИ, иностранные студенты заселялись в наши общежития наравне с русскими студентами. Даже в воспитательных целях полагалось, чтобы они жили вместе с русскими в одной комнате. С одной стороны, это помогало лучшему освоению русского языка. Но, с другой стороны, приводило на первых порах к некоторым конфликтам между студентами, к тому, что называется сейчас проблемами межкультурной коммуникации.

Однако в целом бытовые условия для иностранцев были достаточно хорошими. В годы существования СССР практика социальной под-

держки иностранных учащихся складывалась из следующих основных составляющих: стипендия студентов – 100 руб. (для советских студентов – до 50 руб.); экипировка (теплая одежда, обувь и т.п.); дотации на приобретение лекарств, скидка на питание, оплата каникулярного отдыха, пособие на оформление дипломной работы и т.д. Бывший методист деканата по работе с иностранными студентами А.А. Приступ рассказывала, как даже в тяжелые годы перестройки, когда нехватка товаров была самой острой, она выискивала по базам и магазинам теплые шапки и зимние ботинки для индийских студентов. Нашим студентам-иностранцам регулярно предоставлялись путевки в санаторий-профилакторий НЭТИ. Монгольские выпускники в своих анкетах даже через 20 лет после выпуска с восторгом вспоминают поездки во время летних и зимних каникул в Белоруссию, Киев, Алма-Ату, Москву и Ленинград, экскурсию по «Золотому кольцу».

Эти поездки запомнились иностранным студентам еще и потому, что возможности для самостоятельного перемещения по стране у них были очень ограничены. В соответствии с действующими в то время правилами, свободно, без получения разрешения в районном отделении паспортно-визовой службы, студенты не могли выезжать за пределы Новосибирска («крайней» точкой считался Советский район города, т.е. Академгородок). Ю.И. Щетинин вспоминает: «Молодежи, особенно из Польши, ГДР, Чехословакии, было не понятно, почему они не могут принять приглашение своих русских друзей и на воскресенье поехать к ним в гости в Барнаул или даже в Бердск (примечание: город-спутник Новосибирска, расположенный в 10 км от Академгородка). Сколько нам приходилось разбираться с милицией, которая вылавливала их в электричках или на автобусных станциях!».

Для многих иностранных студентов возникали проблемы, связанные с недостаточно комфортными условиями в общежитиях, непривычными климатическими условиями, трудностями в налаживании привычного питания (с учетом национальных особенностей), языковыми и психологическими барьерами. В основе всего этого, конечно же, были оторванность от привычной среды и отъезд из семьи. Но надо отдать должное сотрудникам деканата по работе с иностранными студентами, которые относились к студентам очень заботливо, стараясь, даже в ущерб своему личному времени, разрешать возникающие проблемы.

Прибывшие в 1978 г. первые иностранные студенты попали в ведение отдела зарубежных связей. Однако в связи со спецификой работы со студенческим контингентом в институте было принято решение о создании новой организационной структуры. На первых порах, пока

количество иностранных студентов было небольшим, с этой работой справлялись на общественных началах. Так, по просьбе бывшего декана АВТФ А.В. Якименко, с ноября 1978 г. исполнять должность зам. декана по работе с иностранными студентами на общественных началах стал доцент кафедры ИИТ Ю.И. Щетинин. Затем на факультете АСУ бывший декан Б.П. Абоянцев назначил на аналогичную должность доцента В.Ф. Арамеева. Именно не плечи этих людей легла тяжесть первых проблем по приему, размещению, регистрации, организации обучения иностранных студентов в НЭТИ. Затем, в 1981 г., когда число студентов-иностранцев превысило 100 человек, по представлению бывшего проректора по учебной работе Ю.И. Соболева и бывшего начальника отдела зарубежных связей Р.Н. Протопопова был организован общевузовский деканат по работе с иностранными студентами. Функции деканата по работе с иностранными учащимися значительно отличались от функций обычного деканата. Основными задачами являлись следующие: обеспечение регистрации и правил проживания иностранных студентов в соответствии с действующим законодательством СССР (до этого момента функция была возложена на инспектора отдела кадров НЭТИ Н.К. Бутакову); адаптация иностранных учащихся к условиям обучения в НЭТИ; индивидуальная работа со студентами для повышения качества и уровня их обучения; индивидуальная работа с руководителями национальных землячеств и организация взаимодействия землячеств иностранных студентов с отечественными молодежными организациями; организация и проведение интернациональных мероприятий; организация производственных практик; организация отдыха иностранных учащихся.

Первым официальным деканом был назначен доцент Ю.И. Щетинин, который проработал в этой должности 10 лет, до сентября 1988 г. Затем с 1988 по 1990 г. деканом по работе с иностранными студентами был доцент В.С. Поздняков, а с 1990 по 1992 г. (до момента реорганизации структуры управления международной деятельностью вуза) – доцент Л.С. Заварина.

Большую роль в работе с иностранными учащимися, в их жизни и учебе играла и кафедра русского языка НЭТИ. Кстати сказать, кафедра русского языка НЭТИ занимала достаточно высокие позиции среди аналогичных кафедр региона, что позволило в октябре 1981 г. провести на базе НЭТИ научно-методическое совещание-семинар преподавателей кафедр русского языка для иностранных учащихся вузов Сибири и Урала на тему «Методика преподавания русского языка как иностранного для студентов – не филологов».

Первый выпуск иностранных студентов состоялся в 1983 г. За рассматриваемый период (1978–1990 гг.) в НЭТИ было подготовлено 185 специалистов по 4 специальностям, в том числе 78 – для МНР, 79 – для Кубы; 22 – для ГДР; 6 – для ПНР.

Однако обучение студентов по полной 5-летней программе не являлось в НЭТИ единственной формой подготовки специалистов для стран – членов СЭВ.

В вузе существовала и такая форма подготовки, как включенное обучение (продолжительностью от 3 до 6 месяцев) иностранных студентов на старших курсах. Начало этой форме подготовки было положено в 1985 г., и с 1985 по 1990 г. включенное обучение прошли 40 студентов, все из ГДР. Нарастающий интерес к включенной форме обучения подтверждает тот факт, что в течение 1989/90 уч. года на эту форму обучения было зачислено сразу 12 человек.

В НЭТИ существовала и такая форма подготовки иностранных специалистов, как проведение ознакомительных производственных практик для учащихся зарубежных вузов. Так, в августе 1981 г. наш институт принял на производственную практику по безвалютному обмену группу из 8 студентов и 2 преподавателей Карлова университета (Прага, ЧССР). Базовым предприятием была утверждена кафедра полупроводниковой и квантовой электроники (ПиКЭ) НЭТИ; руководителями практики от института были назначены декан ФЭТ доцент В.Н. Гаревский и ст. преподаватель каф. ПиКЭ Н.В. Усольцев. На аналогичных условиях в период с 17 августа по 15 сентября 1981 г. была принята группа из 8 студентов и 2 преподавателей из Высшей технической школы Карл-Маркс-Штадта (ГДР). Базовым предприятием для прохождения ознакомительной производственной практики был утвержден Новосибирский завод электротермического оборудования; руководителями практики от института были назначены доцент кафедры ЭАПУ Ф.К. Фоттлер и ассистент кафедры ЭТУ С.Г. Галкин.

Кроме того, в НЭТИ существовала и подготовка кадров высшей квалификации для зарубежных стран. Первый аспирант был принят на учебу в 1983 г.; к 1990 г. в НЭТИ обучалось уже 8 аспирантов: по 3 аспиранта из ГДР и Сирии и 2 аспиранта из КНДР.

Набирала силу и такая форма подготовки иностранных специалистов, как стажировка бывших выпускников-иностранцев. С 1988 по 1990 г. стажировку прошли 4 бывших выпускника НЭТИ – граждане Кубы.

К сожалению, в 1990 г., в связи с политическими и экономическими изменениями, произошедшими в нашей стране, обучение иностранных студентов, направляемых по государственной линии, было прекраще-

но. Эта картина была характерна для всех вузов страны, имевших многолетнюю практику подготовки специалистов высшей категории для зарубежных стран, прежде всего стран социалистического лагеря.

Высшая школа России и наш вуз в частности вступили в новый этап – переход к подготовке специалистов на контрактной основе.

Однако отрадно отметить, что связи с нашими бывшими выпускниками в основном никогда не терялись. По словам доцентов кафедры ВТ А.Э. Каспера и А.В. Гаврилова, доцента кафедры русского языка Г.В. Дроздецкой, да и многих других преподавателей нашего вуза, они получают письма от своих бывших студентов-иностранцев, знают, как складывается их судьба, какими растут их дети.

И на официальном уровне связи НГТУ (НЭТИ) с бывшими выпускниками не прерваны. Так, например, зимой этого года в Улан-Баторе была зарегистрирована Ассоциация монгольских выпускников НЭТИ-НГТУ (руководитель – выпускник 1983 г. Эрданийн Ганболд, ныне крупный монгольский бизнесмен и политик). Начата работа по созданию Ассоциации кубинских выпускников НЭТИ-НГТУ. Все они будут являться национальными отделениями Ассоциации выпускников НЭТИ-НГТУ (директор – В.Б. Пономарев, вице-президент – проректор НГТУ по международным связям, профессор Е.Б. Цой)³.

Из сказанного можно сделать ряд выводов о характере обучения иностранных студентов в НЭТИ. Существовало централизованное плановое формирование контингента иностранных учащихся. Шло обучение студентов, направленных только из стран социалистического лагеря. Отмечалось полное отсутствие инициативы вуза в процессе набора иностранных студентов. Студенты-иностранцы получали широкий спектр образовательных услуг: полное обучение; включенное обучение; обучение в аспирантуре; стажировки; производственные практики, при полной компенсации расходов вуза за обучение и проживание (стипендия, теплая одежда, организация отдыха). Велась разработка спецкурсов и спецпрограмм, ориентированных на потребность народного хозяйства направляющей студентов страны. Принимались меры для повышения общей успеваемости иностранных студентов: дополнительные плановые занятия и консультации. Стоит отметить общий высокий уровень успеваемости иностранных студентов; участие их в научно-исследовательской работе. Для успешной работы с иностранцами пришлось преобразовать структуру вуза: создать деканат по работе с иностранными студентами. Сочетались административные и общественные формы контроля за приемом, обучением и пребывани-

ем иностранных студентов: деканат по работе с иностранными студентами и замдеканы факультетов на общественных началах; ответственные по кафедрам на общественных началах. Велся строгий контроль и отчетность за успеваемостью иностранных учащихся по вертикали: кафедра – деканат – деканат по работе с иностранными студентами – министерство образования – посольства соответствующих стран. Существовала сильная идеологическая и политико-воспитательная компонента в процессе обучения иностранных студентов. Иностранные студенты широко участвовали в общественной и культурной жизни вуза.

Примечания

¹ Подготовка специалистов для зарубежных стран в России: состояние и перспективы / Информационно-аналитические и методические материалы Министерства образования РФ (Управление подготовки специалистов для зарубежных стран и Управление международного сотрудничества). М., 1999.

² Принципы и формы подготовки специалистов для зарубежных стран / Отчет по НИР. Новосибирск: НЭТИ, 1991.

³ Информация для статьи в основном взята из документов архивного хранения НЭТИ-НГТУ: приказы по основной деятельности и студенческому составу за 1978–1990 гг.

Раздел 3

Подготовка специалистов в области международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности для сибирских регионов

Е.Ф. Троицкий

Томский государственный университет

**«Центрально-азиатский регион в мировой политике»
(Программа специального курса лекций)**

Курс разработан в рамках проекта «Молодые преподаватели российских регионов: междисциплинарный ракурс социально-экономических и политических проблем» при поддержке «Института Открытое Общество. Фонд Содействия».

Спецкурс «Центрально-азиатский регион в мировой политике» ориентирован на студентов старших курсов, обучающихся по специальности «международные отношения».

Цель курса состоит в создании у студентов целостного и углубленного понимания места «новой» Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) в процессах, происходящих в современном мире.

Задачи курса:

- дать представление об основных характеристиках Центрально-азиатского региона, понимание критериев выделения регионального уровня анализа политических, экономических, культурных процессов в странах Центральной Азии;
- проанализировать соотношение глобальных и региональных политических тенденций;
- рассмотреть становление и развитие взаимоотношений государств региона с государствами и группами государств, имеющими значимые интересы в Центральной Азии, участие стран региона в международных организациях, деятельность ТНК в Центральной Азии;

– провести обобщенный анализ источников стабильности и конфликта в регионе, возможностей расширения регионального сотрудничества и интеграции, оценить перспективы политического и экономического развития Центральной Азии в глобальном мирополитическом контексте.

Курс рассчитан на 32 уч. ч и состоит из 16 ч лекционных и 16 ч семинарских занятий. Прослушивание курсов отечественной истории, истории стран Азии и Африки, истории международных отношений, мировой политики, владение навыками информационно-аналитической работы составляют базовые требования, предъявляемые к студентам, приступающим к занятиям по спецкурсу.

В рамках вопросов для обсуждения на семинарских занятиях студентам предлагаются темы для устных выступлений (10–15 мин, одно – два выступления на каждом семинаре). Устные выступления призваны создать у студентов представление о тенденциях и явлениях общерегионального значения и стать основой для обсуждения на семинаре.

По завершении курса учащиеся сдают письменную работу (аналитическую записку) объемом 6–8 страниц, посвященную рассмотрению одной из частных проблем развития стран региона. При написании работы обязательным является использование ресурсов ИНТЕРНЕТа. Тематика устных выступлений и письменных работ различается.

По итогам курса проводится устный зачет. Для получения зачета студенты должны показать знание географии, политических и экономических реалий и современной истории региона, понимание основных проблем регионального развития и проблематики внешних отношений стран региона, способность оценить роль Центральной Азии в мировых политических и экономических процессах и общие перспективы региона. Посещение лекций, участие в работе семинаров и удовлетворительное выполнение письменной работы являются условиями допуска к зачету.

Темы лекционных занятий

Тема 1. «Новая» Центральная Азия: характеристика региона (2 ч)

Понятие региона. Типы регионов. Регионализм в современном мире. Географические, геополитические, экономические, исторические, этно-

языковые, культурно-цивилизационные основания выделения Центрально-азиатского региона. Ландшафтные характеристики региона. Сырьевой потенциал региона. Границы региона: подходы к определению.

«Старая» и «новая» Центральная Азия. Исторические наименования региона.

Основная литература

Белокреницкий В. Проблемы и перспективы формирования Центрально-азиатского макрорегиона // Восток. 1993. № 4. С. 35–47.

Милославский Г. Интеграционный потенциал региона // Восток. 1996. № 5. С. 5–18.

Толипов Ф. Демократизм, национализм и регионализм в странах Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/cac10_2000/01.tolipov.shtml

Lounev S., Shirokov G. Central Asia as a New Region in World Politics. <http://www.cpss.org/casiabl/chap20.txt>

Дополнительная литература

Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. Критические заметки сторонника Президента Ислама Каримова. М.: Вагриус, 2001.

Максименко В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства. http://www.ca-c.org/journal/cac09_2000/08Maksimien.shtml

Мирский Г. Нация, этнос, религия в центрально-азиатском контексте // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 12. С. 5–10.

Резникова О. Центральная Азия в контексте мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 12. С. 20–25.

Olcott M. Central Asia's Catapult to Independence // Foreign Affairs. 1992. № 3. P. 108–130.

Тема 2. Центральная Азия в глобальных политических процессах (4 ч)

Влияние распада Советского Союза и изменений в системе международных отношений на положение региона. «Открытие» региона.

Глобализация и либерализация мировой экономики: последствия для Центральной Азии. Реакция стран региона на вызовы глобализации. Экономические и социальные последствия переходного периода. Реаг-раризация экономики и кризис сельского хозяйства. Проблема бедности в регионе.

Тенденция демократизации внутривполитических и внешнеполитических процессов в современном мире. Демократические и правовые преобразования в странах Центральной Азии.

Феномен «несостоявшихся государств» (failed states). Проблемы строительства национальных государств в Центральной Азии.

Глобальные проблемы современности: региональный аспект. Демографическая ситуация: перенаселение и избыточная занятость в Центральной Азии. Деурбанизация. Дефицит водных ресурсов и пахотных земель. Проблема обеспеченности энергетическими ресурсами.

Экологическая ситуация в Центральной Азии: проблема Аральского моря; последствия ядерных испытаний; угроза загрязнения Каспийского моря.

Основная литература

Абазов А. Дезинтеграция экономики Центральной Азии в постсоветский период // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2. С. 99–105.

Жуков С. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан в социально-экономических структурах современного мира // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 3. С. 45–60.

Морозова М. Природные ресурсы во внешней политике Центральной Азии – интегрирующее звено или дестабилизирующий фактор? // Восток. 1996. № 5. С. 48–53.

Топилин А. Демографический потенциал стран Закавказья, Центральной Азии и общий рынок труда СНГ // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3. С. 177–187.

Bichel A. The Third Wave: a Democratic Invasion of Central Asia. <http://www.icarp.com/publications/apsa99.html>

Дополнительная литература

Жуков С., Резникова О. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: МОНФ, 2001.

Тема 3. Центральнo-азиатский региональный комплекс безопасности. Традиционные и нетрадиционные вызовы (2 ч)

Трансформация понятия «безопасность» в современных условиях; появление новых угроз международному миру.

Понятие регионального комплекса безопасности. Состояние межгосударственных отношений в регионе: «борьба за лидерство»; территориальные проблемы; разделенные народы. Влияние нехватки и неравномерного распределения водных, земельных и энергетических ресурсов на внутрирегиональные отношения.

Влияние гражданской войны в Афганистане на регион. Рост производства, транспортировки и потребления наркотиков. Угроза исламского радикализма. Распространение оружия. Терроризм.

Проблемы миграции и беженцев в Центральной Азии.

Основная литература

Бурнашев Р. О возможности системы региональной безопасности в Центральной Азии (методологические аспекты) // Центральная Азия и Кавказ. № 1. С. 14–31.

Комиссин И., Куртов А. Наркотическая «заря» над Центральной Азией – новая угроза цивилизации // Центральная Азия и Кавказ. № 5. С. 120–135.

Коргун В. Афганский фактор в региональной геополитике // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5. С. 165–175.

Малашенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/cac05_1999/st_11_malashenko.shtml

Молдалиев О. «Нетрадиционные» угрозы безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1. С. 32–41.

Allison R. Structures and Frameworks for Security Policy Cooperation in Central Asia. // Central Asian Security: the New International Context. Ed. by R. Allison and L. Jonson. L.: Royal Institute of International Affairs, 2001. P. 219–246.

Horsman S. Water in Central Asia: Regional Cooperation or Conflict? // Central Asian Security: the New International Context. P. 69–94.

Menon R. In the Shadow of the Bear: Security in Post-Soviet Central Asia // International Security. 1995. № 1. P. 149–181.

Дополнительная литература

Зеличенко А. Наркоситуация в зоне действия международного антинаркотического проекта ООН «Ошский узел». http://www.ca-c.org/journal/cac06_1999/zelichenko.shtml

Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малашенко и М. Брилл Олкотт. <http://pubs.carnegie.ru/books/2001/07am2>

Олимова С. Национальные государства и этнические территории // Многомерные границы Центральной Азии. М.: Гендальф, 2000. С. 14–26.

Central Asian Security: the New International Context / Ed. by R. Allison and L. Jonson. L.: Royal Institute of International Affairs, 2001.

Olcott M. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security. Wash.: US Institute of Peace Press, 1997.

Тема 4. Политика иностранных государств и негосударственных акторов международных отношений в Центральной Азии (4 ч)

Политика России в регионе в 1990-е гг. Интересы России. Двусторонние и многосторонние отношения со странами Центральной Азии. Проблема делимитации российско-казахстанской границы. Проблема правового статуса Каспия. Позиции третьих стран в отношении российской активности в регионе.

Стратегические и экономические интересы США в регионе. Страновые приоритеты США. Антииранский компонент американской политики. Американские программы помощи региону. Влияние событий 11 сентября на центрально-азиатскую политику Вашингтона.

Китай в регионе. Делимитация границы КНР с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Проблема Синьцзяня. Китайский капитал в экономике стран региона.

Европейский Союз и Центральная Азия. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве со странами Центральной Азии. Политика Великобритании, Германии и Франции в регионе.

Соперничество Турции и Ирана в Центральной Азии. Политика Пакистана в регионе. Влияние индо-пакистанских противоречий на ситуацию в регионе. Отношения государств Центральной Азии со странами Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Транснациональные корпорации в регионе.

Деятельность международных неправительственных организаций
в Центральной Азии.

Основная литература

Акимбеков С. Российская политика в Центральной Азии (Состояние и перспективы) // Pro et Contra. 2000. № 3. С. 75–88.

Касенов У. Новая «Большая игра» в Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/08_1997/st_11_kasenov.shtml

Коэн А. США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений. http://www.ca-c.org/journal/cac08_2000/05.kohen.shtml

Мукиджанова Р. Государства Центральной Азии и их южные соседи // Восток. 1996. № 5. С. 54–61.

Резникова О. Россия, Турция и Иран в Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 1. С. 54–65.

Резникова О. Центральная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 100–108.

Хуссейн Р. Пакистан и Центральная Азия. http://www.ca-c.org/journal/08_1997/st_14_gusein.shtml

Шаумян Т. Индия и государства Центральной Азии // Восток. 1996. № 5. С. 86–92.

Юлдашева Г. США, Иран и новые республики Центральной Азии // США–Канада: ЭПК. 2000. № 11. С. 95–102.

Starr F. The War Against Terrorism and U.S. Bilateral Relations with Central Asia. http://www.cacianalyst.org/Publications/Starr_Testimony.htm

Xing Guangcheng. China and Central Asia // Central Asian Security: the New International Context / Ed. by R. Allison and L. Jonson. L., 2001. P. 152–170.

Дополнительная литература

Бабак В. Астана в треугольнике Москва – Вашингтон – Пекин. http://www.ca-c.org/journal/cac05_1999/st_25_babak.shtml; http://www.ca-c.org/journal/cac06_1999/babak.shtml; http://www.ca-c.org/journal/cac07_2000/19.babak.shtml

Бессарабов Г., Собянин А. Водные проблемы КНР: казахский и российский аспекты. <http://www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/rus/pm00015806.html>

Бессарабов Г., Собянин А. Новый западный поход: Китай намерен ударить долларом по сепаратистам. <http://www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/rus/pm00011861.html>

Бирюков С.В. Политика России в отношении новых независимых государств: проблема выбора стратегии (на примере Узбекистана) // Восток. 2001. № 1. С. 84–96.

Брагина Е. Россия – Центральная Азия: усложнение системы «центр – периферия» // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 1. С. 138–141.

Васильев П. Россия, Китай, талибы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 60–72.

Васильев П. Ядерный Пакистан: региональный контекст // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 3. С. 22–34.

Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М.: Новая книга, 2000.

Музапарова Л., Карин Е. Транснациональные корпорации в Казахстане. http://www.ca-c.org/journal/cac07_2000/10.muzap.shtml

Мукимджанова Р. Новые ориентиры в Центральной Азии // Азия и Африка сегодня. 1997. № 5. С. 35–38.

Николаев К., Федин Ф. Иностранная ресурсная политика в прибрежьях Каспийского моря // Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье – Черноморье – Каспий. М.: Интердиалект+, 1999. С. 539–557.

Таксубаев А. Россия и Центральная Азия // Международная жизнь. 1999. № 3. С. 94–101.

Тема 5. Центральная Азия в международных организациях (2 ч)

Участие государств региона в СНГ, Евроазиатском экономическом сообществе, Таможенном Союзе, Договоре о коллективной безопасности.

Шанхайская организация сотрудничества – новый инструмент региональной безопасности.

Создание и деятельность Центрально-азиатского экономического сообщества, Центрально-азиатского банка сотрудничества и развития.

Деятельность Организации экономического сотрудничества в регионе. Инициатива Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

НАТО в регионе; участие стран Центральной Азии в программе «Партнерство во имя мира».

Центральная Азия в ОБСЕ и ООН. Программа развития Ферганской долины ООН.

Основная литература

Белокреницкий В. Центрально-азиатское единство – миф или реальность? // Восток. 1996. № 5. С. 36–47.

Воробьев В. От Шанхая до Шанхая. К созданию Шанхайской организации сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 6–12.

Умнов А. НАТО и Центральная Азия. <http://www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/rus/pm00004644.html>

Элебаев Н. Реалии и перспективы сотрудничества центрально-азиатских государств с Организацией экономического сотрудничества. http://www.ca-c.org/journal/cac08_2000/19.elebaev.shtml

Дополнительная литература

Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М.: Новая книга, 2000.

Жуков С., Резникова О. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: МОНФ, 2001.

Central Asia and the world: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan / Ed. by M. Mandelbaum. N.Y., 1994.

Gleason G. Inter-State Cooperation in Central Asia from the CIS to the Shanghai Forum // Europe-Asia Studies. 2001. № 7. P. 1077–1097.

Тема 6. Сотрудничество и конфликт в регионе: состояние и перспективы (2 ч)

Оценка потенциала сотрудничества. Неудача интеграционных проектов. Международные транспортные и энергетические проекты в ре-

гионе: ТРАСЕКА, проект возрождения Великого шелкового пути, проблемы транспортировки нефти и газа из региона. Торговля и движение капиталов в регионе.

Конфликтный потенциал региона. Социальные и экономические истоки конфликтов. Межнациональные конфликты конца 1980-х гг. Гражданская война в Таджикистане. Вооруженные конфликты 1999 и 2000 гг. в Ферганской долине.

Политические и экономические перспективы развития региона.

Основная литература

Бедринцев А., Мирзаджанов Ш. Центральная Азия: основные направления усиления интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 12. С. 129–133.

Звягельская И. Таджикистан как зеркало «исламской революции» // Pro et Contra. 2000. № 3. С. 48–62.

Мартиросян А. Великий шелковый путь: этапы восстановления // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 6. С. 198–204.

Юданов Ю. Центральная Азия – новый фаворит иностранных инвесторов // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3. С. 72–79. № 4. С. 102–110.

Olcott M. Central Asia: Common Legacies and Conflicts. // Central Asian Security: the New International Context. P. 24–48.

Дополнительная литература

Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграция и конфликты. М.: Ин-т Востоковедения РАН, Российский фонд фундаментальных исследований, 1995.

Кобищанов Ю. Этнические аспекты гражданской войны // Азия и Африка сегодня. 1994. № 3. С. 20–23.

Толипов Ф. Сравнительный анализ интеграции в СНГ и в Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/cac06_1999/tolipov.shtml

Трофименко Г. Центральнo-азиатский регион: политика США и проблемы нефтегазового экспорта. // США: ЭПИ. 1998. № 11. С. 21–36.

Центральная Азия: пути интеграции в мировое сообщество. М.: Ин-т Востоковедения РАН, Рос. гуманитарный научный фонд, 1995.

Central Asian Security: the New International Context / Ed. by R. Allison and L. Jonson. L., 2001.

Темы семинарских занятий

Тема 1. Основные тенденции регионального развития (4 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Последствия распада СССР для республик Средней Азии и Казахстана.
2. Демографическая и экономическая ситуация в Центральной Азии. Экономические преобразования в странах региона.
3. Строительство национальных государств и попытки формирования национальных идеологий в странах Центральной Азии.
4. Процессы фрагментации и интеграции в регионе.

Литература

Абазов А. Дезинтеграция экономики Центральной Азии в постсоветский период // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2. С. 99–105.

Жуков С., Резникова О. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: МОНФ, 2001. Гл. 1–3.

Мирский Г. Нация, этнос, религия в центрально-азиатском контексте // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 12. С. 5–10.

Топилин А. Демографический потенциал стран Закавказья, Центральной Азии и общий рынок труда СНГ // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3. С. 177–187.

Akimov A. Central Asia as a Region in the World Economy. <http://www.cpss.org/casiabk/chap19.txt>

Olcott M. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security. Wash.: US Institute of Peace Press, 1997. P. 139–160.

Тема 2. Россия и Центральная Азия (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Национальные интересы России и Центрально-азиатский регион.

2. Военное и экономическое присутствие России в Центральной Азии.

3. Россия и страны региона в СНГ, Договоре о коллективной безопасности, Евроазиатском экономическом сообществе.

4. Положение русскоязычного населения в Центральной Азии в 1990-е гг.

Литература

Акимбеков С. Российская политика в Центральной Азии (Состояние и перспективы) // Pro et Contra. 2000. № 3. С. 75–88.

Бирюков С. Политика России в отношении новых независимых государств: проблема выбора стратегии (на примере Узбекистана) // Восток. 2001. № 1. С. 84–96.

Брагина Е. Россия – Центральная Азия: усложнение системы «центр-периферия» // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 1. С. 138–141.

Жуков С., Резникова О. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: МОНФ, 2001. Гл. 9.

Проблемы и перспективы развития взаимоотношений государств Центральной Азии и Кавказа с Российской Федерацией. http://www.ca-c.org/journal/cac09_2000/cac09_2000.shtml

Abdugaliev B. Russians in Kazakhstan: Russians in Kazakhstan: Problems, Myths, and Realities. <http://www.cpss.org/casiabk/chap.11.txt>

Zviagelskaya I. The Russian Policy Debate on Central Asia. http://www.ca-c.org/dataeng/st_08_zviag.shtml

Тема 3. Центральная Азия и Запад (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Экономические и стратегические интересы США в Центральной Азии.

2. Антитеррористическая операция в Афганистане и расширение американского присутствия в регионе.

3. Страны региона в программе НАТО «Партнерство во имя мира».

4. Деятельность западных гуманитарных и правозащитных организаций в Центральной Азии.

Литература

Николаев К., Федин Ф. Иностранная ресурсная политика в прибрежьях Каспийского моря // Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье – Черноморье – Каспий. М.: Интердиалект+, 1999. С. 539–557.

Трофименко Г. Центрально-азиатский регион: политика США и проблемы нефтегазового экспорта // США: ЭПИ, 1998. № 11. С. 21–36.

Умнов А. НАТО и Центральная Азия. <http://www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/rus/pm00004644.html>

Юлдашева Г. США, Иран и новые республики Центральной Азии // США–Канада: ЭПК. 2000. № 11. С. 95–102.

Central Asia NGO Network. <http://www.cangonet.kg>

Contributions of Central Asian Nations to the Campaign against Terrorism: Hearing before the Subcommittee on Central Asia and South Caucasus of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 107th Congr., 1st sess., Dec. 13, 2001. Wash.: U.S. Government Printing Office, 2002.

Starr F. The War Against Terrorism and U.S. Bilateral Relations with Central Asia. http://www.cacianalyst.org/Publications/Starr_Testimony.htm

Тема 4. Китайский фактор в Центральной Азии (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Проблема «новой роли» Китая в мире: значение для Центральной Азии.
2. Китай и страны региона в «шанхайском процессе» и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).
3. Уйгурская проблема в комплексе региональных отношений.

Литература

Абен Е., Карин Е. Национал-сепаратистские тенденции в СУАР КНР и проблема безопасности центрально-азиатского региона. http://www.cac.org/journal/cac04_1999/st_15_aben.shtml

Бессарабов Г., Собянин А. Водные проблемы КНР: казахский и российский аспекты. <http://www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/rus/pm00015806.html>

Бессарабов Г., Собянин А. Новый западный поход: Китай намерен ударить долларом по сепаратистам. <http://www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/rus/pm00011861.html>

Воробьев В. От Шанхая до Шанхая. К созданию Шанхайской организации сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 6–12.

Лузянин С., Шаумян Т. Россия – Китай – Индия: новые вызовы и угрозы XXI века. (К итогам трехсторонней российско-китайско-индийской международной научной конференции.) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 6–25.

Xing Guangcheng. China and Central Asia // Central Asian Security: the New International Context / Ed. by R. Allison and L. Jonson. L.: Royal Institute of International Affairs, 2001. P. 152–170.

Тема 5. Центральная Азия и исламский мир (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Ислам в центрально-азиатских обществах и государствах: традиция и современность.
2. Политика Турции и Ирана в регионе: сравнительный анализ.

Литература

Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малащенко и М. Брилл Олкотт. <http://pubs.carnegie.ru/books/2001/07am.2>

Киреев Н. Турция – путь в Европу или возвращение в Центральную Азию // Восток. 1996. № 5. С. 62–68.

Малащенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/cac05_1999/st_11_malashenko.shtml

Мукимджанова Р. Государства Центральной Азии и их южные соседи // Восток. 1996. № 5. С. 54–61.

Религия в общественно-политической жизни государств Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/12_1997/cont_ca_12.shtml

Скляров Л. Иран: от политики экспорта «исламской революции» к региональному сотрудничеству (значение перемен для Центральной Азии) // Восток. 1996. № 5. С. 69–78.

Элебаев Н. Реалии и перспективы сотрудничества центрально-азиатских государств с Организацией экономического сотрудничества. http://www.ca-c.org/journal/cac08_2000/19.elebaev.shtml

Тема 6. Конфликты в регионе (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Межнациональные конфликты конца 1980-х гг.
2. Гражданская война в Таджикистане.
3. Международные и региональные инициативы по политическому урегулированию и предотвращению конфликтов (деятельность ООН и ОБСЕ, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, группа «6 +2», Шанхайская организация сотрудничества).

Литература

Бибикова О. Баткен: наступление мусульманского экстремизма. http://www.ca-c.org/journal/cac07_2000/05.bibikova.shtml

Бушков В., Микульский Д. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этносоциальные процессы и политическая борьба, 1992–1995). http://www.ca-c.org/datarus/st_08_bush.shtml

Каримов Р. Треугольник Узбекистан – Афганистан – Таджикистан как очаг напряженности в Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/cac04_1999/st_07_karimov.shtml

Allison R. Structures and Frameworks for Security Policy Cooperation in Central Asia. //Central Asian Security: the New International Context. Ed. by R. Allison and L. Jonson. L.: Royal Institute of International Affairs, 2001. P. 219–246.

Olcott M. Ethnic Violence in Central Asia: Perceptions and Misperceptions. <http://www.cpss.org/casiabk/chap9.txt>

Roy O. The Role of the OCSE in the Peace Process of Tajikistan. <http://www.cpss.org/casiabk/chap21.txt>

Тема 7. Энергетические и водные проекты в Центральной Азии (2 ч)

Вопросы для обсуждения

1. Проблемы добычи и транспортировки нефти и газа в Центральной Азии.
2. Нехватка водных ресурсов: подходы к решению проблемы.

Литература

Гаджиев К. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. С. 424–463.

Значение сырьевых и энергетических ресурсов в становлении государственной независимости стран Центральной Азии и Кавказа. http://www.ca-c.org/journal/cac01_1998/contcac_1_98.shtml

Нурша А. Прикаспийский регион: стратегическое значение пространства и нефти // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 2. С. 71–80.

Проблема использования водных ресурсов в странах Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/13_1998/cont_ca_13.shtml

Horsman S. Water in Central Asia: Regional Cooperation or Conflict? // Central Asian Security: the New International Context / Ed. by R. Allison and L. Jonson. L.: Royal Institute of International Affairs, 2001. P. 69–94.

Ресурсы Интернет

Каспийское информационное агентство СНА. <http://www.caspian.ru>

Министерство иностранных дел Республики Казахстан. <http://www.mfa.kz>

Транскаспийский проект. Информационно-аналитический сервер. <http://www.transcaspian.ru>

Caspian Energy Development and the Eurasian Oil and Gas Association (EAOGA). <http://www.robertcutler.org/modules/dx-eaoga.htm>

The Center for Political and Strategic Studies (formerly the Center for Post-Soviet Studies). <http://www.cpss.org>

Center for Strategic and International Studies. <http://www.csis.org>

Central Asia and the Caucasus Information and Analytical Center (Sweden). <http://www.ca-c.org>

Central Asia – Caucasus Institute, John Hopkins University. <http://www.cacianalyst.org/index1.htm>

Central Asia NGO Network. <http://www.cangonet.kg>

The Harvard Forum for Central Asian Studies. <http://www.fas.harvard.edu/~centasia>

ICARP: Interactive Central Asia Resource Project. <http://www.icarp.org>

The Times of Central Asia. <http://www.times.kg>

United Nations Ferghana Valley Development Program. <http://www.ferghana.elcat.kg>

Uzbekistan Information Directory. <http://www.uzland.uz>

Список ссылок на средства массовой информации стран региона.
<http://www.kidon.com/media-link.asia.shtml>

Примерная тематика письменных работ

1. Субрегионы в Центральной Азии.
2. Демографические характеристики стран Центральной Азии.
3. Состояние сельского хозяйства в странах региона.
4. Развитие нефтегазового сектора в Казахстане, Туркменистане, Узбекистане в 1990-е гг.
5. Попытки формирования национальных идеологий в странах региона.
6. Демократические институты в Центральной Азии (на примере одного из государств).
7. Внешнеполитические концепции стран региона (на примере одного из государств).
8. Радикальные исламские организации в регионе.
9. Инвестиционный климат в странах региона.
10. Внешнеэкономические связи стран Центральной Азии.
11. Казахстан и Туркменистан в системе отношений прикаспийских государств.
12. Отношения России, США, Китая, ЕС, азиатских стран со странами региона (на примере одного из комплексов двусторонних отношений).
13. События в Афганистане в 1992–2001 гг.: воздействие на страны региона.
14. Деятельность транснациональных корпораций в регионе (на примере одной из ТНК).
15. Международные неправительственные организации в Центральной Азии.
16. Освещение региональной проблематики в российских и зарубежных средствах массовой информации.

Примерные вопросы к зачету

1. Насколько оправдано рассмотрение «новой» Центральной Азии в качестве единого региона?
2. Оцените тенденции демографического развития региона.
3. Каковы основные угрозы безопасности региона?
4. Как решается странами региона проблема нехватки водных ресурсов?
5. Каковы результаты и перспективы региональной интеграции?
6. Как менялась политика России в Центральной Азии в 1991–2002 гг.?
7. Какое влияние оказали события 11 сентября 2001 г. на политику США в регионе?
8. Какую роль играет в регионе Китай?
9. Насколько обоснован тезис о «новой Большой игре» в регионе?
10. Насколько активны и какой линии поведения придерживаются в Центральной Азии ТНК?
11. В каких международных организациях участвуют страны региона?
12. Какую роль играют международные организации в обеспечении региональной безопасности?
13. Насколько реальна угроза радикального ислама в Центральной Азии?
14. Какие меры предпринимаются в регионе по борьбе с производством и транспортировкой наркотиков?
15. Оцените варианты транспортировки нефти и газа из Центральной Азии.

В.П. Зиновьев

Томский государственный университет

Проблемы внутренней и внешней политики стран Центральной Азии (1991–2002 гг.)

(План специального семинара)

С обретением независимости в конце 1991 г. страны Центральной Азии вновь, после XIX в., стали акторами международных отношений, вновь оказались в центре борьбы великих держав за контроль над сырьевыми ресурсами планеты, а в последние годы – и борьбы с международным терроризмом.

Приоритетным направлением внешней политики России являются отношения со странами Содружества Независимых Государств, в том числе и с государствами Центральной Азии – Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном. Все это делает значимым изучение внутренней ситуации в странах Центральной Азии и их роли в системе международных отношений для подготовки специалистов в области международных отношений. Знание ситуации в странах Центральной Азии необходимо для специалистов, которые подготавливаются для работы в международных отделах государственных, муниципальных учреждений, коммерческих и промышленных предприятий Западной Сибири, особенно для регионов, непосредственно граничащих с Казахстаном.

В сочетании со специальными курсами лекций «Внешнеполитические проблемы стран Центральной Азии» и «Центральная Азия в системе международных отношений» специальный семинар составляет основу специализации «Мировая политика» на кафедре Мировой политики Томского университета.

Цели специального семинара

- дать студентам представление об основных проблемах внутренней и внешней политики новых независимых стран центрально-азиатского региона, начиная с декабря 1991 г.;
- привить студентам навыки научной дискуссии;
- обучить студентов азам анализа политико-экономических ситуаций.

Задачи специального семинара

- познакомить студентов с новейшей историей стран Центральной Азии, с состоянием их природно-экономического потенциала;
- определить особенности социально-политической структуры общества, этнический и конфессиональный состав населения;
- дать анализ основных направлений внешней политики отдельных стран региона, внутрирегиональной политики;
- показать место стран Центральной Азии в современной системе международных отношений;
- изучить основные направления связей России в целом и отдельных ее регионов со странами Центральной Азии.

Объем занятий

5–6-й семестры – 66 ч;

7–8-й семестры – 66 ч;

9-й семестр – 34 ч.

В работе специального семинара участвуют аспиранты и студенты кафедры мировой политики, специализирующиеся на изучении проблем международных отношений центрально-азиатских стран.

Семинар проводится в 5–9-м семестрах. На 3-м курсе готовятся и делаются доклады, готовятся курсовые работы, которые защищаются на заседаниях кафедры. На 4-м курсе ведется подготовка докладов и курсовых работ по той же тематике. На 5-м курсе (9-й семестр) ведется подготовка студентов к написанию дипломных работ. Как правило, в работе специального семинара участвуют студенты, подготавливающие курсовые и дипломные работы по тематике семинара.

Доклады (6–10 страниц) предоставляются на кафедру за неделю до обсуждения. Обсуждение строится по нормам научной дискуссии. Автору представляется слово для краткого сообщения (до 10 мин). Докладчик отвечает на вопросы. Участники семинара обязаны высказаться по сути проблемы и оценить форму и содержание обсуждаемого сообщения. Председательствующий на семинаре профессор или аспирант должен подвести итоги. На части семинаров рабочим языком является английский, в тех случаях, когда доклад готовится для участия в студенческих международных конференциях.

Предлагаемые для обсуждения темы

1. Особенности становления государственности стран Центральной Азии (1991–2002 гг.).
2. Характеристика природно-экономического потенциала стран Центральной Азии.
3. Общество и государство в современных странах Центральной Азии.
4. Внутрирегиональные международные проблемы региона.
5. Страны Центральной Азии в мировых интеграционных процессах.
6. Проблемы безопасности во внешней политике стран Центральной Азии.
7. Интересы России и её регионов в Центральной Азии.
8. Каспийский узел.
9. Проблемы прав человека в странах Центральной Азии.

Темы для рефератов и курсовых работ

1. Образование и структура СНГ.
2. Геополитические последствия распада СССР.
3. Формирование Таможенного союза стран СНГ.
4. Внешнеполитические проблемы стран Центральной Азии (Казахстана и др.).
5. Двусторонние отношения России и стран Центральной Азии (с Казахстаном и т.д.).
6. Интеграционные процессы в СНГ: экономические аспекты.
7. Образование Центрально-Азиатского союза.
8. Каспийский узел.
9. Исламский фактор в СНГ.
10. Этнополитические конфликты в странах Центральной Азии.
11. Афганский фактор в военно-политическом сотрудничестве стран СНГ.
12. Инвестиционная политика стран СНГ.
13. Иностранный капитал в странах СНГ. Криминальный бизнес в странах СНГ.
14. Аральская проблема.
15. Космический комплекс СНГ.
16. Ядерная проблема в СНГ в 1991–1994 гг.

17. Торговля России со странами Центральной Азии: состояние и перспективы.
18. Русские в странах Центральной Азии.
19. Миротворческая операция в Таджикистане.
20. Военно-политическая интеграция стран СНГ.
21. Интеграция стран СНГ в сфере информации, науки и техники.
22. Расширение НАТО и страны Центральной Азии.
23. Региональный аспект отношений между странами Центральной Азии.

Литература

- Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. Кн. 1–2. М., 1992.
- Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 1998. 281 с.
- Алиев Р. Каспийский регион и безопасность России // Азия и Африка сегодня. 1998. № 7. С. 4–7.
- Арбатов А. Безопасность: российский выбор. М., 1999. С. 129–188.
- Аренов М.М., Калмыков С.К. Этносоциальная действительность Казахстана // Социс. 1998. № 3. С. 45–58.
- Арин О. Россия на обочине мира. М., 1999. С. 141–161.
- Афганистан. Справочник. М., 2000. 255 с.
- Барановский С. Россия и ее ближние соседи: конфликты и усилия по их урегулированию // МЭ и МО. 1996. № 1. С. 34–48.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М, 2000.
- Бедринцев А. Узбекистан в мирохозяйственных связях: интеграционное взаимодействие // МЭ и МО. 1999. № 2. С. 99–103.
- Болотин Б. Международные сравнения: 1990–1997 гг. // МЭ и МО. 1998. № 10.
- Болотин Б. Советский Союз: прощальный портрет 15 бывших республик // МЭ и МО. № 1. 1993. С. 141–159.
- Брук С.И. Население мира: этнодемографический справочник. М., 1986. 830 с.
- Внешняя политика России. Сборник документов 1990–1992. М., 1996. 607 с.
- Восток и Россия на рубеже XXI века. М.: Институт Востоковедения РАН. 1998. С. 35–184.
- Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии // Социс. 1998. № 6. С. 55–59.

Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. 463 с.

Гринберг Р. Постсоюзное экономическое пространство: коллизии и сценарии развития // Российский экономический журнал. 1996. № 10. С. 53–60.

Гусаков В. Украина и Центральная Азия // Азия и Африка сегодня. 1999. № 6. С. 43–46.

Гушер А. Бег иноходца // Азия и Африка сегодня. 1998. № 8. С. 8–15; № 9. С. 8–13.

Гушер А. В трясине национализма // Азия и Африка сегодня. 1998. № 6. С. 8–16; № 7. С. 8–14.

Гушер А. Война и мир // Азия и Африка сегодня. 1998. № 3. С. 6–13.

Гушер А. Смена стратегических координат // Азия и Африка сегодня. 1999. № 8. С. 34–39.

Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., 2000.

Европа и Россия: проблемы южного направления. М.: «Интердиалект+», 1999. С. 243–410.

Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001. 484 с.

Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. 286 с.

Зиборов О. Интеграционный потенциал СНГ // Международная жизнь. 1998. № 9. С. 80–84.

Илларионов А. Финансовая стабилизация в республиках бывшего СССР // Вопросы экономики. 1996. №. 2. С. 64–83.

Интеграция в СНГ: зачем, как, когда? // Власть. 1995. № 12. С. 55–59.

Интересы России в СНГ // Международная жизнь. 1994. № 9. С. 14–35.

Ионова Е. Казахстан: тенденция к стабилизации // МЭ и МО. 1998. № 9. С. 136–140.

Исаев К.И., Горборукова Г.Я. Русские в Кыргызстане // Социс. 1998. № 3. С. 58–66.

Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995. 410 с.

Казахстан и мировое сообщество. Алматы, 2000. 270 с.

Катагощина А. Интеллектуальный потенциал и миграционные процессы в центрально-азиатском регионе // Восток. 1996. № 6. С. 70–88.

Кириченко В. Факторы, условия и ключевые направления экономической интеграции стран СНГ // Вопросы экономики. 1996. № 10. С. 71–80.

- Козик Л., Кохно П. Таможенный союз «четверки» сегодня и завтра // Российский экономический журнал. 1998. № 2. С. 70–75.
- Колчин С. Нефть и газ Каспия: стратегические интересы России // МЭ и МО. 1999. № 3. С. 97–103.
- Комаров В. Инвестиционное пространство СНГ // МЭ и МО. 1998. № 2. С. 109–114.
- Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам // Дипломатический вестник. 1994. № 21–22. С. 43–46.
- Конституционное право стран СНГ. Учебник для вузов. М., 1999. С. 1–23.
- Кузембайулы А., Эбил Е. История республики Казахстан. Астана, 1999. 422 с.
- Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999. 245 с.
- Лысенко В.Н. Региональные конфликты в странах СНГ: опыт урегулирования // Полис. 1998. № 2. С. 147–157.
- Маклина О. Интеграционные тенденции набирают силу // Азия и Африка сегодня. 1996. № 2. С. 7–13.
- Малаева А. Надэтническая идентичность или казахи и русские в Казахстане. Алматы. 2000. 264 с.
- Мащнев Д. Региональные экономические объединения стран СНГ // Российский экономический журнал. 1999. № 8–9. С. 60–69.
- Мещеряков В. Стратегия выживания // Азия и Африка сегодня. 1998. № 4. С. 7–16.
- Мещеряков В. Узбекистан: Социально-экономический портрет в геополитическом интерьере // Азия и Африка сегодня. 1998. № 1. С. 2–11.
- Михалева Н.А. Практикум по конституционному праву стран СНГ (методические разработки и нормативные акты). М., 1998. С. 5–140.
- Многомерные границы Центральной Азии / Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малашенко. М., 2000.
- Моисеев Е.Г. Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ. М., 1997. 266 с.
- Нарбаев Б.Н. Афганистан и региональная безопасность. Алматы, 2001. 192 с.
- Национальная идея в Туркменском преломлении // Азия и Африка сегодня. 1996. № 10. С. 2–59.
- Никитин А.И. Миротворческие операции: концепция и практика. М., 2000. 188 с.

Николаенко В. Россия и Казахстан // Международная жизнь. 1998. № 11–12. С. 93–96.

Олимова С.К., Олимов М.А. Независимый Таджикистан: трудный путь перемен // Восток. 1995. № 1. С. 132–146.

Павленко Ф., Новицкий В. Тенденции структурных изменений и промышленная политика в странах СНГ // Вопросы экономики. 1999. № 1. С. 103–124.

Петрова С.Н. Культурно-историческое наследие как ресурс внешней политики республики Узбекистан // Восток. 1998. № 3. С. 79–88.

Политика открытых дверей // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 8–10.

Полоскова Т.В. Диаспоры «Ближнего Зарубежья» в России // Дипломатический вестник. 1997. № 10. С. 28–30.

Полоскова Т.В. Диаспоры и внешняя политика // Международная жизнь. 1999. № 11. С. 71–81.

Полоскова Т.В. Некоторые вопросы гражданства в странах СНГ и Балтии // Дипломатический вестник. 1996. № 5. С. 49–51.

Процессы интеграции на постсоветском пространстве: тенденции и противоречия // Проблемы постсоветских стран. М., 2001. Вып. № 3.

Ризаев Р. Не только Азербайджан для России, но и Россия для Азербайджана является сферой жизненно важных интересов // Власть. 1996. № 7. С. 36–41.

Российские регионы и СНГ // Международная жизнь. 1999. № 2. С. 90–108.

Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2000.

Россия 2001: Статистический справочник. М., 2001.

Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000. 575 с.

Россия и зарубежные страны: сравнения по основным показателям // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 142–158.

Россия и соотечественники за рубежом // Дипломатический вестник. 1995. № 4. С. 45–46.

Россия и страны Ближнего Зарубежья. Внешнеполитические ориентиры. М., 1997. 183 с.

Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Барнаул, 2002. 232 с.

Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001. 438 с.

Сибирь в системе международных связей: Сб. статей. Томск, 2001. 152 с.

Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв. Томск, 1999. 156 с.

Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск, 2000. Вып. 2. 190 с.

СНГ: цифры, факты, персоналии. Минск, 1998.

Современные международные отношения: Учебник. М., 1998. С. 466–523.

Современный Казахстан: цифры и факты. Алматы, 1998. 112 с.

Содружество Независимых Государств и стран Балтии: Справочник. 1996. Вып. 3.

Сотников А. Пять лет торговли между странами СНГ: итоги и проблемы // МЭ и МО. 1997. № 5. С. 119–126.

Сотников А. Некоторые проблемы внутрирегиональной торговли СНГ // МЭ и МО. 2000. № 6. С. 34–39.

Страсти вокруг Каспия // Азия и Африка сегодня. 1999. № 1. С. 2–9.

Сулейменов Т. О некоторых актуальных направлениях внешней политики Казахстана // Международная жизнь. 1994. № 1. С. 32–38.

Сытнянский Г. Аскар Акаев. Президент Киргизии // Азия и Африка сегодня. 1996. № 1. С. 5–10.

Таксубаев А. Россия и Центральная Азия // Международная жизнь. 1999. № 3. С. 94–101.

Трофимов Д. Центральная Азия: проблемы этноконфессионального развития. М., 1994. 56 с.

Устав Содружества Независимых Государств // Дипломатический вестник. 1993. № 9–10. С. 31–38.

Центральная Азия в евразийской перспективе // Восток. 1996. № 5. С. 5–99.

Чаплыгин Ю. Состоялся ли курс на «рыночную» революцию в странах СНГ // Российский экономический журнал. 1997. № 8. С. 74–86.

Чернявский С. Балканский ответ в Закавказье // Международная жизнь. 1999. № 7. С. 84–92.

Чернявский С. Южный Кавказ в планах НАТО // Международная жизнь. 1998. № 9. С. 102–108.

Шишков Ю. Туркменистан: экономический портрет // МЭ и МО. 1995. № 7. С. 93–105.

Шмелев Н., Кудров В. Россия и страны Центральной Азии в контексте экономического сотрудничества в СНГ // Российский экономический журнал. 1996. № 10. С. 61–73.

Шумский Н. Интеграция в СНГ: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 11. С. 72–82.

Шумский Н. Формирование зоны свободной торговли государств Содружества // Вопросы экономики. 1999. № 12. С. 90–101.

Юнусов А. Посткоммунистический Азербайджан: проблемы и возможные пути развития // МЭ и МО. 1998. № 11. С. 100–111.

Яковлев И., Махкамов М., Михайлюк И. Российско-таджикские отношения в центрально-азиатском контексте.

Akiner Shirin. Islamic peoples of the Soviet Union. Second edition. London, 1986.

Russia and the Commonwealth of Independent States. Documents, Data and Analysis. London, 1997.

The CIS Handbook / Edited by Patrick Heenan and Monique Lamontague. London, Chicago, 1999.

Для подготовки докладов можно использовать также около 50 книг ведущих специалистов Великобритании и США по проблемам стран Центральной Азии на английском языке, имеющиеся в библиотеке кафедры мировой политики, а также около 500 статей на английском языке, имеющиеся в ресурсах электронной информации кафедры.

Литература по теме специального семинара постоянно обновляется.

Периодическая печать

Журналы: Азия и Африка сегодня, Власть, Вопросы истории, Вопросы экономики, Восток, Диалог, Дипломатический вестник, За рубежом, Международная жизнь, Мировая экономика и международные отношения, Новое время, Отечественная история, Полис, Российский экономический журнал, Социс, Экономика и жизнь, Pro et contra.

Бюллетени: Экономика и политика России и государств Ближнего Зарубежья. М.: ИМЭ и МО РАН. 1996–1999. Ежемесячные бюллетени. Проблемы Содружества. 2002. № 1–10.

Информационно-аналитического бюллетеня Института стран СНГ (Института диаспоры и интеграции). 2001–2002. № 1–54.

Газеты: Коммерсант, Независимая газета, Союз, Содружество, Экономические новости России и Содружества.

Интернет ресурсы: сайты организаций, институтов и информационных агентств:

<http://www.Azeriland.com>
<http://www.centralasiannews.com>
<http://www.Eurasia.org.ru>
<http://www.gazeta.kg.kyrgyzstan.by.ru>
<http://www.Gazeta.kz>
<http://www.Gazetasng.ru>
<http://www.Caapr.kz>
<http://www.Caravan.kz>
<http://www.Caspian.ru>
<http://www.cis.minsk.by>
<http://www.cisstat.com/>
<http://www.Fergana.ru>
http://www.Kazakhstan_gateway.kz
<http://www.Khabar.kz>
<http://www.Kisi.kz>
<http://www.Neftegaz.ru>
<http://www.ng.ru/cis>
<http://www.opennews.net.kg>
<http://www.rian.ru>
<http://www.russian.people.com.cn>
<http://www.Transcaspian.ru>
<http://www.Turkmenistan.ru>
<http://www.sarke.com>
<http://www.zatulin.ru>

В.П. Зиновьев

Томский государственный университет

Внешнеполитические проблемы стран Центральной Азии

(Программа специального курса лекций)

Описание спецкурса

Курс предназначен для студентов третьего курса специальности «международные отношения», специализации «мировая политика». Цель – ознакомление студентов с основными проблемами внешней политики стран новой Центральной Азии. В число этих стран сейчас включают бывшие республики Союза ССР, ставшие независимыми с 1991 г. – Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Правильнее было бы их называть странами Центральной Евразии.

Основная задача курса лекций – дать студентам представление о следующих темах:

- история формирования региона и его геополитическом положении;
- экономическая и политическая ситуация в странах региона;
- внутрирегиональные проблемы внешней политики;
- отношения с Россией и странами СНГ;
- отношения со странами исламского мира;
- каспийская проблема;
- поясе нестабильности вокруг центра Евразии – Синьцзян, Афганистан, Курдистан, Кавказ.

Специальный курс сопровождается специальным семинаром «Проблемы внутренней и внешней политики стран Центральной Азии (1991–2002 гг.)».

Объем курса лекций – 20 ч, форма аттестации – зачет.

Основные темы

1. История государственности стран Центральной Азии и их геополитическое положение

4 ч

Эволюция термина «Центральная Азия». Краткая история Центральной Азии: оазисы и кочевники древности, иранские цивилизации, формирование этносов и государств средневековья, тюркское, арабское, татаро-монгольское вторжения, государства Тимура, Моголов, завоевание Средней Азии узбеками, Кокандское, Хивинское ханства, Бухарский эмират, Джунгария, присоединение Казахстана и Средней Азии к России в XVIII–XIX вв., «Большая игра» – соперничество России и Англии в Центральной Азии. Республики Средней Азии и Казахстан в составе СССР. Образование независимых государств и их геополитическая характеристика.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. М., 1992. Кн. 1–2.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2000.
3. Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 350–366.
4. Иванов П.П. Очерки истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). М., 1978.
5. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата, 1977–1978.
6. История Киргизской ССР: В 2 т. Фрунзе, 1968.
7. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968–1969.
8. История таджикского народа. М., 1963–1965. Т. 1–2.
9. История Туркменистана. Ашхабад, 1966.
10. История Узбекской ССР: В 4 т. Ташкент, 1967–1968.
11. Казахстан, Средняя Азия и Центральная Азия в XV–XVIII вв. Алма-Ата. 1983.
12. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. Барнаул, 1998. 175 с.
13. Страны мира: Справочник. М., 1999. 511 с.

2. Экономическая и социально-политическая ситуация в странах Центральной Азии после обретения независимости

2 ч

Демографическая, этническая, конфессиональная характеристика стран региона. Оценка природно-экономического потенциала. Динамика ВВП, состояние основных отраслей народного хозяйства: промышленности, аграрной сферы, транспорта. Уровень и качество жизни. Политические режимы. Угрозы внутренней стабильности.

Литература

1. Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности. М., 2001. 355 с.
3. Болотин Б. Советский Союз: прощальный портрет 15 бывших республик // МЭ и МО. 1993. № 1. С. 141–159.
4. Брук С.И. Население мира: этнодемографический справочник. М., 1986. 830 с.
5. Гринберг Р. Постсоюзное экономическое пространство: коллизии и сценарии развития // Российский экономический журнал. 1996. № 10. С. 53–60.
6. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001. 484 с.
7. Катагощина А. Интеллектуальный потенциал и миграционные процессы в центрально-азиатском регионе // Восток. 1996. № 6. С. 70–88.
8. Россия – Центральная Азия. Проблемы миграций и безопасности. Барнаул, 2002. 231 с.
9. Трофимов Д. Центральная Азия: проблемы этноконфессионального развития. М., 1994. 56 с.
10. Akiner Shirin. Islamic peoples of the Soviet Union. Second edition. London, 1986.
11. The CIS Handbook / Ed. by Patrick Heenan and Monique Lamontague. London; Chicago, 1999.

3. Внутрорегиональные проблемы внешней политики стран Центральной Азии

2 ч

Интеграционные процессы в регионе: ЦАРС – ЦАЭС – ЦАС. ТРАСЕКА. Отношения между странами региона. Водно-экологический кризис.

Литература

1. Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности. М., 2001. 355 с.
2. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001. 484 с.
3. Маклина О. Интеграционные тенденции набирают силу // Азия и Африка сегодня. 1996. № 2. С. 7–13.
4. Мацнев Д. Региональные экономические объединения стран СНГ // Российский экономический журнал. 1999. № 8–9. С. 60–69.
5. Шумский Н. Интеграция в Содружестве независимых государств: проблемы и перспективы // МЭиМО. 1999. № 11. С. 72–82.

4. Отношения стран ЦАР с Россией и другими странами СНГ

2 ч

Экономические связи России и стран ЦАР: торговый обмен, кредитно-финансовые связи, деятельность ФПГ. Военно-политическое сотрудничество, антитеррористические акции, охрана границ. Сотрудничество в гуманитарной области.

Литература

1. Барановский С. Россия и ее ближние соседи: конфликты и усилия по их урегулированию // МЭ и МО. 1996. № 1. С. 34–48.
2. Васильев А. Россия и Центральная Азия // Азия и Африка. 1999. № 4. С. 2–5; № 5. С. 48.
3. Гусаков В. Украина и Центральная Азия // Азия и Африка сегодня. 1999. № 6. С. 43–46.
4. Моисеев Е.Г. Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ. М., 1997. 266 с.
5. Россия 2001: Статистический справочник. М., 2001.
6. Современные международные отношения: Учебник. М., 1998. С. 466–523.
7. Таксубаев А. Россия и Центральная Азия // Международная жизнь. 1999. № 3. С. 94–101.
8. Шмелев Н., Кудров В. Россия и страны Центральной Азии в контексте экономического сотрудничества в СНГ // Российский экономический журнал. 1996. № 10. С. 61–73.

9. Шумский Н. Интеграция в СНГ: проблемы и перспективы // МЭ и МО. 1999. № 11. С. 72–82.

10. Шумский Н. Формирование зоны свободной торговли государств Содружества // Вопросы экономики. 1999. № 12. С. 90–101.

5. Страны Центральной Азии и исламский мир

2 ч

Исламский фактор во внешней политике новых независимых государств Центральной Азии. Отношения стран ЦАР с Турцией, Ираном, Пакистаном, Афганистаном, деятельность Организации экономического сотрудничества.

Литература

1. Белокриницкий В.Я. Центральная Азия в евразийской перспективе // Восток. 1996. № 5. С. 93–99.

2. Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., 2000.

3. Москаленко В.Н. Пакистан – курс на Центральную Азию // Восток. 1996. № 5.

4. Мукиджанова Р.М. Государства Центральной Азии и их южные соседи // Восток. 1996. № 5. С. 54–61.

5. Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2002. 335 с.

6. Надеин-Раевский В. Турция, Россия и тюркоязычные народы после распада СССР // МЭ и МО. 1994. № 4. С. 39–50.

7. Скларов Л.Е. Иран: от политики экспорта «исламской революции» к региональному сотрудничеству (значение перемен для Центральной Азии) // Восток. 1996. № 5. С. 69–77.

8. Ульченко Н. Новые приоритеты в Центральной Азии // Азия и Африка сегодня. 1996. № 1. С. 19–21.

6. Каспийский узел

2 ч

Юридический статус Каспийского озера, основные проекты его определения, позиция стран Каспийского бассейна. Оценка ресурсного потенциала – топливно-энергетического и биологического. Позиция России. Деятельность российских и иностранных энергетических

компаний. Политика США и Турции в Каспийском вопросе. Проект нефтепровода Баку – Джейхан. Позиция государств Закавказья.

Литература

1. Алиев Р. Каспийский регион и безопасность России // Азия и Африка сегодня. 1998. № 7. С. 4–7.
2. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. 463 с.
3. Колчин С. Нефть и газ Каспия: стратегические интересы России // МЭ и МО. 1999. № 3. С. 97–103.
- Носов А.А. Проблема определения правового статуса каспийского моря // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск, 2000. Вып. 2. С. 118–130.
- Носов А.А. Оценка запасов каспийской нефти и их возможной роли на мировом нефтяном рынке // Сибирь в системе международных связей. Томск, 2001. С. 101–118.
4. Страсти вокруг Каспия // Азия и Африка сегодня. 1999. № 1. С. 2–9.
5. Чернявский С. Балканский ответ в Закавказье // Международная жизнь. 1999. № 7. С. 84–92.

7. Пояс нестабильности вокруг центра Евразии

6 ч

Современный Синьцзян, уйгурская проблема. Афганистан как источник исламского экстремизма. Антитеррористическая операция США. Курдистан как потенциальная угроза нестабильности. Кавказ: Карабахский и Чеченский конфликты.

Литература

1. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 1998. 281 с.
2. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. М., 1999. С. 129–188.
3. Афганистан: Справочник. М., 2000. 255 с.
4. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. 463 с.
5. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. 286 с.
6. Курдистан-98 // Азия и Африка сегодня. 1998. № 2.
7. Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999. 245 с.

8. Лысенко В.Н. Региональные конфликты в странах СНГ: опыт урегулирования // Полис. 1998. № 2. С. 147–157.
9. Мгой. Ш. Тернистый путь к свободе // Азия и Африка сегодня. 1998. № 8. С. 28–30.
10. Многомерные границы Центральной Азии / Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малашенко. М., 2000.
11. Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2002. 335 с.
12. Нарбаев Б.Н. Афганистан и региональная безопасность. Алматы, 2001. 192 с.
13. Dillon Michael. Chin's Muslims. Oxford University Press. 1996. 72 p.

Л.В. Дериглазова

Томский государственный университет

Международное гуманитарное право и его применение

(Программа специального семинара)

Описание спецкурса

Целью специального семинара является предоставление систематической информации о международном гуманитарном праве (МГП) и особенностях его применения в практике современных международных отношений. МГП как отрасль международного публичного права начинает формироваться в конце XIX в. и находит все более широкое применение после окончания Второй мировой войны. В последние десять лет происходит активное формирование институционального механизма обеспечения норм МГП на международном уровне. Международное сообщество стремится к выработке всеобъемлющего механизма контроля за соблюдением норм МГП, и наказания за их нарушение.

В 1993 и 1994 гг. соответственно были созданы Международные трибуналы ООН по бывшей Югославии и Руанде. В 1998 г. был принят Римский статут, в соответствии с которым должен быть создан Международный уголовный суд (МУС). МУС будет действовать на постоянной основе для рассмотрения военных преступлений, случаев геноцида и преступлений против человечности. В апреле 2002 г. Римский статут был ратифицирован необходимым количеством государств для начала формирования Суда. В начале 2003 г. МУС должен начать свою деятельность.

Процесс выработки норм МГП и формирования механизма защиты МГП происходит под эгидой наиболее авторитетной и универсальной международной организации – ООН. Важную роль в мониторинге за

соблюдением норм МГП играют международные неправительственные организации – такие как Международный комитет Красного Креста, Международная амнистия и Хьюман Райтс Вотч.

Однако МГП и деятельность международных институтов по преследованию военных преступлений встречают часто неоднозначную реакцию со стороны различных стран. На сегодняшний день одним из наиболее активных противников создания МУС являются США и Израиль. Россия, несмотря на то, что она ратифицировала Римский статут, также имеет неоднозначную позицию по отношению к военному трибуналу по бывшей Югославии и созданию МУС.

Требования к студентам

По окончании курса студенты должны:

- знать основные положения МГП и документы, в которых заложены принципы и нормы МГП;
- понимать причины эволюции МГП в XX в.;
- разбираться в особенностях применения МГП в случаях различных вооруженных конфликтов;
- понимать механизм международной уголовной юрисдикции;
- знать и понимать содержание дискуссий по проблемам применения МГП;
- знать особенности деятельности неправительственных организаций по защите норм МГП.

Критерии оценки

- посещение всех занятий;
- активное участие в дискуссиях в классе;
- подготовка аналитической письменной работы;
- выступление на семинаре по одной из предложенных тем;
- знание изучаемого материала.

Тема 1. МГП в системе международных отношений

Возникновение и развитие МГП. Причины его формирования. Основные документы, заложившие основу МГП. Основные понятия и принципы МГП. Организация и движение Международного Красного Креста.

Тема 2. Развитие МГП после Второй мировой войны

Принятие Женевских конвенций 1949 г. Их основные положения и принципы. Принятие Дополнительных протоколов 1977 г. Основные положения и особенности применения.

Тема 3. Особенности имплементации МГП

Национальный и международный уровень применения МГП. Ответственность государств по реализации МГП.

Соотношение сферы применения прав человека и МГП. Сходства и различия.

Участие правительственных и неправительственных организаций в контроле за исполнением норм МГП.

Деятельность Международной амнистии, движения и МККК, Хьюман Райтс Вотч.

Тема 4. Международная уголовная юрисдикция

Создание международного институционального механизма преследования за нарушение норм МГП.

Практика международных судов *ad hoc*. Нюрнбергский и Токийский трибуналы. Международный трибунал по бывшей Югославии, 1993 г. Особенности юрисдикции Трибунала. Обзор деятельности Трибунала. Критика деятельности.

Создание и деятельность Международного трибунала по Руанде, 1994 г. Обзор деятельности и существующие проблемы.

Соотношение национального и международного уровней уголовного преследования за нарушение норм МГП.

Тема 5. Создание Международного уголовного суда (МУС)

Римский статут 1998 г. Основные положения статута. Предполагаемая юрисдикция МУС.

Борьба за ратификацию статута МУС. Коалиция в поддержку создания МУС. Особая позиция России, США и Израиля.

Темы докладов

1. Деятельность Международного комитета Красного Креста в условиях вооруженных конфликтов.
2. Проблемы ратификации положений МГП.
3. Дело генерала Радислава Крштича (Radislav Krstic), первый вынесенный приговор Трибунала по Бывшей Югославии по обвинению в геноциде.
4. Дело С. Милошевича.
5. Критика работы Трибунала по бывшей Югославии.
6. Отношение России к Трибуналу по бывшей Югославии. Причины и последствия.
7. Трибунал по Руанде. Основные достижения и проблемы.
8. Значение работы Трибуналов в процессе постконфликтного урегулирования.
9. Римский статут 1998 г.
10. Деятельность Коалиции в поддержку МУС.
11. США и МУС.
12. Позиция Евросоюза по отношению к МУС.
13. Практика публичных трибуналов (Трибунал Рассела по Вьетнаму, Токийский трибунал 2000 г., Трибунал по Чечне).
14. Дело А. Пиночета.

Документы

Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г.

Женевская конвенция (I) от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях.

Женевская конвенция (II) от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море.

Женевская конвенция (III) от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными.

Женевская конвенция (IV) от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), принят 8 июня 1977 г.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), принят 8 июня 1977 г.

Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или иметь неизбирательное действие, от 10 октября 1980 г.

Устав Международного трибунала по бывшей Югославии.

Устав Международного Суда по Руанде.

Статут Международного Суда (Римский статут).

UN Resolution № 827 (25 May 1993) (Establishment of International Criminal tribunal on Former Yugoslavia).

Statute of International tribunal, adopted 25 May 1993 (on former Yugoslavia).

Amended statute of International tribunal (adopted 25 May by Resolution 827), (as amended 13 May 1998 by Resolution 1166), (as amended 30 November 2000 by Resolution 1329), (as amended 17 May 2002 by Resolution 1411).

Литература

Гассер Ханс-Петер. Международное гуманитарное право. Введение. Международный комитет Красного Креста. М., 1995.

Barker C. International law and international relations: international relations for the 21st century. Continuum: London; NY, 2000.

Периодика

Международный журнал Красного Креста

(Статьи, публикуемые в журнале, доступны на сервере МККК под рубрикой «Publications / Periodicals» по следующим адресам:

– на английском языке с 1995 года: <http://www.icrc.org>;

– на французском языке с 1996 года: <http://www/cicr.org>)

Белорусский журнал международного права и международных отношений (электронный журнал: <http://www.beljournal.by.ru/about.shtml>)

Индекс (электронный журнал: <http://www.index.org.ru>)

Интернет-ресурсы

Международный трибунал по бывшей Югославии: www.icty.org

Международный трибунал по Руанде: www.ictt.org

Международный комитет Красного Креста <http://www.icrc.org>

Коалиция за создание Международного уголовного суда (Coalition for an International Criminal Court) : <http://www.iccnw.org>

Организация Объединенных Наций: www.un.org

Международная амнистия (Amnesty International): <http://www.amnesty.ru/> ; <http://www.amnesty.org/>

Хьюман Райтс Вотч (Human Rights Watch): <http://www.hrw.org/russian/>

Совет Европы: <http://legal.coe.int/icc>

Международный уголовный суд: <http://www.icc.int>

Правозащитный фонд «Гласность» <http://www.glasnostonline.org/>

Проект Преступления войны (Crimes of War) 1999–2001 <http://www.index.org.ru/crimesofwar>

Люди о войне (People on War): <http://www.onwar.org/> Международный проект направлен на привлечение внимания мирового сообщества к тем правилам, которые установлены для защиты людей во время военных конфликтов. Целью проекта является также содействие дискуссиям по международному праву в контексте проблем современных военных конфликтов.

Наблюдение за военными преступлениями – Коалиция в поддержку международного правосудия (War Criminal Watch – Coalition for International Justice): <http://www.wcw.org> На сайте представлены списки подозреваемых в совершении военных преступлений, обвиненных трибуналами ad hoc; дается оперативная информация о состоянии судебных процессов.

Институт войны и мира (Institute for War and Peace Reporting) <http://www.iwpr.net> Эта независимая издательская и медиа-группа ставит своей целью поставлять информацию о военных конфликтах для международных дискуссий, проводить обучение и предоставлять возможность высказывания для независимых СМИ и для других демократических организаций.

Л.В. Дериглазова

Томский государственный университет

Социальная политика Европейского Союза

(Программа специального курса лекций)

Описание спецкурса

Цель курса. Изучение «социального измерения» европейской интеграции, процесса создания единого социального пространства в Европе, тесной взаимосвязи экономических и социальных интеграционных процессов. В рамках курса будут рассмотрены основные этапы становления единой социальной политики ЕС; документы, определяющие содержание социальной политики; механизм реализации социальной политики, а также проблемы и перспективы социальной интеграции.

Задачи курса. Формировать у студентов четкое представление о социальной политике Евросоюза, включая умения: ориентироваться в основных подходах к решению социальных проблем; анализировать документы, определяющие социальную политику ЕС; понимать проблемы формирования европейской коммунитарной социальной политики; понимать содержание дискуссий о социальной политике на национальном и общеевропейском уровне; разбираться в особенностях осуществления коммунитарной социальной политики ЕС.

Место курса в системе социогуманитарного образования. Данный курс является частью специализации по теме «Европейский Союз», призванной дать студентам углубленные знания об истории, современ-

ном положении и возможном будущем объединенной Европы. Курс разработан в рамках проекта TEMPUS-TACIS в сотрудничестве с Оксфордским университетом (Великобритания) и Свободным университетом Брюсселя (Бельгия). Курс рассчитан на студентов четвертого курса, обучающихся по специальности «Международные отношения».

Требования к уровню освоения содержания курса. Курс предполагает знакомство студентов с основными этапами европейской интеграции в социальной сфере. Студенты обязаны посещать все занятия, ознакомиться с обязательной литературой и документами, в том числе на иностранном языке, написать аналитическую записку и сдать зачет. На зачете студенты должны продемонстрировать знание содержания курса, а также навыки самостоятельной аналитической работы.

Содержание курса. Разработка социальной политики государствами-членами ЕС началась с осознания необходимости обращения к социальной базе европейской интеграции как основы устойчивого экономического роста. Формирование общей социальной политики началось с определения прав трудящихся в первых договорах об экономическом сотрудничестве, подписанных в 1950-е гг.: об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС, 1951 г.), Европейского экономического сообщества (ЕЭС, 1957 г.) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома, 1957 г.).

Включение минимальных социальных гарантий в тексты договоров обеспечивало основу для свободы движения людей в рамках Сообществ. Положения о социальных гарантиях первоначально являлись скорее декларативными, чем действенными, так как они не были подкреплены конкретной программой мероприятий, не существовал механизм осуществления социальных гарантий на коммунитарном уровне.

Принятие в 1961 г. Европейской социальной хартии Совета Европы, членами которого являлись все государства-члены Европейских сообществ, явилось дополнительным толчком к развитию всеобъемлющей правовой основы в социальной сфере Европейских сообществ. Углубление экономической интеграции и создание единого европейского рынка потребовали придания равного значения социальным и экономическим аспектам интеграции, так чтобы они развивались сбалансированным образом.

Специалисты оценивают период 1970-х гг. как время осознания важности развития социальной сферы, 1980-е гг. – время укрепления «социального измерения» как необходимого условия для создания единого рынка, и 1990-е гг. – как период дальнейшего укрепления взаимосвязи между экономическими и социальными вопросами.

Формирование и осуществление единой социальной политики связано с необходимостью решения целого комплекса проблем, среди которых можно выделить следующие.

Долгое время вопросы социальной политики рассматривались как сугубо внутреннее дело каждого государства. Некоторые страны не желают делегировать вопросы социальной защиты на общеевропейский уровень и допустить вмешательство наднациональных органов в область социальной защиты населения. Вопрос о соотношении коммунитарной политики и национального суверенитета является предметом споров и разногласий.

По мнению многих специалистов, уровень социального обеспечения отражает уровень экономического развития страны. Возможность реализации единой социальной политики является достаточно сложной проблемой в условиях различного уровня экономического и социального развития государств-членов.

Выработка единой социальной программы невозможна без учета национальных особенностей рынка труда, демографической ситуации, системы налогообложения, жизненного уровня, системы здравоохранения, образования и социальных программ отдельных членов Европейского Союза.

Система социального обеспечения в каждой стране является уникальным сочетанием различных факторов социального, экономического, политического и финансового характера. Эти различия в национальных моделях социальной защиты и национальных приоритетах во внутренней политике отдельных стран являются существенной проблемой для выработки общей социальной политики ЕС.

Поиск общего понимания социальной политики между государствами-членами ЕС и выработка единой взаимоприемлемой модели социальной политики и ее составляющих являлись первым этапом становления европейской социальной интеграции. Выработка общей социальной политики ЕС отразила необходимость координации и баланса национальных моделей социальной защиты с общеевропейскими принципами для успешного развития экономической интеграции.

Важным этапом на пути формирования единого социального пространства было принятие документов, в которых определялось содер-

жание социальной политики и приоритеты Европейского Союза в области социального развития: Хартии основных социальных прав трудящихся (1989 г., Страсбург), Соглашения и Протокола о социальной политике, приложенных к Маастрихтскому договору.

Конец 1990-х гг. – это время серьезных изменений в области регуляции социальных отношений. Осуществляется реформа существующих институтов, создаются новые. Основы общей коммунитарной социальной политики были включены в тексты Амстердамского договора в 1997 г. и закреплены Договором, подписанным в Ницце в 2000 г. В Ницце был также принят текст Хартии Основопологающих прав гражданина Европейского союза, объединивших гражданские, политические, экономические, социальные права в едином документе.

В данный момент считается, что нет необходимости в принятии новых решений в области социальной политики или создания новых институтов, регулирующих эту область. Более важной задачей в социальной сфере является выработка действенного механизма реализации социальных гарантий на общеевропейском уровне.

В ряде стран ЕС в 1990-е гг. были проведены серьезные реформы систем социальной защиты, произошло заметное уменьшение объема социальных услуг и введение рыночных принципов социального обеспечения. Эти тенденции не могут не вызывать резкую критику со стороны профсоюзов и некоторых политических сил, а также являются основанием для заявлений о том, что на смену государству всеобщего благоденствия в Европе приходит система «индивидуального обеспечения собственного благополучия».

Примерная тематика рефератов

1. Основные направления социальной политики на примере отдельных стран или на уровне ЕС (права трудящихся; свобода передвижения; проблемы занятости и безработицы; образование; уровень жизни; семейная политика; защита прав детей и подростков; миграция и гражданство; защита прав пенсионеров, права инвалидов).

2. Проблемы формирования социальной политики Евросоюза в 1990-е гг.

3. Механизм осуществления социальной политики Европейского Союза: деятельность Экономического и Социального Совета, Европейских структурных фондов, инициативные программы ЕС, социальное партнерство.

4. Дебаты о будущем единой социальной Европы.

5. Социальные последствия введения евро.

ТЕМЫ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Введение в проблематику

Краткая история развития европейской социальной идеи. Основные понятия курса: государство всеобщего благоденствия, социальные права, социальная политика, социальная защита, социальное обеспечение. Основные модели существующих систем социальной защиты: страхование, система компенсаций, социальная помощь, социальные службы, социальные фонды, универсальная система социальной защиты.

Тема 2. Организация социального обеспечения с странах ЕС

Основные формы организации социального обеспечения в странах Европейского Союза: универсальная (англосаксонская, бевериджиянская) система; социал-демократическая, или скандинавская система; континентальная (консервативная); южно-европейская (латинская). Краткая характеристика особенностей национальных моделей.

Тема 3. От социальной идеи к социальной политике

Договоры, учреждающие Европейские сообщества: Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Анализ социальных статей этих договоров. •

Европейская Социальная хартия Совета Европы 1961 г. Основные положения.

Тема 4. От «социального измерения» к единому социальному пространству. Единый европейский акт 1986 г. и принятие Хартии основных социальных прав трудящихся Сообщества

Принятие Единого европейского акта (ЕЕА) и освещение в нем вопросов социальной политики. Создание институтов социального партнерства на общеевропейском уровне.

Разработка и принятие Хартии основных социальных прав трудящихся Европейского Сообщества. Анализ основных положений Хартии.

Тема 5. Учреждение Европейского Союза и формирование механизма реализации социальной политики ЕС

Маастрихтский договор 1992 г., Соглашение о социальной политике и Протокол о социальной политике. Создание законодательной базы единой социальной политики.

Проблемы осуществления социальной политики. «Белая книга о росте, конкурентоспособности и занятости: вызовы и пути вступления в XXI век», 1993 г.; Зеленая книга «Европейская социальная политика: размышления для Союза», 1993 г.; Белая книга «Европейская социальная политика: путь для Союза», 1994 г.

Проблема занятости и ее решение в 1990-е гг. Основные направления социальной политики в 1990-е гг.

Тема 6. Механизм реализации социальной политики Европейского Союза

Основные социальные институты ЕС, их полномочия: Европейский совет, Европейская комиссия, Европарламент, Суд европейский сообществ, Экономический и социальный комитет.

Вспомогательные социальные институты Сообщества: комитеты, Европейский центр развития профессиональной подготовки, Фонд улучшения условий жизни и труда.

Европейские структурные фонды и инициативные программы ЕС.

Тема 7. Перспективы развития социальной политики ЕС в XXI веке. Гармонизация или координация национальных социальных моделей?

Европейское социальное законодательство. Амстердамский договор 1997 г. и договор, подписанный в Ницце 2000 г. Хартия основополагающих прав ЕС, декабрь 2000 г.

Итоги осуществления социальной политики. Перспективы выработка единой европейской социальной модели. Проблемы расширения Европейского Союза.

Литература и источники

Основная

Hantrais L. Social Policy in the European Union. London, 1995.

George V., Taylor-Gooby P. European Welfare Policy. Squaring the Welfare Circle. London, 1996.

Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Commission, 18.12.2000.

Амстердамский договор // Документы Европейского Союза. Т. V. М.: Интердиалект+, 1999.

Европейская социальная хартия и дополнительный протокол. Страсбург, 1993.

Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Социальная политика. М., 1996.

Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Договоры, учреждающие Европейские Сообщества. М., 1994.

Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Единый европейский акт. Договор о Европейском Союзе. М., 1994.

Каргалова М.В. От социальной идеи к социальной интеграции. М., 1999.

Дополнительная

Bonoli G., George V., Taylor-Gooby P. European Welfare Future. Towards a Theory of Retrenchment. Oxford, 2000.

European Social Charter of 12 October 1961 and additional protocol of 5 May 1988. Strasbourg, 1991.

European Union. Power and policy-making. 2 nd edition edited by J. Richardson, Routledge, Taylor & Francis group, London, New York, 2001.

Falkner G. EU Social policy in the 1990s. Towards a corporatist policy community. London, NY, 1998.

Geddes A. Immigration and European integration. Towards fortress Europe? Manchester, NY, 2000.

Geyer R. Exploring European Social Policy.

Shore C. Building Europe. The Cultural Politics of European Integration. London, NY, 2000.

Symes V. Unemployment and Employment in the EU. London, 1998.

Глоссарий по европейской интеграции. Термины договоров и соглашений Европейского Союза // Отв. ред. Ю.А. Борко. М.: Интердиалект+, 1998.

Социальная политика Швеции // Составители А. Меллер, А.Я. Некрасов, М.: Социальная защита, 1999.

Холостова Е.И. Социальная политика. М.: Инфра-М, 2001.

Периодика

Современная Европа. Журнал Института Европы РАН.

Европа. Журнал ЕС.

Интернет-ресурсы

Официальная страница Европейского Союза: <http://europa.eu.int>

Сайт АЕВИС – Ассоциации Европейских Исследований (AES – Association of European Studies): <http://www.aes.org.ru>, <http://www.ecsanet.org>

Институт Европы РАН: <http://isn.rsuh.ru/iu>

Российская Ассоциация Международных Исследований <http://www.gami.ru> (Полная информация о сайтах, посвященных европейским исследованиям, представлена на официальном сайте Ассоциации Европейских Исследований).

Делегация Комиссии Европейского Союза в России: <http://eur.ru>

Europe Direct: Service to help you find answers to your questions about the European Union: <http://www.europa.eu.int/europedirect>

Who is who in the EU: <http://www.europa.eu.int/idea>

Access to EU law: <http://www.europa.eu.int/eur-lex>; <http://www.europa.eu.int/celex>

European statistics: <http://www.europa.eu.int/comm/eurostat>.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231.

Электронная почта: info@ino-center.ru

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования Российской Федерации (Минобразование России) является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в области образования и координирующим деятельность учреждений высшего и среднего профессионального образования, научных и иных организаций системы образования, аттестацию научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Минобразование России участвует совместно с другими федеральными органами исполнительной власти в формировании и реализации государственной научной и научно-технической политики. Разрабатывает федеральные целевые, межгосударственные и межведомственные программы и проекты в области образования, научной деятельности и молодежной политики. Обеспечивает выполнение обязательств Российской Федерации, вытекающих из договоров с иностранными государствами по вопросам образования, международного сотрудничества в области молодежной политики, а также программ международного научно-технического сотрудничества, межведомственных договоров и соглашений.

В структуру Минобразования России входят несколько сот вузов и научных организаций. В составе вузов имеются: проблемные научно-исследовательские лаборатории, технопарки, НИИ, конструкторские бюро, инженерные, научные и методические центры, опытные производства. В вузах и организациях работают около двухсот тысяч человек профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя

традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки “развития и распространения знаний и понимания”. Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

РЕГИОНЫ РОССИИ И МИРОВЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Сборник статей

Корректор К.В. Маликова
Компьютерная верстка В.К. Савицкий

Лицензия ИД № 00208 от 20.12.99 г.
Подписано к печати 15.12.2003 г. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печ. л. 11,88. Усл. печ. л. 11,04. Тираж 500 экз. Заказ № 198.

Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Участок оперативной ризографии и офсетной печати
Редакционно-издательского отдела ТГУ
Лицензия ПД № 00455 от 15.11.99 г.

МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

1-915650

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
<https://vital.lib.tsu.ru>

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00457897

T